

Серия «Библиотека ГВЛ»
основана в 2005 г. в память
об ученом, политике, предпринимателе
Геннадии Викторовиче Лебедеве
(1957—2004)

Библиотека ГВЛ
Серия: «Деньги»

У. С. ДЖЕВОНС

Деньги
и
механизм обмена

Социум
2006

УДК 336.74.0
ББК 65.26
Д40

Серия: «Библиотека ГВЛ: Деньги»

Печатается по изданиям:

Джевонс У. Ст. Металлические деньги. Одесса, 1896.

Джевонс У. Ст. Бумажные деньги. Одесса, 1896.

Jevons W. S. Money and the mechanism of exchange. L., 1875,
(Ch. I–XI, XV–XXI, XXIII, XXVI).

Джевонс У. Ст.

Д40 Деньги и механизм обмена / Уильям Стенли Дже-
вонс; пер. с англ. — Челябинск: Социум, 2005. 192 с.
(Серия: «Библиотека ГВЛ: Деньги»)
ISBN 5-901901-46-0

В ставшей классической книге одного из соавторов маржиналистской революции в экономической науке У. Ст. Джевонса (1835–1882) в популярной форме описывается роль денег в экономической системе. Написанная в 1875 г. в период формирования международного денежного стандарта, книга рассматривает вопросы золотого, серебряного и бумажно-денежного стандартов. Особый интерес представляет подробное обсуждение закона Грэшма (гл. VII), конкурирующих денежных единиц (гл. VI), способов регулирования бумажно-денежного обращения (гл. XII).

УДК 336.74.0
ББК 65.26

ISBN 5-901901-46-0 © ООО «Социум», оформление, 2005

Оглавление

Глава I. Обмен	1
Глава II. Функции денег	8
Глава III. История денег	13
Глава IV. Какими качествами должен обладать материал, из которого готовятся деньги	22
Глава V. Металлы в качестве денег	33
Глава VI. Монета	45
Глава VII. Законы металлического обращения	57
Глава VIII. Системы металлических денег	74
Глава IX. Погашение обязательств	90
Глава X. Условные деньги	94
Глава XI. Депозитные билеты	104
Глава XII. Способы регулирования бумажного обращения	115
Глава XIII. Кредитные знаки	134
Глава XIV. Банковская система	144
Глава XV. Лондонская расчетная палата	156
Глава XVI. Иностраный вексель	165
Глава XVII. Какое количество денег необходимо для страны?	175

Оглавление

Глава I. Обмен	1
Недостатки натурального обмена (3).—Необходимость мерила ценности (4).—Ценность — не внутреннее качест- во предмета (5)	
Глава II. Функции денег	8
Деньги как меновое средство (8).—Деньги как мерило ценности (9).—Деньги как средство собирания сокровищ (10).—Деньги как нормальная ценность (11).—Разделе- ние функций (11)	
Глава III. История денег	13
Деньги у охотничьих народов (13).—Деньги у пастушеских народов (15).—Украшения в качестве денег (17).—Деньги у земледельческих народов (18).—Разные предметы, употребляемые в качестве денег (20)	
Глава IV. Какими качествами должен обладать материал, из которого приготавливаются деньги . . .	22
Ценность (23).—Легкость перевозки (26).—Неразруша- емость (28).—Однородность (29).—Делимость (29).— Неизменяемость в ценности (30).—Узнаваемость (31)	
Глава V. Металлы в качестве денег	33
Железо (35).—Свинец (35).—Олово (36).—Медь (37).— Серебро (37).—Золото (39).—Платина (40).—Никель (41).—Другие металлы (42).—Сплавы (42)	
Глава VI. Монета	45
Изобретение монеты (47).—Что такое монета? (48).— Форма монеты (49).—Какая форма наилучшая? (51).—Ху- дожественные достоинства монеты (52).—Исторические монеты (53).—Монетная регалия (54)	

Глава VII. Законы металлического обращения	57
Нормальная единица ценности (57).—Счетные деньги (59).—Нормальные деньги и денежные знаки (63).—Ценность металлическая и номинальная (64).—Законная монета с принудительным курсом (65).—Сила привычки в денежном обращении (66).—Закон Грэшема (68).—Распространение закона Грэшема (72)	
Глава VIII. Системы металлических денег	74
Весовые деньги (75).—Свободная валюта (78).—Простая валюта (81).—Сложная валюта (83).—Смешанная валюта (86)	
Глава IX. Погашение обязательств	90
Способы погашения обязательств (91).—Условные деньги (91).—Система чеков и их погашение (92)	
Глава X. Условные деньги	94
История условных денег (95).—Причины употребления условных денег (98).—Неудобство металлических денег (99).—Тяжеловесность денег (100).—Сбережение процентов (101)	
Глава XI. Депозитные билеты	104
Складочные свидетельства на определенные товары (104).—Общее складочное свидетельство (105).—Различие между специальным и общим депозитом (107).—Денежный депозит (109).—Законы обращения условных денег (112)	
Глава XII. Способы регулирования бумажного обращения	115
Простые депозиты (118).—Частичные депозиты (119).—Минимальный выпуск (120).—Пропорциональный резерв (120).—Максимальный выпуск (122).—Эластичные пределы (123).—Бумажный резерв (123).—Резерв из недвижимой собственности (124).—Регулирование выпуска билетов по вексельному курсу (126).—Вполне свободный выпуск (127).—Способ <i>al pari</i> (127).—Бумажные деньги	

принимаются в уплату налогов (128).—Бумаги с отсроченным разменом (129).—Неразменные бумажные деньги (130).—Чрезмерный выпуск бумажных денег (131).—Бумажные деньги не могут приспособиться к потребностям торгового оборота (132)

Глава XIII. Кредитные знаки 134

Что такое кредит (134).—Банкноты (135).—Чеки (135).—Векселя (138).—Процентные бумаги (139).—Определенные понятия «деньги» (142)

Глава XIV. Банковская система 144

Простая банковская система (145).—Система двух банков (147).—Сложная банковская система (148).—Банки с филиалами (150).—Агентства (152).—Лондонские агентства (152).—Расчетная система провинциальных банков (153)

Глава XV. Лондонская расчетная палата 156

История Лондонской расчетной палаты (156).—Ведение дел в Лондонской расчетной палате (157).—Преимущества этой системы (159).—Наличные платежи (160)

Глава XVI. Иностранное вексель 165

Происхождение и природа векселя (165).—Торговля иностранными векселями (167).—Всемирная расчетная палата (169).—Лондон как центр денежного обращения (171).—Представители иностранных банков в Лондоне (173)

Глава XVII. Какое количество денег нужно для страны? 175

Какую работу производят деньги? (176).—Скорость денежного оборота (176).—Влияние системы чеков и расчетных палат (177)

ГЛАВА I

Обмен

Певица парижского лирического театра, г-жа Зели, совершая артистическое путешествие вокруг света, дала один концерт на островах Товарищества. За арию из «Нормы» и несколько песенок она должна была получить треть сбора. При расчете оказалось, что на ее долю приходится 3 свиньи, 23 индейки, 44 курицы, 5000 кокосовых орехов и некоторое количество бананов, лимонов и апельсинов. В одном из своих писем примадонна замечает по этому поводу, что на парижском базаре она могла бы выручить за все это не менее 4 тысяч франков, — что составляет неплохое вознаграждение за 5 песенок. Но на островах Товарищества денег не было, и так как артистка сама могла истребить только незначительную часть полученного ею вознаграждения, то ей пришлось отдать свои фрукты и овощи свиньям и птицам.

Уоллес, путешествуя по Малайскому архипелагу, чаще страдал от недостатка питательных средств, чем от избытка. В своих очень интересных путевых записках он рассказывает, что на некоторых островах, где не существовало денег, ему всякий раз, когда он нуждался в съестных припасах, приходилось прибегать к непосредственному вымениванию продуктов, что обыкновенно сопровождалось длинными переговорами. Он обращался к кому-либо из туземцев, обладающих теми или иными продуктами, и предлагал ему в обмен что-либо другое; но если ему не могло быть

предложено то именно, что ему хотелось, то Уоллесу и его товарищам не оставалось ничего иного, как сидеть без обеда. Он поэтому вскоре нашел более целесообразным возить с собой постоянный запас некоторых предметов, как, например, кожи, куски материи, арак, саговые печенья и пр., в надежде, что один из этих предметов понравится бродячему продавцу.

Все эти неудобства, вытекающие из первобытной формы обмена, совершенно неизвестны нынешнему цивилизованному миру и кажутся чем-то баснословным и фантастическим. Привыкнув с раннего детства к употреблению денег, мы не сознаем тех неоцененных выгод, которые они нам доставляют, и только переносясь воображением в совершенно иные общественные условия, мы можем составить себе некоторое понятие о тех трудностях, которыми сопровождается отсутствие денег. У некоторых нецивилизованных народов торговля и поныне заключается в непосредственной мене продуктами. В Лондоне существует компания («Африканское общество меновой торговли»), деятельность которой на западном берегу Африки состоит в том, что она выменивает европейские мануфактурные товары на пальмовое масло, золотой песок, слоновую кость, хлопчатую бумагу, кофе, гумми и другие сырые продукты. Первоначальная форма торговых сношений состояла, вероятно, в том, что человек отдавал то, что ему не нужно было, за то, в чем он нуждался. Такого рода торговлю мы называем просто меной, в отличие от купли и продажи, при которых владелец одного из вымененных предметов имел в виду держать его у себя лишь короткое время,

чтобы затем выменять его на что-либо другое. Предмет, выступающий таким образом в роли временного посредника при купле и продаже, называется деньгами. На первый взгляд может показаться, что употребление денег только удваивает работу, так как, благодаря им, необходимы два оборота там, где без них достаточно было бы одного; но даже поверхностное рассмотрение тех трудностей, которыми сопровождается простая мена, убедит нас, что деньги, например, производят сбережение труда. Мы увидим, кроме того, что деньги оказывают не только эту, но и множество других услуг, из которых одна так же важна, как другая. Современное общество в его нынешней сложной форме не могло бы и существовать, если бы оно в лице денег не имело удобного средства, с помощью которого оно оценивает разнообразные предметы, распределяет их и торгует ими.

Трудность менового процесса состоит, главным образом, в том, что нелегко найти двух лиц, из которых одно нуждается как раз в том, без чего другое вполне может обойтись. Возможно, что имеется немало лиц, нуждающихся в известных вещах, и немало таких, кои такими вещами обладают; но для того, чтобы меновой акт состоялся, необходимо обоюдное соглашение, которое может иметь место лишь случайно. Охотник, возвращающийся с удачной охоты, имеет много дичи и, быть может, нуждается в оружии и снарядах для новой охоты. Те же, которые владеют оружием, могут как раз иметь достаточное количество дичи, так что прямая мена между ними невозможна. В цивилизованном обществе какому-нибудь домо-

владельцу может вдруг прийти в голову, что дом соседа несравненно лучше его собственного. Но даже в том случае, если сосед не прочь уступить свой дом, маловероятно, чтобы его желание как раз совпало с желанием первого домовладельца и чтобы он согласился взять именно его дом. Покупателям и продавцам может помочь тут только такой товар, который всякий готов был бы взять и держать до тех пор, пока найдет случай спустить при покупке то, что получил при продаже. Этот всеобщий товар называется меновым средством, потому что во всех торговых сделках он играет роль посредника.

Меновой процесс представляет еще другого рода трудность. В каком отношении должны обмениваться товары? Если желают обменять мясо на хлеб, хлеб на сыр, сыр на яйца, яйца на лен и т.п., то возникает вопрос: сколько мяса нужно дать за данное количество льна, или, вообще, какое количество одного товара нужно давать за определенное количество другого? При непосредственном меновом процессе всякий прейскурант был бы чрезвычайно длинен, так как ценность каждого товара должна была бы быть выражена во всех других товарах. Между 100 предметами можно насчитать не меньше 4950 различных меновых отношений, кои все должны быть тщательнейшим образом координированы так, чтобы они согласовались между собой, в противном случае ловкий счетчик мог бы немало заработать, покупая у одних и продавая другим. Все затруднения будут устранены, если условиться меновое отношение каждого товара всегда выражать в одном и том же товаре. Зная, сколько хлеба можно

купить за фунт серебра и сколько льна — за это же количество серебра, мы без всякого труда определим, сколько хлеба можно купить за известное количество льна. Выбранный товар становится общим показателем или общим мерилom ценности, с помощью которого легко сравнить между собой все другие товары, выразив их в этом одном.

Непосредственный меновой процесс представляет еще и другую трудность, заключающуюся в том, что некоторые товары не могут быть разделены на малые части. Мешок зерна, некоторое количество золотого песка, убитое животное могут быть легко разделены на части, так что от них нетрудно отделить большую или меньшую долю в обмен за то, в чем появилась потребность. Но представим себе, что портной изготовил для обмена сюртук, ценность которого многим превышает ценность того количества хлеба, которое он должен взять у пекаря, или мяса, которое доставляет ему мясник. Он не может разрезать сюртук на куски, так как при этом пропадает потраченный им на его изготовление труд. Ясно, что портному необходимо такое меновое средство, на которое он мог бы обменять сюртук, и затем на одну часть этого менового средства купить хлеб, а на остальную — мясо, дрова и другие предметы первой необходимости.

Итак, деньги представляют собой мерилo ценности и меновое средство, а потому, прежде чем идти дальше, необходимо сказать несколько слов о ценности.

Всякий согласится с тем, что обмен товаров зиждется на том простом факте, что для удовлетворения своих потребностей мы нуждаемся только в ограни-

ченном количестве того или другого продукта. Поэтому, когда удовлетворяется одна потребность за другой, наши желания, как выражается Сениор, сменяются, т.е. выступают всё новые потребности. Кто каждый день получает 3 фунта хлеба, тот не станет требовать еще хлеба, но он пожелает мяса, чая или водки. Если он встретит человека, обладающего мясом в избытке, но не имеющего хлеба, то каждый из них отдаст то, в чем он меньше нуждается, за то, в чем больше нуждается. Меновой процесс является здесь, следовательно, обменом излишнего на необходимое или, точнее, обменом сравнительно лишнего на сравнительно необходимое.

Теперь обратим наше внимание на то, что при каждом меновом акте обменивается определенное количество одного предмета на определенное же количество другого. Вымененные вещи могут быть совершенно различны по своим природным свойствам и измеряться различными единицами. Мы даем, например, кусок серебра определенного веса за кусок каната определенной длины, или ковер известных размеров за несколько литров вина, за некоторое количество лошадиных сил или за перевозку на определенное расстояние. Как бы ни измерялся данный предмет — единицей ли длины, времени, веса, силы, энергии, — обмен состоит в том, что столько-то единиц одной вещи отдается за столько-то единиц другой, причем каждая из них измеряется так, как этого требуют ее природные свойства. Всякий меновой акт представляется, следовательно, в форме отношения двух чисел. Отношение это обыкновенно называется *цен-*

ностью (меново́й), и если, положим, тонна меди обменивается на 10 тонн листового железа, то говорят, что ценность меди в 10 раз больше ценности железа. Если мы говорим, что ценность золота больше ценности серебра, то мы этим хотим сказать, что при данных условиях обмена за кусок золота известного веса дают кусок серебра большего веса. Если ценность золота увеличится в сравнении с ценностью серебра, то за то же количество золота дадут большее количество серебра, чем раньше. Но ценность не представляет собой самостоятельного свойства, присущего вещи, как таковой; это только внешнее, случайное количество, которое она приобретает, входя в известные отношения к другой вещи. О ценности какой-либо вещи нельзя говорить, не имея при этом другой вещи, с которой первая сравнивается. Ценность одной и той же вещи может одновременно и упасть, и подняться. Если за определенное весовое количество золота я получаю больше серебра, чем раньше, но меньше меди, то ценность золота в отношении к ценности серебра поднялась, а в отношении к ценности меди упала. Но свойство, присущее вещи как таковой, не может одновременно увеличиваться и уменьшаться; следовательно, ценность не может быть чем-либо иным, кроме отношения, случайного свойства, которым данная вещь обладает по сравнению с другими вещами.

ГЛАВА II

Функции денег

Мы видели, что осуществление непосредственной меновой сделки встречает тройякого рода трудности:

1) невероятность полного согласия между лицами, нуждающимися в вещи, и теми, которые могут обойтись без нее;

2) запутанный характер такого обмена, в котором оба вымениваемых предмета не могут быть измерены одним третьим предметом;

3) невозможность подвергнуть известные ценные предметы делению, с целью отчуждать их по частям.

Деньги устраняют все эти трудности, исполняя при этом двоякую функцию: они служат

1) как меновое средство и

2) как всеобщее мерило ценности.

В первом случае деньги — это просто товар, который ценится всеми наподобие жизненных средств, материи для платья или драгоценностей, который всеми охотно принимается, которым всякий хочет владеть в большем или меньшем количестве, так как видит в нем средство, дающее ему возможность во всякое время добыть разного рода предметы необходимости или удовольствия. Хотя эта функция менового средства может быть удовлетворительно исполнена многими товарами, однако обыкновенно — в силу ли привычки или необходимости — роль эту выполняет один какой-либо предмет, служащий «день-

гами *par excellence*¹; этот последний затем начинает употребляться и в качестве мерил ценности. Частое выменивание товаров на известные суммы денег мало-помалу приучило людей выражать в употребляемых ими деньгах ценность все большего числа товаров; вследствие этого точный подсчет и баланс какого-либо менового акта не представляют никаких затруднений: стоит только определить денежную ценность вымениваемых товаров.

Вскоре выступает и третья функция денег. Торговля не может быстро развиваться при отсутствии кредита, когда люди ничего не дают и не берут в долг. Конечно, в некоторых случаях может быть возвращен тот именно предмет, который был взят в долг, и почти всегда возможно произвести платеж теми же товарами, которые были получены. Заняв зерно, можно уплатить зерном же; но займодавец скорее всего не пожелает получить обратно свой товар через неопределенное время, когда он в нем, быть может, не так будет нуждаться, или когда ценность его сильно упадет. В свою очередь, должник нуждается, может быть, в разных товарах, которые трудно взять у одного лица; и вот возникает более удобный обычай — выражать долг в одном товаре, ценность которого мало колеблется. Всякий, заключая договор, в силу которого он через известный промежуток времени должен что-либо получить, предпочтет такой предмет, который по истечении срока сохранит ту же ценность,

---

¹ В истинном смысле слова (*лат.*).

какую он имеет в момент заключения договора. Таким предметом являются обыкновенно деньги, которые, таким образом, становятся нормальной ценностью. Не следует, однако, думать, что ценность предмета, служащего нормальной ценностью, действительно не подвергается колебаниям; суть только в том, что его выбрали мерилom для определения ценности будущих платежей. Ценность ведь показывает только отношение вымененных товаров; следовательно, никакой товар не может долгое время сохранить одну и ту же ценность по сравнению с любым другим товаром; но, разумеется, желательнее выбрать в качестве нормальной ценности такой товар, от которого можно ожидать, что он в будущем будет обмениваться на большинство других товаров в неизменном почти отношении.

Теперь посмотрим, в какой мере деньги могут выполнить другое назначение, а именно: воплотить в себе ценность так, чтобы ее можно было перевозить на большие расстояния. Как орудие обращения (меновое средство), деньги не отдаляются на большое расстояние от известного пункта, они делят и распределяют имущество и облегчают меновой процесс. Но иногда человек хочет придать своему имуществу минимальные размеры, чтобы можно было их на некоторое время отложить или взять с собой в продолжительное путешествие, или послать своему далекому другу. Для этого необходимо нечто такое, что обладало бы большой ценностью и в то же время было бы очень легковесно, занимало немного места и признано было в любом уголке мира. Этому требованию лучше всего удовлетворяют деньги, хотя алмазы и другие

драгоценные камни, равно как предметы особенной красоты и редкости, также могли бы служить для этой цели. Употребление ценных предметов в качестве сокровищ или средства для перевозки ценностей в отдельных случаях, вероятно, предшествовало употреблению их в качестве денег. Так, по словам Гладстона, в поэмах Гомера деньги упоминаются, как предмет, собираемый в виде сокровищ и служащий для расплаты за услуги, хотя роль общего мерила ценности исполняли не деньги, а быки. Функции, выполнявшиеся такими, всеми ценными, предметами, как золото, исторически следовали такому порядку: сначала они употреблялись как товар, годный для приготовления украшений, затем, как средство для собирания сокровищ, далее, как меновое средство (орудие обращения), наконец, как мерило ценности.

Необходимо строго различать эти четыре функции, отправляемые деньгами в современном обществе. Мы так привыкли к употреблению одного и того же предмета во всех его четырех значениях, что они в нашем представлении легко переходят одно в другое. Мы склонны считать это соединение функций необходимым, хотя истинная причина этого соединения лежит в предоставляемом им удобстве, которое временами вовсе и не желательно. Мы могли бы один предмет употреблять в качестве менового средства, другой — мерила ценности, третий — нормальной ценности, четвертый — сокровищ. При купле-продаже мы могли бы передавать куски золота; для выражения и подсчета цен мы могли бы употреблять серебро; при заключении долгосрочных договоров по

Глава II

найму мы могли бы выражать наемную плату в известных количествах пшеницы; при перемещении имущества на далекие расстояния мы могли бы придать ему небольшие размеры, обменяв его на драгоценные камни. Такое употребление различных предметов для каждой денежной функции отчасти осуществлено было и на практике. В царствование королевы Елизаветы роль всеобщего мерила ценности исполняло серебро; при крупных платежах употребляли золото по курсу на серебро, тогда как по закону при найме земель, принадлежащих университетам, нормальной ценностью служил хлеб. Но, без сомнения, гораздо удобнее иметь один какой-либо материал, который мог бы выполнять все функции денег. Мы сэкономим много труда, если сможем платить той же денежной единицей, в которой выражается ценность товаров. Так как лишь немногие имеют время и терпение подробно изучать историю цен, то принимают вообще, что деньги, в которых люди заключают все мелкие и краткосрочные сделки, представляют вместе с тем и наилучшую нормальную ценность, в коей могут быть выражены и занесены в книги долги и долгосрочные обязательства. Есть платежи, неизменяемость которых предписана законом, как, например, таможенные пошлины, жалованье чиновников, канцелярские расходы; иные платежи остаются без изменений в силу обычая. Поэтому, если ценность орудия обращения подвергается большим изменениям и люди все-таки продолжают выражать свои платежи в единицах этого орудия обращения, как будто бы не произошло никаких изменений, то один наживается на счет другого.

ГЛАВА III

История денег

Живя в цивилизованном обществе и привыкнув к употреблению металлических денег, мы невольно смешиваем деньги с золотом и серебром, а это ведет ко многим вредным и подчас трудно раскрываемым заблуждениям. Необходимо поэтому всегда помнить, что *всякий* товар обладает двумя свойствами: 1) измерять ценность и 2) переносить ценность. В вопросе о том, какие товары при данных общественных условиях лучше всего подходят для исполнения роли денег, речь может быть только о большей или меньшей пригодности, и это как нельзя лучше выяснится из краткого обзора тех многочисленных веществ, которые в разные времена употреблялись в качестве денег.

Первая, грубейшая, форма труда, прилагаемого для добывания средств к жизни, — это, нужно думать, охота на диких зверей, и потому у охотничьего племени добыча, полученная на охоте, и будет той вещью, ценность которой пользуется всеобщим признанием. Мясо убитого животного слишком скоро портится, и его нельзя сохранять, чтобы затем выменивать на другие предметы. Иное дело — шкура, которая сохраняется и ценится, как материал для одежды, и принадлежит к числу первых веществ, употребляемых в качестве денег. В самом деле, не говоря уже о древних народах, еще и в настоящее время во многих местах роль денег исполняют шкурки или кожи. В книге

Иова (2, 4) мы читаем: «Шкура за шкуру, и всё, что человек имеет, отдает он за свою жизнь», откуда можно заключить, что у древних восточных народов шкурки давались и принимались как выразители ценности. Этимологические разыскания показали, что то же самое имело место с давних времен у северных народов. На эстонском языке слово *râha* означает обыкновенно деньги, а соответствующее ему слово в родственном лапландском языке не потеряло еще своего первоначального значения «шкура или кожа». Классические писатели приводят предания, из которых явствует, что древнейшие деньги в Риме, Спарте и Карфагене были из кожи. Нам, впрочем, нет надобности углубляться в седую старину, чтобы видеть употребление грубых форм денег. В своих торговых сношениях с североамериканскими индейцами общество Гудзонова залива долгое время употребляло кожи в качестве орудия обращения, несмотря на всё их разнообразие по качеству и величине. В высшей степени поучительно и вполне соответствует другим известным фактам то, что индейцы и позже, когда они уже привыкли к употреблению монет, все еще пользовались кожами в качестве счетных денег. Уимпер пишет в книге «Путешествия по Аляске»: «Ружье, номинальная цена которого 40 шиллингов, стоит 20 шкур» (*skins*), — древнее выражение, употребляемое и в настоящее время. Одна бобровая шкура принимается за 2 шиллинга, и столько же стоит шкура горноста́я и т.п. В форте Юкон можно часто слышать слово «шкура», так как здесь одежда рабочих и пр. также считается на шкуры.

На следующей ступени общественного развития — при пастушеском образе жизни — самый ценный вид имущества составляют, естественно, овцы и другие домашние животные. Их легко перевозить, они сами приходят на место и могут сохраняться долгие годы, так что они очень пригодны для некоторых функций денег. Много доказательств тому мы находим в преданиях, поэзии и этимологии слов. В поэмах Гомера неоднократно упоминаются быки, как такие товары, в которых выражается ценность других товаров. Об оружии Диомеда говорится, что оно стоило 9 быков, и оно сравнивается с оружием Главкона, стоившим 100 быков. Треножник — первая награда борцов в 23-й книге «Илиады» — оценивается в 12 быков, а пленница, опытная в работе, — в 4 быка. Тот факт, что быки являются всеобщим мерилom ценности, тем более любопытен, что из других мест «Илиады» видно, что драгоценные металлы, хотя и не чеканенные, употреблялись в качестве сокровищ, а иногда и орудий обращения. Следовательно, различные функции денег, очевидно, выполнялись в те времена различными предметами. В некоторых языках для обозначения денег употребляется то же слово, что и для обозначения некоторых видов скота и домашних животных. Латинское *resunia* (деньги) все производят от *rescus* (скот). Из Эсхилова «Агамемнона» мы видим, что первым значком, который стали выдавливать на монетах, была фигура быка, и то же самое было со старинным ассом, чеканившимся в Риме. Нумизматические изыскания до сих пор, впрочем, не подтвердили этих преданий, которые были созданы, быть может, с целью объяснить сходство названия монет

с именем животного. Такое же отношение между этими понятиями существует в новых языках. Английское *fes*, обозначающее платеж какой-либо суммы денег, есть не что иное, как англосаксонское *feoh*, означающее и деньги, и скот, и родственное немецкому *Vieh* (скот). Греческое $\chi\tau\eta\alpha$ означает имущество, стадо и скот и производится Гриммом от старинного глагола $\chi\epsilon\tau\omega$ или $\chi\epsilon\tau\alpha\omega$ (пасти скот). Гримм даже думает, что тот же корень является в немецких и скандинавских наречиях, в готском *Skatts*, новом верхненемецком *Schatz*, англосаксонском *Scät* или *Skeat* и старинном северном *Skat*, которые все означают имущество, владение, сокровище, пошлину или дань, особливо в форме скота. В пользу этого предположения говорит, во всяком случае, тот факт, что фризское *Sket* до сего дня сохранило свое первоначальное значение «скот». В северных наречиях, англосаксонском и английском языках слово *Skat* употреблялось исключительно для обозначения подати или дани. В древненемецких законодательствах пени и штрафы определялись штуками скота. Такса гонораров для врачей, приводимая в *Зендавесте*, выражена в разных видах скота. Так как при счете скота обыкновенно сосчитывались головы, то он получил название *Capital*, откуда произошел экономический термин *Capital* (капитал), юридический термин (по-английски) *chattel* (собственность) и английское слово *cattle* (скот). В тех странах, где рабы являются обычным и самым ценным предметом собственности, они, естественно, употребляются наравне со скотом в качестве орудия обращения; в Центральной Африке и других местах, где еще существует раб-

ство, они и поныне служат орудием обращения наряду со скотом и слоновыми клыками. В Новой Гвинее происходит бойкая торговля рабами, и раб является на этом острове единицей ценности. Даже в Англии рабы некогда употреблялись в качестве денег.

Страсть к украшениям принадлежит к числу сильнейших влечений первобытного человечества, и так как предметы, служащие украшениями, обыкновенно отличаются прочностью, всеми ценятся и удобны для перевозки, то понятно, что они скоро стали функционировать как деньги. Примером может служить Wampumpeg (вампумовый пояс) североамериканских индейцев, употреблявшийся как украшение. Он состоял из жемчужин, приготовлявшихся из оббитых и отполированных кончиков черных и белых раковин и нанизанных на шнурки и ленты, — жемчужин, ценность которых зависела от их длины, цвета и блеска. Нитка черных жемчужин длиной в 1 фут имела такую же ценность, как нитка белых — длиной в 2 фута. Эти пояса были до того распространены среди туземцев, что массачусетский суд в 1649 году допустил их и среди колонистов в качестве платежного средства для долгов, не превышающих 40 шиллингов. Замечательно, что подобно тому, как в Европе скупцы копят золотые и серебряные монеты, богатые индейские вожди собирают у себя целые кучи вапумовых шнурков, так как это у них единственное средство для собирания богатств. Этим североамериканским деньгам аналогичны те раковинки змеиных голов, которые под разными наименованиями (Chamgos, Zimbis, Bouges, Porzellanes и пр.) долгое время употреблялись в Ост-

Индии вместо мелких монет. В Британской Индии, Сиаме, на западном берегу Африки и в других прибрежных местностях они еще теперь употребляются в качестве разменной монеты, с каковой целью они привозятся сюда с Мальдивских и Лакедивских островов, где их собирают. Ценность их подвержена небольшим колебаниям в соответствии с размером добычи: в среднем они идут по курсу до 5000 штук за рупию, так что одна раковинка составляет $\frac{1}{200}$ английского пенса. У фиджийцев роль этих раковинок исполняют китовые зубы, причем белые в 30 раз дешевле красных. Среди предметов украшений и других драгоценностей, употребляемых в качестве денег, нужно упомянуть еще янтарь, резные камни, как египетские геммы (Scarabäus) и слоновьи клыки.

Многие растительные продукты не менее пригодны для обращения, чем вышеприведенные предметы. Нет поэтому ничего странного в том, что у народов, занимавшихся хлебопашеством, роль денег исполняли непортящиеся растительные продукты. В отдаленных частях Европы орудием обращения служит с давних времен до сего дня хлеб. В Норвегии хлеб даже закладывается в банках, дается и берется взаймы. Что для Европы — пшеница, ячмень и овес, то для некоторых местностей Центральной Америки — маис, особенно в Мексике, где он раньше функционировал, как деньги. Во многих странах, прилегающих к Средиземному морю, обычным предметом производства и потребления является оливковое масло; а так как оно отличается достаточной степенью однородности, легкой делимостью и не портится, то на Ионийских ост-

ровах, в Митилене, в некоторых городах Малой Азии и еще кое-где в Леванте оно долгое время употреблялось в качестве платежного средства. В Центральной Америке и Юкатане всеми признаны и, вероятно, издавна употребляются в качестве мелких денег какаоовые бобы. Что касается их ценности, то путешественники дают самые разнообразные цифры, которые никак нельзя согласовать между собой, если только не предположить, что либо ценность бобов, либо ценность монет, с которыми они сравнивались, подвергались большому изменению. В 1521 году 30 какаоовых бобов стоили в Каракасе около 5 коп., хотя по данным Сквиря теперь за 5 коп. можно было бы купить всего 10 бобов. В тех местах Европы, где культивировался миндаль, он играл ту же роль, как какаоовые бобы в Америке; но ценность его различна, смотря по сорту. Впрочем, в новейшее время растительные продукты употреблялись не только в качестве мелких денег. В североамериканских колониях и на Вест-Индских островах часто ощущался недостаток в металлических деньгах, вследствие чего правительство обязывало кредиторов в уплату долга принимать по определенной цене сельскохозяйственные продукты. В 1618 году плантагенский губернатор (в Виргинии) издал указ, по которому под угрозой наказания трехлетними каторжными работами все обязаны были принимать табак, как платежное средство, по 3 шиллинга фунт. Девушки, которых Виргинское общество ввозило, чтобы снабжать колонистов женами, ценились в 100 фунтов табаку, а позднее цена их поднялась до 150 фунтов стерлингов. Не далее, как в 1732 году правительство

Мэриленда объявило табак и маис узаконенными платежными средствами, а в 1641 году были изданы в Массачусетсе такие же законы относительно хлеба. Правительства некоторых Вест-Индских островов сделали, по-видимому, попытку применить и у себя эти своеобразные денежные законы и постановили, что истец, выигравший процесс, обязан принять в уплату долга некоторые сырые продукты, как сахар, ром, имбирь, индиго и табак. С этим стремлением — иметь в обращении разные сорта денег — мы еще встретимся ниже.

Преходящие природные свойства большей части животных питательных веществ служили препятствием к их распространению в качестве платежного средства; однако в некоторых горных деревнях Швейцарии употреблялись, говорят, в качестве денег яйца, а на Ньюфаундленде — сушеная треска.

Мы привели уже достаточное количество предметов, употреблявшихся в качестве денег, поэтому ограничимся лишь простым упоминанием, что в разные времена и в разных местах орудием обращения служили многие искусственные продукты, как, например, так называемые шнеи из хлопчатобумажной материи, обращавшиеся в Сенегале, и подобные же куски хлопчатобумажных материй, циркулировавшие в Абиссинии, на островах Сулу, на Суматре, в Мексике, Перу и др. Гораздо труднее понять происхождение своеобразных соломенных денег, которые были в ходу до 1694 года в португальских владениях в Анголе: то были маленькие рогожки, сплетенные из рисовой соломы, из коих каждая ценилась по курсу при-

близительно в 1½ пенса. Эти рогожки первоначально служили, вероятно, еще для другой цели, помимо орудия обращения, и, быть может, напоминают собой те красивые тканые рогожки, которые так высоко ценятся жителями островов Самоа и часто употребляются у них в качестве денег. Соль функционировала как деньги не только в Абиссинии, но и на Суматре, в Мексике и других местах. Роль денег исполняют также на Суматре кристалловидные куски бензойной смолки или пчелиного воска, на островах Тихого океана — красные перья; далее, плитки кирпичного чая — у татар и пр. Напомню также замечание Адама Смита о кузнечных гвоздях, обращавшихся в некоторых шотландских деревнях, как деньги; такой же факт рассказывает Шевалье об одном французском каменноугольном округе. У классических писателей встречаются намеки на деревянные деньги, существовавшие в Византии, и деревянный талант, употреблявшийся антихийскими и александрийскими купцами; за отсутствием более подробных сведений об этого рода деньгах мы ограничиваемся только упоминанием о них.

ГЛАВА IV

Какими качествами должен обладать материал, из которого приготавливаются деньги

Главный недостаток всех теорий, касающихся вопроса о денежном материале, кроется в неясном понимании того факта, что деньги для выполнения своих различных функций должны обладать различными качествами. Поэтому вопрос о том, из какого материала лучше всего приготавливать деньги, осложняется тем, что мы одновременно должны считаться с относительным значением каждой функции, а также с тем, до какой степени деньги пригодны для той или другой функции, и, наконец, со значением каждого физического свойства денежного вещества для каждой функции в отдельности. При слабом развитии промышленности деньги служат, главным образом, материальным орудием обращения в меновом процессе между покупателями и продавцами, и потому они должны быть легко перевозимы, без труда делимы на части разной величины, так чтобы можно было легко составить любую сумму; они должны, кроме того, иметь такой внешний вид (например, особый значок), чтобы их было легко узнавать и различать. Но с течением времени, когда деньги начинают употребляться почти исключительно в качестве мерил ценности и нормальной ценности, когда система обмена достигает значительного совершенства, значение вышеупомя-

нутых свойств всё более и более отступает на задний план, а более важными качествами оказываются неизменяемость в ценности и еще, быть может, удобоносимость. Прежде чем, однако, обратиться к изложению этих запутанных вопросов, мы остановимся несколько на всей совокупности общепризнанных свойств, которые можно расположить в следующем порядке по их относительному значению — деньги должны быть:

- 1) полезны и ценны;
- 2) легко переносимы с места на место;
- 3) неразрушаемы;
- 4) однородны;
- 5) делимы;
- 6) ценность их не должна быть изменчива;
- 7) они должны быть легко узнаваемы.

Так как деньги должны обмениваться на предметы, обладающие потребительной ценностью, то и сами они должны иметь потребительную ценность, т.е. денежный материал должен сам по себе быть полезен. Раз деньги находятся в обращении, то их принимают лишь затем, чтобы тотчас отдать другому; может поэтому казаться, будто деньги могут и не обладать потребительной ценностью, если только все согласится принимать бесценные куски какого-либо вещества по определенному курсу. Нечто подобное действительно имело место в истории денег, когда ценные товары обменивались на раковины, куски кожи или лоскутки бумаги, лишенные, по-видимому, всякой потребительной ценности. Но это своеобразное явление в большинстве случаев легко поддается

объяснению, и если бы мы знали историю денег всех видов, то мы бы, вероятно, могли применить одно и то же объяснение ко всем подобным случаям. Прежде всего нужно заметить, что люди согласятся принимать и отдавать деньги за другие предметы по известному неизменному курсу лишь тогда, когда у них есть к тому достаточные основания. Сила привычки или постановление закона может сильно способствовать тому, что деньги, раз вступив в обращение, удержатся в нем; но трудно допустить, чтобы даже могущественнейшему правительству удалось заставить своих подданных принять и пустить в обращение в качестве денег какое-нибудь бесценное вещество, если для принятия его нет никаких других побудительных мотивов. На ранних ступенях общественной жизни употребление денег не опиралось на предписание закона, так что для того, чтобы какой-либо материал мог служить в качестве денег, требовалась общепризнанная пригодность его для других целей. Нами уже было упомянуто, что вапумовые деньги, которые были найдены первыми путешественниками у североамериканских индейцев, высоко ценились за свою пригодность служить для украшения тела; раковины змеиных голов, так часто употребляемые в качестве разменных денег, ценятся на западном берегу Африки, как предметы украшения и, вероятно, употреблялись в качестве таковых гораздо раньше, чем люди стали ими пользоваться в качестве денег. Все предметы, упомянутые в предыдущей главе, как то: быки, хлеб, шкуры, табак, соль, какаовые бобы и пр., выполнявшие в том или другом месте функции денег,

также обладали потребительной ценностью. Если бы существовали какие-либо исключения из этого правила, то, при более обстоятельном знакомстве с данными условиями, они во всяком случае нашли бы свое объяснение. Мы можем поэтому согласиться со Шторхом, утверждающим, что не может быть, чтобы материал, не обладающий никакой внутренней ценностью, употреблялся в качестве денег, как бы он во многих отношениях ни был для того пригоден. Но раз какое-либо вещество стало в больших размерах употребляться в качестве денег, то может случиться, что в конце концов полезность его ограничится той выгодой, которую публика извлекает из его денежных функций. Золото, например, употребляется в несравненно большем количестве для приготовления денег, чем для выделки сосудов, ювелирных вещей, часов и пр. Может случиться, что материал, служивший первоначально для многих разнообразных целей, в конце концов употребляется только в качестве денег, но сохраняет свою потребительную ценность, благодаря всеобщему стремлению к удобному орудию обращения и в силу привычки. Таковы, например, раковины на берегу Ост-Индии. Значение привычки, как личной, так и унаследованной, не должно быть упущено из вида в учении о деньгах не меньше, чем в моральных и общественных науках. Не следует, однако, думать, что потребительная ценность золота и серебра в настоящее время заключается исключительно в том, что они употребляются в качестве денег. Эти металлы обладают такими в высшей степени полезными свойствами, что если бы мы только могли иметь их в до-

статочном количестве, они вытеснили бы все другие благородные металлы в производстве посуды, украшений и орудий всякого рода и служили бы материалом для выделки разных предметов, изготовляемых в настоящее время из красной и желтой меди, бронзы, олова, никеля и других неблагородных металлов и сплавов.

Для того чтобы деньги могли выполнять некоторые из своих функций, особенно функции орудия обращения и средства для собирания соковок, легко перемещаемых с одного места на другое, необходимо прежде всего, чтобы они были сделаны из вещества, которое ценится во всех частях света и притом, насколько возможно, всеми народами одинаково. Относительно золота и серебра мы имеем основание думать, что все народы, которым удалось их иметь, ценили их очень высоко, причем красивый блеск этих металлов возбуждал удивление в древности не менее, чем теперь.

Далее, денежный материал не только должен обладать потребительной ценностью, но и ценность эта должна быть в таком отношении к его весу и объему, чтобы деньги, с одной стороны, не были слишком тяжелы, а с другой — слишком легки на вес и милы на взгляд. В Греции существовало предание, что Ликург ввел в Лакедемоне железные деньги с той целью, чтобы вследствие их тяжести лакедемоняне не могли слишком много заниматься торговлей. Как бы то ни было, не подлежит сомнению, что в настоящее время железо было бы совершенно непригодно для наличных платежей, так как монета в один пенс весила бы,

может быть, целый фунт, и вместо 5-фунтовой бу-
мажки нам бы пришлось иметь дело с тонной железа.
В Швеции в прошлом столетии главным орудием об-
ращения служила медь, вследствие чего при получе-
нии больших платежей купцам приходилось брать с
собой тачки. Многие сорта денег, употреблявшиеся в
древности, были, нужно полагать, весьма неудобны
для перемещения с места на место. Быки и овцы
могут, конечно, сами передвигаться, но, например,
рожь, шкуры, масло, орехи, миндаль и т.п., будучи во
многих отношениях пригодны для исполнения роли
менового средства, занимают слишком много места и
весьма неудобны для перевозки. Удобноносимость
денег — важное качество не только потому, что оно
дает владельцу возможность без всякого труда носить
в кармане небольшие суммы, но и потому, что круп-
ные суммы могут быть перемещаемы с места на место,
из одной части света в другую без больших расходов.
Следствием этого является более или менее одинако-
вая ценность денег во всех частях света. Какое-либо
вещество, которое в отношении к своей ценности
очень тяжеловесно и занимает много места, как, на-
пример, хлеб или каменный уголь, может в одном
месте находиться в недостаточном количестве, а в
другом — в излишке, а между тем предложение и
спрос на него не могут быть уравнены без больших
расходов по перевозке. Напротив, для золота расходы
по перевозке из Лондона в Париж, с включением
страховки, составляют не больше $\frac{4}{10}$ процента и даже
между самыми отдаленными частями земного шара не
превышают 2—3 процента. Как денежный материал,

разные вещества могут быть и слишком дороги, и слишком дешевы, так что в первом случае пришлось бы даже при повседневных сделках прибегать к микропопу или химическим весам. Алмазы, помимо других свойств, делающих их непригодными для употребления в качестве денег, слишком дороги для мелких сделок. Ценность этого драгоценного камня пропорциональна квадрату его веса, так что он не может идти в сравнение с таким металлом, ценность которого растет в простом отношении к весу. Если примем ценность однократного алмаза, весящего 0,2 грамма, в 15 фунтов стерлингов, то простой расчет покажет, что он в 460 раз дороже золота. И некоторые другие редкие металлы, как иридий и осмий, слишком дороги для употребления в качестве орудия обращения. Даже золото и серебро слишком дороги для мелких денег. Английский серебряный пенс сейчас весит около 0,45 грамма, а если бы он был из золота, то он весил бы не больше 0,035 граммов. Наименьшие золотые монеты, которые мне пришлось видеть, это красивые восьмигранные монеты в четверть доллара, обращающиеся в Калифорнии; они весят менее 0,25 грамма и так тонки, что их можно сбросить на землю одним дуновением.

Раз деньги служат орудием обращения и должны, следовательно, сохраняться более или менее долго, то их внутренняя ценность и вещество не должны уменьшаться. Они не должны ни улетучиваться подобно алкоголю, ни гнить подобно животным продуктам или дереву, ни ржаветь подобно железу. Разрушаемые предметы, как яйца, сушеная треска, скот и масло, часто

употреблялись в качестве денег, но, играя сегодня роль денег, они должны завтра же пойти в потребление; поэтому невыгодно оставлять у себя большой запас таких преходящих товаров, ценность которых, очевидно, должна подвергаться большим колебаниям. Разные сорта хлебов заслуживают этого упрека в гораздо меньшей степени, так как, будучи хорошо высушены, они в течение многих лет не претерпевают заметного уменьшения в своей ценности.

Все части или экземпляры вещества, употребляемого в качестве денег, должны быть гомогенны, или однородны, т.е. вещество должно во всей своей массе обладать одинаковыми свойствами, так чтобы одинаковые по весу части его имели и одинаковую ценность. Чтобы из нескольких однородных единиц правильно составить сумму, они должны быть равны между собой и вполне подобны одна другой, так чтобы дважды два всегда составляло четыре. Если бы мы имели дело с драгоценными камнями, то едва ли всегда 4 камня были бы как раз вдвое дороже, чем два. благородные металлы в том виде, как их находят в земле, также не однородны во всей своей массе, а состоят из различных частиц, соединенных в разных отношениях; но это не имеет большого значения, потому что пробирный мастер легко может определить содержание чистого металла. В процессе очищения и чеканки вся металлическая масса получает почти одинаковое содержание, так что два одинаковых количества имеют и одинаковую ценность.

В тесной связи с однородностью находится делимость. Правда, всякое вещество может быть механи-

чески разделено на бесконечно малые части, так как даже самые твердые камни ломаются, а сталь режется более твердой сталью. Но недостаточно, чтобы денежный материал обладал делимостью; необходимо еще, чтобы после деления все части в совокупности имели точно такую же ценность, как раньше весь кусок. Если мы разрежем на куски кожу или дорогую шубу, то все части в совокупности будут иметь, за редким исключением, гораздо меньшую ценность, чем целая кожа или неразрезанная шуба; то же самое применимо к строевому лесу, кирпичам и многим другим материалам, которые после деления не могут быть снова соединены в одно целое. Напротив, части металла могут быть во всякое время снова сплавлены, а расходы, которых это потребует, вместе с потерей вещества, в высшей степени ничтожны при благородных металлах, составляя для 30 граммов (1 унция) не больше $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ пенса; вследствие этого ценность куска серебра или золота находится в простом отношении к весу заключающегося в нем чистого металла.

В высшей степени желательно, чтобы ценность менового средства, употребляемого в качестве денег, не подвергалась колебаниям. Оно должно обмениваться на другие товары в постоянных (в среднем) отношениях. Если бы в данное время деньги служили *только* мерилom ценности и меновым средством, то изменение ценности денег во времени имело бы относительно малое значение; ибо, так как с изменением ценности денег в том же отношении изменяются и цены товаров, то никто бы от этого не потерял и не выиграл, за исключением тех денег, которые человек

имеет у себя в кармане, в своей кассе или у банкира. Но, как мы упомянули выше, на самом деле деньги употребляются также в качестве нормальной ценности при долгосрочных договорах, и часто обычай или закон предписывает определенные суммы для известных платежей, даже в том случае, если действительная ценность этих сумм изменилась. Поэтому всякое изменение ценности денег причиняет некоторым слоям общества больший или меньший убыток.

Наконец, денежный материал должен быть легко отличаем от всех других веществ. Как меновое средство, деньги то и дело переходят из рук в руки, и стоило бы громадного труда, если бы всякий, кто получает деньги, должен был их наследовать, взвешивать или даже подвергать химическому анализу. Если требуется много искусства, чтобы отличить хорошие деньги от плохих, то бедные и невежественные люди подвергаются несомненной опасности быть обманутыми; поэтому меновое средство должно обладать определенными, ясными отличительными знаками, в которых никто не может ошибиться. Драгоценные камни, в том случае, если бы в других отношениях они были к тому вполне пригодны, не могли бы употребляться в качестве денег по той причине, что только опытный ювелир в состоянии отличать поддельные камни от настоящих. Это требование лучше всего выполняется таким веществом, на котором не трудно оттиснуть какой-либо значок, печать или рисунок, по коему человек может без труда убедиться, что он имеет дело с известной суммой денег. Другими словами, вещество должно быть способно к превращению

Глава IV

в монету, так чтобы в каком-либо куске его, выпущенном на законном основании и носящем установленный государством штемпель, всякий мог легко узнать доброкачественные легальные деньги, и чтобы монеты, носящие один и тот же штемпель, были совершенно одинаковы по весу, величине и ценности. Несколько ниже мы рассмотрим, что необходимо для установления хорошей монеты.

ГЛАВА V

Металлы в качестве денег

Нет надобности долго останавливаться на выяснении того, что перечисленные в III главе вещества, хотя они и обладают некоторыми существенными для денежного материала свойствами, далеко, однако, уступают в этом отношении металлам, из коих некоторые как будто самой природой созданы для того, чтобы исполнять роль денег, особливо если последние служат орудием обращения и средством для собирания сокровищ. Вследствие этого во все времена, от которых сохранились какие-либо памятники, золото, серебро, медь, олово, свинец и железо в большей или меньшей степени употреблялись в качестве денег. Серебро и медь до того слились в народном представлении со своей денежной ролью, что самые слова эти часто служили для обозначения денег. Греческое слово $\alpha\rho\rho\upsilon\rho\omicron\zeta$ означает серебро, серебряную монету и деньги вообще; латинское *aes* означает не только красную и желтую медь и бронзу, но также деньги и плату, а французское *argent* значит и серебро, и деньги. Подобное же совпадение значений имеет место и в английском, и многих других языках. В Англии и теперь еще часто называют пенни медью (*сopper*), хотя монета эта чеканится не из меди, а из бронзы. За исключением железа, все важнейшие металлы нелегко разрушаются и, при сохранении или передаче из рук в руки, либо вовсе не портятся, либо портятся весьма мало. Металлы почти однородны по всей своей массе,

так что один кусок ничем, кроме веса, не отличается от другого, а в золоте и серебре очень легко определить и вычислить содержание чистого металла. Они также легко поддаются делению на части, будь то при помощи зубила или плавильного тигля, а отделенные куски могут быть снова сплавлены вместе без особенно больших расходов и с незначительной потерей вещества. Большая часть металлов может быть легко узнана и в высокой степени способна к чеканке. Каждый из них имеет свои отличительные черты, плотность и твердость, так что не требуется большой опытности, чтобы отличить один металл от другого. Их тягучесть позволяет придавать им какую угодно форму и величину и накладывать на них прочные знаки. Насколько мне известно, монеты никогда не изготовлялись из другого вещества, кроме металла, за исключением Сиама, где они делались из фарфора. Что касается постоянства в ценности, т.е. употребления денег в качестве нормальной ценности, то металлы в этом отношении, нужно думать, уступают другим предметам, например, хлебу. Хотя с древнейших времен они ценились очень высоко (как это можно заключить из того, что и в настоящее время некультурные народы причисляют их к наиболее ценным товарам), однако ценность их постоянно падала и падает, благодаря успехам промышленности и открытию новых механических и химических способов их добывания. Даже по сравнению с другими металлами они не всегда занимают одинаковое положение; так, например, во времена Гомера железо, по словам Гладстона, ценилось выше меди, которая в ту пору была

самым обычным и употребительным металлом. Свинец еще мало был известен и ценился не так высоко, тогда как золото, серебро и олово и тогда уже занимали самое почетное место, остающееся за ними и по сию пору.

Обращаясь к рассмотрению каждого металла в отдельности, упомянем прежде всего сообщения Аристотеля, Поллукса и других писателей, по словам которых, в древние времена употребление *железа* в качестве денег пользовалось большим распространением. К сожалению, насколько нам известно, не сохранилось ни одной железной монеты, и это объясняется тем, что металл этот быстро ржавеет; мы также не имеем подробных сведений о форме и величине этих денег и можем только предполагать, что они представляли собой маленькие стерженьки, слитки или прутики, наподобие тех железных стерженьков, которые в настоящее время употребляются в торговых сношениях с туземцами Центральной Африки. Железные деньги недавно употреблялись также в Японии для мелких платежей, но теперь чеканка их прекращена. В цивилизованных странах монеты из чистого железа в настоящее время вовсе не встречаются, и причиной этому служат дешевизна материала, легкость подделки и то обстоятельство, что они скоро пачкаются и теряют ясность чекана. Однако сплавы из железа или стали с другими металлами иногда употребляются для чеканки разменной монеты.

Свинец часто употреблялся в качестве денег, и греческие и латинские поэты нередко упоминают о свинцовых деньгах. В 1635 году в Массачусетсе употреб-

ляли для мелких платежей свинцовые шарики ценностью в фартинг ($\frac{1}{4}$ пенса). В настоящее время в Бирмане свинец служит разменной монетой, и куски его на вес употребляются для мелких платежей. Необыкновенная мягкость делает этот металл в чистом виде непригодным для чеканки; он входит составной частью в сплав, употребляемый там и сям в качестве материала для монеты.

Олово также служило в разные времена для изготовления денег. Первые оловянные монеты, о которых мы имеем некоторые достоверные известия, были отчеканены Дионисием Сиракузским; а так как в те времена олово привозилось, главным образом, из Корнваллиса, то едва ли подлежит сомнению, что первые монеты, бывшие в ходу в Британии, были из олова. Во многих нумизматических коллекциях находятся целые серии оловянных монет, отчеканенных римскими императорами; английские короли также нередко выпускали оловянные монеты. При Карле II в 1680 году были выбиты из олова фартинги, которые, в предотвращение подделок, имели посредине медную головку. Оловянные монеты в $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ пенса выпущены были также Вильгельмом Оранским в 1690—1691 годах. Оловянные монеты существовали на острове Яве, в Мексике и в других странах; среди обитателей побережья Малаккского пролива еще и теперь, говорят, олово на вес функционирует как деньги. Во многих отношениях олово представляет прекрасный материал для разменной монеты, так как оно красивого белого цвета, не подвергается действию влажности и воздуха и обладает большей внутренней ценностью,

чем медь. К сожалению, вследствие своей мягкости, хрупкости и гибкости оно в чистом виде непригодно для чеканки.

Медь представляет много преимуществ в качестве денежного материала. Она не изменяется на сухом воздухе, имеет красивый красный характерный цвет, а штемпель отчеканивается на ней лучше и сохраняется дольше, чем на большинстве других металлов. Медные деньги пользуются большой распространенностью, либо как единственные, либо как разменные наряду с золотой и серебряной монетой. У евреев древнейшие монеты были, главным образом, из меди; римской металлической монетой была аес, нечистая медь, а с 269 года до Р.Х. стали употребляться серебряные монеты. Позднее медь употреблялась не только как разменная монета, но в Швеции она не дальше, как 100 лет тому назад, составляла главную массу обращающихся денег. В настоящее время низкая ценность меди служит препятствием к ее всеобщему распространению. Если бы английский пенс был медный, то он соответственно своей номинальной ценности должен был бы весить 54–55 граммов. Другое неудобство меди состоит в том, что ее ценность подвергается значительным колебаниям, а так как в настоящее время бронза представляется весьма пригодным для выделки монеты материалом, то нужно думать, что в будущем монета едва ли будет чеканиться из чистой меди.

Всякому известно, что *серебро* выделяется из ряда других металлов своим прелестным белым блеском, в отношении которого оно не имеет себе равных. Неко-

торые искусственные сплавы, как, например, зеркальный или британский металл, имеют почти такой же блеск, но они или хрупки, или так мягки, что не дают такого чистого звука, как серебро. Правда, будучи долгое время на воздухе, серебро теряет свой блеск, покрываясь тонким слоем сернистого серебра; но это обстоятельство не может служить серьезным препятствием к употреблению его в качестве монеты, потому что слой сернистого серебра всегда остается тонким, а по его характерному темному цвету даже легко отличить настоящий металл от поддельного. Сплавленное в надлежащей пропорции с другими металлами, серебро достаточно твердо, чтобы не стираться слишком скоро, и, кроме золота, оно более всех металлов поддается ковке и чеканке. Монету или какой-либо другой предмет, изготовленный из серебра, можно узнать по следующим признакам:

1) по красивому, чистому, белому блеску в свежем отбитом или отскобленном месте;

2) по темному цвету таких мест, кои подвергались долгому действию воздуха;

3) по своему малому удельному весу;

4) по чистому металлическому звуку при подбрасывании;

5) по своей значительной твердости;

6) по тому обстоятельству, что раствор серебра в крепкой азотной кислоте, выставленный на некоторое время на свет, чернеет.

С тех пор, как было открыто искусство выделки монеты, серебро чеканилось во все времена; по своей ценности, по сравнению с золотом и медью, оно за-

нимает в денежной системе среднее место. Ценность серебра остается почти неизменной в течение 50–100 лет, потому что, кроме денег, громадное количество этого металла идет на изготовление посуды, часов, ювелирных вещей и предметов украшения всякого рода, так что даже чрезвычайно богатая добыча не может произвести заметного избытка. Почти во всех частях света имеются богатые серебряные рудники, а некоторое количество серебра, правда, небольшое, но равное по весу количеству добываемого свинца, извлекается и на свинцовых заводах по Паттинсоновскому способу.

При всей своей красоте серебро уступает, однако, в этом отношении *золоту*, которое отличается таким соединением полезных и бросающихся в глаза свойств, что оно не имеет себе равных среди всех известных нам веществ. С блестящим ярко-желтым цветом оно соединяет в себе чрезвычайную тягучесть и высокий удельный вес, уступающий только удельному весу платины и некоторых других, весьма редких и малоизвестных металлов. Имеем ли мы в руках золотую монету или нет, в этом мы обыкновенно убеждаемся по следующим трем признакам:

- 1) по блестящему желтому цвету;
- 2) высокому удельному весу;
- 3) по звонкому металлическому звуку при бросании, по которому легко узнать, имеются ли в монете платина и свинец.

Если после этого все еще существует сомнение, золото ли данный металл или нет, то нужно только испытать его растворимость. Золото трудно растворя-

ется и поддается действию немногих реагентов: слабые кислоты на него не действуют, а глянцевитость его сохраняется, как бы долго оно ни подвергалось действию сухого, влажного или нечистого воздуха. Крепкая азотная кислота легко растворяет всякий поддельный металл такого же цвета, но не оказывает никакого действия на золотую монету и — самое большее — растворяет, и то в небольшом количестве, сплавленные с золотом медь и серебро. Во всех почти отношениях золото вполне пригодно для чеканки монеты. В химически чистом виде оно почти такое же пластичное, как олово; но если к нему прибавить меди в размере $\frac{1}{10}$ или $\frac{1}{12}$ его веса, то оно делается достаточно твердым, чтобы не подвергаться стиранию от большого употребления и издавать звонкий металлический звук. Оно при этом сохраняет полную тягучесть и способность принимать и удерживать ясные оттиски. Его точка плавления не слишком высока, и даже при самой высокой температуре, какой только можно достигнуть в печи, металл не претерпевает ни заметного окисления, ни испарения. Разные монеты и куски металла могут быть поэтому обращены в слитки без заметной потери вещества, а издержки переплавки составляют не больше полпенса за тройскую унцию ($2\frac{1}{2}$ коп. за 31 грамм), или $\frac{1}{20}$ процента.

Платина принадлежит к числу тех сравнительно редких металлов, которые открыты лишь недавно. Вследствие своей необыкновенно высокой точки плавления и малого сродства с кислородом она трудно разрушается, а белый цвет, соединенный с высоким удельным весом, представляет достаточно надежную

гарантию против смешения ее с другими металлами. Так как она, следовательно, удовлетворяет, по-видимому, всем существенным требованиям звонкой монеты, то русское правительство, владеющее громадными платиновыми рудниками на Урале, начало в 1828 году чеканить из платины монеты в 12, 6 и 3 рубля. Будучи не так блестяща, как золото и серебро, платина редко или вовсе не употребляется для выделки предметов украшения, а в более или менее значительных количествах она употребляется лишь для химических исследований. Ввиду этого не собирают больших запасов платины, а так как, вследствие малочисленности мест нахождения, производство ее не может сильно увеличиваться, то всякое изменение в спросе тотчас вызывает большее или меньшее изменение в цене металла. Другое неудобство — дороговизна чеканки и перечеканки, обуславливаемая ее тугоплавкостью. Вследствие этого платина оказалась непригодной для изготовления из нее монеты, и в 1845 году чеканка платиновой монеты в России была прекращена, а выпущенные раньше монеты изъяты из обращения.

Никель в прежние времена составлял истинную муку для горнозаводского рабочего, но в последнее время он занял видное место в индустрии и учении о деньгах. Он употребляется только в сплавах с другими металлами; при чеканке он обыкновенно сплавляется с тремя частями (по весу) меди. Мелкая бельгийская монета и американские центы сделаны из этого материала и, по-видимому, вполне целесообразны. В Англии в 1869 и 1870/71 годах были отчеканены из такого сплава пенсовые и полупенсовые мо-

неты, предназначенные для колонии Ямайки, на сумму 3000 фунтов, и то были самые красивые монеты, какие когда-либо выпускались в Тауэр Хилле; во многих отношениях они представляли прекрасное оружие обращения, но, к сожалению, были сделаны крупнее и тяжелее, чем следовало. Чеканка этой монеты была приостановлена, главным образом, потому, что монетный мастер, получив в 1873 году требование на новое количество этой монеты, нашел, что, вследствие возрождения никеля, внутренняя (металлическая) ценность монеты, не считая даже издержек чеканки, будет выше ее номинальной ценности. Причиной возрождения никеля послужило то, что на металл этот, добываемый еще в незначительных количествах, внезапно появился большой спрос, когда германское правительство решило чеканить из описанного выше сплава монеты в 5 и 10 пфеннигов. Монеты эти очень удобны по величине и во всех отношениях целесообразны. Германская Империя обладает в настоящее время наилучшей в свете разменной монетой.

Перечисленные металлы не исчерпывают всех известных в химии, и было бы поэтому слишком поспешно утверждать, что и в будущем деньги будут всегда готовиться из тех же металлов, из каких они готовились до сих пор. Весьма возможно, что когда-либо в качестве денег будет употребляться еще более ценный металл, чем золото. До сих пор главными меновыми средствами последовательно служили: 1) медь, 2) серебро, 3) золото; по мере того, как постепенно уменьшалась ценность металлов, более дорогой металл заменял менее дорогой, а теперь золото,

которое удобнее перемещать с места на место, все более и более отодвигает серебро на задний план. Возможно, что со временем золото, в свою очередь, будет заменено более дорогим металлом, например, редкими и трудно поддающимися обработке осмием, иридием или палладием. Пока возможность эта относится, впрочем, к области фантазии. С другой стороны, некоторые пригодные для монеты металлы, например, алюминий и марганец, дешевле серебра, и, быть может, небесполезно было бы исследовать, не представляют ли эти и подобные им металлы наилучшего разрешения вопроса о разменной монете.

Что касается *сплавов*, то имя им — легион. В самом деле, металлы редко употребляются в чистом состоянии, т.е. не в виде сплавов. Даже золото и серебро, употребляемые на монетных дворах, в действительности не что иное, как сплавы одного с другим или с медью. Последняя в качестве монеты также употреблялась в соединении с другими металлами. Римский *aes* состоял не из чистой меди, а из смеси *aes*, содержащей медь и олово и похожей на бронзу, употребляемую ныне во Франции, Англии и других странах для разменной монеты. Некоторые римские императоры чеканили в больших размерах латунь. Без сомнения, в прежние времена случалось также, что те, кои занимались добыванием металла, получали при плавлении сплав, который они не могли разложить на дальнейшие составные части, и в таком же виде перерабатывали его в монету. Этим, вероятно, и объясняется происхождение той замечательной смеси, состоящей из 60—70 частей меди, 20—25 частей цинка,

5—11 частей серебра с некоторой дозой золота, свинца и олова, из которой выделялась разменная монета (stycas) при древних нортумберлендских королях. В особенно затруднительных обстоятельствах короли временами чеканили монету из того металла, который легче всего было достать. Так, например, по старинным известиям, ирландские деньги при Якове II делались из смеси сплавленных пушек и колоколов, из старой меди, латуни и составного сплава, из старой кухонной утвари и из всевозможных старых металлов, какие только его чиновники могли достать. Этот же король, говорят, сделал попытку пустить в обращение кроны из составного сплава с такой же номинальной ценностью, как серебряные кроны.

ГЛАВА VI

Монета

Не подлежит спору, что в отношении удобств денежного обращения металлы далеко превосходят все другие вещества; несомненно также, что некоторые металлы для этой цели несравненно пригоднее, чем другие. О золоте и серебре можно сказать словами Тюрго, что, независимо от обычая и закона, они как будто самой природой предназначены для роли всеобщих денег. Если бы даже никогда не было открыто искусство чеканки монет, то золото и серебро всё же, вероятно, играли бы роль денег во всемирной торговле; нам предстоит, однако, рассмотреть, в какой форме можно выгоднее всего воспользоваться драгоценными свойствами этих металлов.

В первобытные времена меновым средством служили грубо взвешенные или приблизительно оцененные куски металла. Некоторые из дошедших до нас старинных монет представляют собой *aes rude*, т.е. грубые, бесформенные куски меди, употреблявшиеся в качестве денег у древних этрусков. В Болонье, в музее *Archiginnasio* можно видеть скелет полузарытого в землю этруска, держащего костлявой рукой кусок грубой меди, которые в нее вложили, чтобы он мог уплатить Харону за перевозку. Плиний говорит, что медь в грубом виде служила орудием обращения еще до Сервия Туллия. Позднее служили деньгами медь, латунь и железо, вероятно, в форме маленьких слитков или прутиков; название греческой единицы

ценности «драхма» (drachma) произошло, полагают, от того, что шесть таких кусков металла, из коих каждый назывался «обол» (Obolus), можно было взять одной рукой. Это была, нужно думать, первая денежная система, основывавшаяся просто на счете кусков металла.

Золото в том простейшем виде, как оно получается из аллювиальных наносов, имеет вид песка или зерен, и это первоначальная форма золотых денег: древние перуанцы, во избежание потерь, хранили золотой песок в стволе пера, и в таком виде с ним удобнее было обращаться. В золотопромышленных кругах Австралии, Калифорнии и Новой Зеландии золотой песок и теперь еще, при помощи чувствительных весов, прямо обменивается на другие товары. Искусство плавить золото и серебро и придавать им с помощью молотка любую форму было известно давно; и теперь еще бедняк-индус, сберегший пару рупий, отдает их серебряных дел мастеру, чтобы сплавить их и выковать из полученной массы браслет, который он потом носит не только как украшение, но и как сокровище.

Подобным же образом готы и кельты придавали золоту форму толстой проволоки, которую они сворачивали в спиральные кольца и, вероятно, носили на пальцах до тех пор, пока не появлялась надобность в меновом акте. Едва ли подлежит сомнению, что эти кольцеобразные деньги, образчики которых были в большом количестве найдены в разных частях Европы и Азии, составляют первое приближение к монете. Временами кольца преднамеренно делались одного веса: Цезарь рассказывает, что у бриттов были железные кольца, которые делались определенного веса,

чтобы могли служить в качестве денег. В других случаях кольца или амулеты покупались и продавались при помощи весов: на египетских рисунках изображены люди, взвешивающие кольца. По всей вероятности, необходимость частого взвешивания предотвращалась тем, что наполняли мешки кольцами до определенного веса и затем их запечатывали; такой характер имеют, вероятно, наполненные серебром мешочки, которые во 2-й книге Царств (стих 23) Нааман дает Гехази. Кольцеобразные деньги циркулируют ныне в Нубии. Золото и серебро употреблялись в качестве денег и во многих других формах: сямские деньги, например, представляют маленькие, своеобразно скрученные вдвое прутики или стерженьки. В Пондишери и других местах золото циркулирует в виде мелких зерен или пуговиц.

Время изобретения искусства чеканить монету можно определить с некоторой степенью достоверности. Во времена Гомера монеты были, вероятно, еще неизвестны, между тем как в эпоху Ликурга они уже были в употреблении. Мы можем, следовательно, вместе с некоторыми авторитетами принять, что они были изобретены в промежутке между этими двумя событиями, около 900 года до Р.Х. Предание рассказывает также, что первые серебряные деньги были выбиты на острове Эгине около 895 года до Р.Х. аргосским королем Фейдоном; предание это подтверждается найденными на Эгине маленькими серебряными стерженьками, снабженными оттисками. Позднейшие исследования показали, однако, что Фейдон жил около половины VIII столетия до Р.Х., а Грот собрал

много данных, свидетельствующих о том, что король этот отчеканил монеты не на острове Эгине, а в Аргосе. Что касается вопроса о том, как именно было сделано это открытие, то мы имеем на этот счет достаточно определенные сведения. Как видно из египетских рисунков или из оттисков на жженных камнях в Ниневии, уже в очень древние времена были в ходу печати или штемпеля; а так как они употреблялись для обозначения владения или для утверждения договоров, то со временем ими стали пользоваться и для выражения власти. Когда какому-либо монарху в первый раз пришлось в голову отметить на куске металла его вес, то он, естественно, воспользовался для такого публичного акта своей печатью, подобно тому как в пробирной палатке употребляется штемпель, чтобы обозначить содержание чистого металла на золотых или серебряных предметах. Первоначально не делали, вероятно, никаких попыток придать металлу такую форму, чтобы вес его не уменьшался, а оттиск или значок не стирался. Первые отчеканенные в Лидии и Пелопоннесе монеты имели оттиск только на одной стороне. Персидские деньги, называемые *Larin*, представляют круглую серебряную проволоку, длиной приблизительно в 60 сантиметров, скрученную вдвое, со штемпелем на одной стороне, сделанной с этой целью плоской. Это, вероятно, пережиток кольцеобразных денег. Большая часть циркулирующих в Китае денег состоит из маленьких серебряных башмакообразных слитков; правительство определяет их пробу, а затем снабжает штемпелями. Хотя кольца, зерна и штемпелеванные слитки уже приближаются к монете, но

чтобы деньги действительно соответствовали своей цели, необходимо еще кое-что. Штемпель должен свидетельствовать не только о первоначальном содержании чистого металла и о первоначальном весе, но и о том, что монета потом не подверглась порче. При современном способе чеканки металл обращают в плоские куски круглой, овальной, квадратной, шести- и восьмигранной или какой-либо другой формы, а затем с помощью резного штампера накладывают печать на обе стороны, а иногда и на края. Это не только затрудняет и связывает с большими расходами подделку монеты, но и целостность печати служит еще для нас ручательством в том, что прежние владельцы монеты не подвергли ее порче. Смотря по тому, ясен ли оттиск или стерт, гладок ли край или шероховат, можно заключить о том, долго ли монета находилась в употреблении или нет. *Монеты — это куски металла, которых вес и проба засвидетельствованы целостью выдавленной на их поверхности печати.*

В разные времена монеты имели разные формы, хотя господствующий тип составляли круглые монеты. Среди многочисленных выпущенных немецкими государствами монет встречаются и восьми- и шести-гранные. В Зальцбурге в 1513 году выпущена была Рудбертом своеобразная квадратная монета с круглым значком посередине; в Англии и других странах осажденные города выпускали так называемые осадные деньги квадратной или ромбоидальной формы. К числу замечательных монет, находившихся когда-либо в употреблении, принадлежат и крупные плитки чистой меди, обращавшиеся в XVIII столетии в Швеции; они

имели в толщину около $\frac{3}{8}$ дюйма, а поверхность их была различна, смотря по ценности: так, полталера имело 9 квадратных сантиметров, а 2 талера — 19; последняя монета весила 453 грамма. Так как невозможно было покрывать одной печатью всю поверхность этих монет, то, чтобы затруднить, насколько возможно, порчу, на них выдавливался один круглый значок посередине и по одному на углах. У восточных народов встречаются еще более своеобразные монеты. В Японии большая часть циркулирующих денег состоит из итцибу — продолговатых, плоских, снабженных выдавленными на обеих сторонах значками и надписями серебряных монет с рельефным чеканом; подобную форму имеют и меньшие серебряные монеты. Между более мелкими японскими монетами встречаются также литые овальные, с квадратным отверстием посередине, сделанные из меди или из металлической смеси. Китайские «каш», представляют собой, как известно, круглые пластинки из желтой меди с четырехугольным отверстием посередине, чтобы их легко было нанизывать на нитку. Таковы же монеты на острове Формозе, они только крупнее и толще. Все монеты, обращающиеся в Китае, Японии и на острове Формозе и сделанные из меди или легкого металла, отличаются широкими, плоскими краями, выпуклыми значками на углубленном фоне, наподобие медных пенсовых монет Бультона и Иатта. Эти монеты выливаются в формах, а затем выпуклые части выглаживаются напильком; они лучше европейских монет предохранены от изнашивания и дольше сохраняют свой чекан, но их легко подделывать. Но самые стран-

ные монеты — это саблевидные, когда-то циркулировавшие в Персии.

Отыскание наилучшей формы монеты и наилучшего способа чеканки — дело первостепенной важности. Употребление чеканных денег вызывает также их подделку, а искушение, представляемое этим искусством, так велико, что, как показал опыт двух тысяч лет, никакие наказания не в состоянии его изгнать. Тысячи людей обрели смерть на эшафоте за фальшивые монеты; за это преступление установлены такие же наказания, как за оскорбление величества — и все безуспешно. Рудинг потому прав, утверждая, что наши усилия должны быть направлены не на наказание преступника, а на предупреждение преступления посредством усовершенствований в монетном искусстве. Монеты должны чеканиться с таким совершенством, чтобы искусная подделка или изменение настоящей монеты было прямо невозможно. При выборе рисунка для монеты нужно, главным образом, принять во внимание следующие моменты — должно воспрепятствовать:

- 1) подделке;
- 2) преступному уменьшению веса;
- 3) изнашивание металла должно быть сведено к минимуму;
- 4) монета должна быть историческим и художественным памятником государства, ее выпускающего, и народа, ее употребляющего.

Лучшее средство воспрепятствовать подделке заключается в том, чтобы чеканка была выполнена с возможным совершенством и чтобы монеты производились не иначе, как с помощью больших машин.

Если монеты выливаются, то фальшивый монетчик может их фабриковать так же легко, как правительство, и по этой-то причине так трудно было в Римской империи отличить настоящую монету от фальшивой. Выбитые деньги представляют большой шаг вперед сравнительно с вылитыми, а чеканенные — сравнительно с выбитыми. Следующее крупное улучшение представляет паровая чеканка по способу Бультона и Уатта, а в настоящее время почти повсюду употребляется пресс Ульгорна и Тонненлира. Наибольшее внимание должно быть обращено на искусное исполнение надрезов, надписей и других знаков на краях; этим достигается двоякая цель: делается невозможным обрезывание монеты и затрудняется дело фальшивого монетчика. В древности монеты имели простые, нештемпелеванные края, и лишь в 1573 году, при Карле IX выпущена была во Франции серебряная монета с надписью на краях. Английские монеты были снабжены рисунком на краях лишь в 1658 и 1662 годах. Почти все более крупные монеты, выпускаемые в настоящее время английским и большинством других монетных дворов, имеют на краях надрезы. Снаряд, выдавливающий эти надрезы, употребляется исключительно на монетных дворах. Посредством надписывания рукой нет возможности их подделать.

Что касается художественных достоинств монеты, то здесь не место подробно о них распространяться. Заметим только, что многие из ныне употребляемых английских монет свидетельствуют об отсутствии художественного вкуса. Едва ли можно представить себе менее красивые монеты, чем английские шиллин-

ги и полушиллинги, появление которых восходит к тому времени, когда в Англии многие отрасли искусств были в упадке. Но после того как, благодаря усилиям частных лиц, строительное и другие искусства снова поднялись на надлежащую высоту, и правительство не могло оставаться позади. Флорин есть, без сомнения, значительный шаг вперед в сравнении с шиллингом и представляет во многих отношениях возвращение к стилю старых английских денег. В 1847 году были отчеканены очень красивые кроны подобного же стиля, но они, к сожалению, не были выпущены в обращение.

Многие государства издавали особые монеты в память крупных событий, как то: завоеваний, юбилеев, вступлений на престол. Немецкие государства, в особенности Пруссия, выпустили целый ряд подобных монет до коронационного талера 1861 года и победного талера 1871 года включительно. Многие монеты этого рода тотчас же препровождались в нумизматические коллекции и сохранились как медали. Если бы все произведения словесности были в один прекрасный день уничтожены, а наши нынешние города и их общественные памятники сравнены с землей, то подобные металлические монеты оказались бы, без сомнения, самыми прочными памятниками, и история прусских королей была бы, без сомнения, в далеком будущем исследована нумизматами, подобно тому, как недавно династии Бактрии восстановлены были при помощи монет. В 1842 году Antenor Joly выступил во французских палатах с проектом установить исторические деньги; в 1852 году он возобновил свое пред-

ложение. Эрнст Дюма также предлагал выпустить бронзовые монеты в 20 сантимов, которые служили бы одновременно в качестве денег и исторических памятников. Эти предложения, однако, не встретили сочувствия во Франции, а в Англии никогда подобные проекты не возникали.

Всякое цивилизованное общество нуждается в известном запасе хорошо отчеканенных монет; возникает поэтому вопрос, как создать такие деньги. Монеты одного и того же достоинства должны содержать одинаковое количество чистого металла, что должно быть удостоверено штемпелем. Спрашивается: следует ли предоставить удовлетворение спроса на монеты свободному соперничеству фабрикантов и торговцев, подобно тому, как это происходит с пуговицами и иглами, или же необходимо учредить особое ведомство, которое должно строго следить за доброкачественностью монеты? Всякое мнение имеет своих защитников. Так и в данном случае: есть люди — их, правда, немного, — которые полагают, что чеканка монет должна быть предоставлена свободному соперничеству. Особенно развивает этот взгляд Герберт Спенсер в своей «Социальной Статике»; по его мнению, подобно тому, как мы доверяем лавочнику или булочнику, что они отвешивают нам надлежащее количество чая или хлеба, так и любой торговой фирме можно было бы доверить снабжение публики соверенами и шиллингами, и ее собственный интерес служил бы гарантией против злоупотреблений. Публика обращается преимущественно к такому лавочнику, который продает хороший чай, и к тому булочнику, коего хлеб

полновесен; так и честный монетный фабрикант овладел бы рынком, и его хорошие деньги вытеснили бы плохие деньги других фабрикантов. При всем почтении, с которым я отношусь к такому глубокому мыслителю, как Герберт Спенсер, я позволю себе, однако, заметить, что он распространяет здесь общий принцип на исключительный случай, к которому принцип этот не может быть применен. Он упустил из вида важный закон Грэшема (см. след. главу), по которому хорошие деньги никогда не могут вытеснить плохих. Как увидим ниже, в отношении циркулирующих денег личный интерес индивидуума действует как раз в обратном направлении, и если бы право чеканки было свободно, то лучшие дела были бы у тех, кто продавал бы легкие деньги за пониженные цены. Этот вывод вполне подтверждается практикой, ибо всякий раз, как выпуск монеты предоставлялся частным фабрикантам, происходила порча монеты. Английские медные монеты долгое время выпускались лавочниками, и следствием этого явилось то, что они были очень легковесны и выпускались в слишком больших количествах. В жизнеописании Болтона и Уатта Смайлс приводит интересное письмо, в котором Болтон жалуется на то, что он во время своих поездок получал от взимателей дорожной платы средним числом на каждый настоящий пенс два фальшивых. Он рассказывает, что мелкие фабриканты покупали медные монеты с номинальной ценностью в 36 шиллингов за 20 шиллингов серебром и этими деньгами уплачивали своим рабочим заработную плату, получая таким образом значительный барыш. Этой плохой монеты расплодилось такое

Глава VI

множество, что на одном народном собрании в Стокпорте постановлено было впредь не принимать других полупенсовых монет, кроме выпущенных Обществом Англезии и имеющих полный вес. Мы видим, следовательно, если только вообще тут необходимо какое-либо доказательство, что личный интерес индивидуума не может удалить из обращения плохие деньги, и едва ли резолюция народного собрания имела успех. Китайские монеты, именуемые Kasch или Le, изготовляются, обыкновенно, частными фабрикантами, вследствие чего монеты эти с каждым днем ухудшаются. Нам кажется, что изготовление денег может быть менее всего предоставлено свободной конкуренции. Даже в конституционных государствах право чеканки всегда представляет прерогативу короны. Лучше всего оставить монетное дело всецело в руках правительства и его ученых советников, подробно изучивших все трудности денежного и монетного вопроса. Эта область должна быть свободна от влияния политических партий и общественного мнения и сосредоточиться в руках сведущих людей. Правда, в прежние времена самыми вредными подделывателями монет были сами короли, что часто вело к порче денежной единицы; но едва ли можно опасаться повторения этого в наше время. Опасность лежит, напротив, в совершенно другом: благожелательное народу правительство может не иметь мужества ввести необходимые улучшения в денежную систему без согласия на то народа, который отчасти под влиянием привычки, отчасти по незнакомству с предметом не в состоянии будет прийти к соглашению насчет лучшей системы.

ГЛАВА VII

Законы металлического обращения

Необходимо различать три момента:

- 1) фактически употребляемые монеты,
- 2) цифры, на них выставленные, и
- 3) отношение этих цифр к принятой единице ценности.

Далее, нужно различать:

- 1) монеты, ценность которых соответствует содержанию в них металлу, и
- 2) металл, на который они обмениваются, или другие монеты, для которых они служат узаконенным эквивалентом.

Прежде всего необходимо точно установить значение *нормальной единицы ценности*. Ценность должна быть выражена в определенном количестве конкретного вещества, измеряемом неизменной весовой или объемной единицей. Подобно тому как в физике всякая величина выражается в какой-либо действительно существующей единице, — для измерения и выражения ценности необходимо установить единицу в лице определенного количества одного или нескольких определенных, неизменяемых товаров. Выражение *нормальная единица ценности* почти всегда неправильно понимают в смысле действительно существующей вещи с неменяющейся ценностью. Но, как мы видели выше, ценность — не что иное, как изменчивое по своей природе меновое отношение двух товаров, так

что нет основания думать, чтобы какое-либо вещество могло сохранить одну и ту же ценность от одного дня до другого. Смысл нормальной ценности заключается лишь в том, что устанавливается определенное количество однородного неменяющегося вещества, при помощи которого могут быть выражены и учтены всевозможные отношения ценностей, не соображаясь при этом с теми чувствами и психическими явлениями, кои вызываются в людях товарами. По мотивам, изложенным выше, оказывается наиболее целесообразным выбрать для выражения нормальной ценности один из металлов — золото, серебро или медь. Абсолютный вес или абсолютная величина денежной единицы не имеют никакого или очень мало значения, если только она всеми признана таковою, раз навсегда вполне точно установлена и неослабно применяется. Прежде чем был установлен аршин в качестве единицы длины, никто бы не пострадал, если бы его сделали на два-три вершка длиннее; решительно безразлично, употребляется ли в качестве единицы дюйм, фут, сажень или миля, раз только одна из этих мер точно установлена, а другие находятся к ней в определенном отношении. Равным образом не имеет никакого значения, будет ли принят за единицу ценности фунт золота или унция, или же количество его, содержащееся в соверене. Но безусловно необходимо, чтобы всякое выраженное в деньгах обязательство вполне точно указывало, сколько золота данной пробы должно одно лицо уплатить другому. Шевалье и некоторые другие экономисты континента пытались изобразить выгоды всеобщей нормальной единицы ценности,

основанной на десятичной системе весов, причем единица эта состояла бы из 10 граммов золота; они, по-видимому, ожидали чудесных результатов от этого соотношения между золотом и весом. Оно, конечно, представляло бы некоторые удобства для тех лиц, которые торгуют благородными металлами и которым приходится вычислять металлическую ценность монет, с целью вывозить их за границу и обращать в слитки, или же для монетных чиновников, определяющих вес монет и их пробу; для всех же других решительно безразлично, основаны ли единицы ценности на десятичной системе весов или нет. Людям, употребляющим монеты в обыкновенном торговом обороте, нет надобности знать, сколько металла они в себе содержат. Из 10 000 человек едва ли один знает или должен знать, что соверен содержит 123,27 грана, или 7,987 граммов нормального золота. Кроме того, если бы мы некоторое число граммов какого-либо металла приняли за единицу ценности, то ценность монет, сделанных из других металлов, выразилась бы в больших дробях, при вычислении которых приходилось бы принимать во внимание рыночную цену этих металлов. Из всего вышеизложенного вытекает, что нормальная единица ценности может представлять собой любое весовое количество материала или сплава определенного состава, и количество это, вообще безразличное для народной массы, должно быть так подобрано, чтобы оно более всего соответствовало народным обычаям и другим общественным отношениям.

Как уже упомянуто, нужно различать три понятия, которые, находясь между собою в тесной связи, не

должны, однако, непременно совпадать. Нет надобности, чтобы единица ценности (или нормальное ве-совое количество данного металла) представляла отдельную монету; она может быть или слишком велика для чеканки, или слишком мала. Необходимо только, чтобы выпущенные в обращение монеты выражались в числах, кратных единице ценности, или в ее простых долях. Также нет надобности, чтобы число, выражающее ценность товара, непременно соответствовало некоторому количеству действительно существующих монет или единиц ценности, как это видно из существования так называемых *счетных денег*, которых нельзя смешивать ни с циркулирующими, ни с нормальными деньгами. Поясним это на примере англосаксонской денежной системы. Единицей ценности был саксонский фунт серебра, который был слишком велик, чтобы из него чеканить монету. Единственными, выпущенными в большом количестве англосаксонскими королями, монетами были серебряные пенсы и полупенсы; но обыкновенными счетными деньгами служили шиллинги, ценность которых, после нескольких колебаний между 4 и 5 пенсами, была, наконец, установлена Вильгельмом I в 12 пенсов, что сохранилось до сих пор. Но до Генриха I не было выпущено ни одного шиллинга. Раньше этого периода роль счетных денег играл *Mankus*, имевший 30 пенсов или 6 шиллингов, по 5 пенсов каждый. У англосаксов употреблялись еще в качестве счетных денег *Mark*, *Ork* и *Thrisma*. В новейшей английской системе совпадают единица ценности, счетные деньги, орудие обращения и ходячая монета, и это представляет зна-

чительные удобства. Соверен представляет для крупных платежей одновременно ходячую монету, единицу ценности и счетные деньги, между тем как для меньших сумм предпочитают шиллинг. Во Франции золотой франк служит счетными деньгами и единицей ценности; а так как он весит только 0,3226 грамма, то выпускаются только золотые 5, 10 и 20-франковики наряду с серебряными монетами меньшего достоинства. В России до Петра Великого рубль был только фиктивной счетной единицей, равной 100 медным копейкам.

Когда деньги какой-либо страны подвергаются изменению, то легко может случиться, что единицы, монеты, счета и ценности разобьются. Иногда новые счетные деньги приноравливаются к старой монете, как это было в Норвегии. Правительство старалось ввести шведскую десятичную денежную систему; отдельные купцы также начали считать в своих книгах на кроны и эре, хотя циркулирующие деньги почти исключительно состояли из старых Skilling'ов и бумажных талеров. С другой стороны, случается так, что монета меняется, а в сношениях с иностранными купцами употребляются старые счетные деньги. Так, например, до 1875 года, на основании закона 1789 года, вексельный курс между Соединенными Штатами и Англией равнялся 4 шиллингам 6 пенсам за 1 доллар, что составляет традиционную курсовую ценность мексиканского доллара, и это удержалось и тогда, когда американские доллары стали чеканиться с ценностью 49,316 английских пенсов.

Две причины обыкновенно вызывают несоответствие монеты со счетными деньгами. Если монета на-

столько стерлась или подверглась такой намеренной порче, что она упала ниже своего веса, то часто, допуская *ажито* или прибавку за происшедшее уменьшение ценности, удерживают старую нормальную ценность и счетную единицу, как это было, например, в Амстердаме, Гамбурге и других городах. Если, далее, в какой-либо стране вдруг выпущены худшие деньги, чем циркулировавшие раньше, то счетные деньги или изменяются соответственно происшедшей порче монеты, или остаются без перемены; относительно разных периодов английской истории, например, трудно, даже невозможно решить, выражались ли цены в новых плохих или старых хороших деньгах. В своей прекрасной книге «История земледелия и цен в Англии» Роджерс обращает внимание на то, что чеканные деньги в XIV столетии часто брались на вес, хотя они служили счетными деньгами. В старинных счетах он нашел расходные статьи как для изготовления весов с целью взвешивать монеты, так и для возмещения слишком малого веса их. Во многих странах циркулирующие деньги в настоящее время состоят не из простого, в себе замыкающегося ряда монет, а из пестрой смеси ввезенных из-за границы монет разнообразной величины и ценности. Здесь счетные деньги по необходимости должны отличаться от находящихся в обращении монет, ценность которых в таком случае обыкновенно определяется по тарифу, выраженному в местных счетных деньгах. Так, например, еще недавно в Германии английские и французские деньги принимались по определенному тарифу без всяких затруднений. В Канаде господствует большая денежная

путаница, благодаря одновременному обращению монет самых разнообразных систем; так как она сама не чеканит монет, то оборотные деньги состоят из множества иностранных монет, главным образом, из долларов разного рода. Денежную единицу составляет доллар, принимаемый в 50 английских пенсов, но он функционирует не в виде монеты, а только в банкнотах. Рядом с этим существуют еще два различных вида счетных денег: 1) серебряный галифакский ливр, делящийся на 20 шиллингов, по 20 пенсов каждый, ценность которого определяется тем, что 60 таких пенсов равны доллару, и 2) галифакские стерлинги, которые употребляются при нотировании иностранных вексельных курсов и ценность которых определяется по соответствию с ценностью старого доллара.

Монеты делятся на *нормальные деньги и денежные знаки*. Нормальными деньгами называется такая монета, меновая ценность которой основывается исключительно на ценности содержащегося в ней материала. Чекан служит лишь для обозначения и гарантирования содержания чистого металла. На такие монеты можно смотреть просто как на благородный металл (*Bullion*); они могут быть обращены в слитки и вывезены в такие страны, где они не составляют законного орудия обращения, ибо их металлическая ценность, совершенно независимая от законодателя, везде признана. Напротив, ценность денежных знаков определяется тем фактом, что они, в силу ли закона или обычая, находятся в известном неизменном отношении к нормальной монете. Металл, заключающийся в денежном знаке, имеет, конечно, известную

ценность, но ценность эта всегда меньше номинальной ценности денежного знака. У английских серебряных денег разница эта составляет, смотря по рыночной цене, от 9 до 12 процентов, а у бронзовых — даже 75 процентов. Точно так же действительная ценность французских бронзовых монет составляет немногим больше $\frac{1}{4}$ их номинальной ценности. В других случаях разница эта еще больше — например, у многих из старинных крейцеров, циркулировавших в Германии. Наибольшая разница между действительной и номинальной ценностью имела место у галифакских полупенсов, возбудивших некогда такое неудовольствие в Ирландии, и у разменных денег, однажды выпущенных Карлом II в Ирландии.

Ценность содержащегося в монете металла называется обыкновенно внутренней ценностью монеты; но это слово «внутренний» легко может ввести в заблуждение насчет понятия «ценность» вообще, которая, на самом деле, не внутреннее, существующее само по себе свойство, а только случайное, внешнее отношение. Для устранения двусмысленности мы будем употреблять выражение «металлическая ценность», отличая ее от установленной обычаем или законом номинальной ценности, по которой монета обращается фактически или по постановлению закона. Металлическая ценность монеты может упасть ниже ее номинальной ценности вследствие уменьшения или веса ее, или содержания в ней чистого металла. В английских серебряных монетах содержится серебра 92,58 процента. Серебряные монеты, имевшие полный, соответствующий их номинальной ценности

(в теории, по крайней мере) вес, были в 1816 году уменьшены на 6 процентов всего своего веса, следовательно, и количество чистого металла, при не изменившейся пробе, уменьшилось; поэтому они в сущности сделались денежными знаками и таковыми остались. Напротив, во Франции и других примкнувших к монетной конференции 1865 года странах мелкие серебряные монеты — полуфранки, франки и двухфранки были обращены в денежные знаки тем, что содержание чистого металла было низведено с 910 до 835 частей на 1000 частей монетного металла. Безразлично, каким из этих способов происходит уменьшение металлической ценности; впрочем, английский способ, если только монеты становятся не слишком малы, имеет то преимущество, что вес может узнать всякий, тогда как содержание чистого металла могут, кроме профессиональных пробиреров, определить немногие. Едва ли нужно упоминать, что монеты, циркулирующие в одной стране как законный денежный знак, должны приниматься в другой стране лишь по их металлической ценности.

Деньги различаются, далее, смотря по тому, служат ли они *законным платежным средством* или нет, другими словами, имеют они *принудительный курс* или нет. Законными платежными средствами называют такие деньги, которые кредитор обязан принять в уплату долга, выраженного в денежной системе данной страны. Всякий законодатель стремится к устранению неопределенности в исполнении договоров, вследствие чего законы о монетах определяют в точности, что должно считаться со стороны должника

законной уплатой денежного долга. Если должник предлагает своему кредитору уплатить ему долг законным платежным средством, а тот отказывается принять, то кредитор потом может, конечно, требовать уплаты долга или обратиться в суд, но зато на него падают судебные издержки.

Многие социальные явления не могут быть поняты, если не принять во внимание силы привычки и обычая. Это особенно имеет место в учении о деньгах. Могущественные монархи нередко пытались пустить в обращение новые монеты и изъять старые, но никакие законы и наказания ничего не могли поделать против коренящегося в собственном интересе и привычке народного инстинкта. Многие трудности, встречающиеся при объяснении отдельных явлений денежного оборота, рассеиваются при ближайшем рассмотрении характера лиц, употребляющих деньги, и мотивов, в силу которых они их удерживают или бросают. Прежде всего нужно заметить, что масса публики, употребляющей монеты, не обладает ни теоретическим, ни каким-либо другим знакомством с природой денег, и всякий держится обычной, исконной оценки циркулирующей монеты. Публика спрашивает только, принималась ли уже та или другая монета другими или нет. Так, например, жители отдаленных частей Норвегии все еще предпочитают старый бумажный талер новым красивым золотым монетам в 20 крон, потому что масса не имеет возможности познакомиться с металлической или хотя бы законной ценностью новой монеты. Лишь немногие имеют весы, необходимые для взвешивания монеты, а содержание чистого металла

может определить только профессиональный пробирный мастер или химик. Путешественнику, привезшему новые золотые монеты в страну, где никто ее не знает, нередко приходится терпеть большие убытки. Когда английские бронзовые пенсы были еще новинкой, я случайно привез несколько монет в Уэльс и там их не хотели принимать. Вообще, человек обыкновенно принимает монету потому, что она ему знакома, и это явление до того распространено среди некультурных народов, что там считают целесообразным при выпуске новых монет сохранять старый рисунок. Поэтому часто выпускают монеты, помеченные старым годом или снабженные бюстом давно умершего монарха. В настоящее время в Австрии продолжают еще чеканить талеры Марии Терезии и притом с тем же рисунком и годом, с которыми они были выпущены в 1780 году. Происходит это оттого, что талеры очень распространены в некоторых частях Леванта и у многих племен Северной Африки; поэтому английское правительство, предпринимая поход в Абиссинию, изготовило много таких монет, чтобы расплачиваться ими с туземцами. По этой же причине мексиканские доллары, весьма распространенные на Востоке, циркулируют по курсу, несколько превышающему их металлическую ценность. Влиянием привычки и невозможностью для простого человека определить истинную ценность монеты объясняется и порча монет, так часто предпринимавшаяся королями: опыт показал, что раз новые монеты имеют тот же внешний вид, что и старые, и на ощупь ничем от них не отличаются, то публика без всяких околичностей принимает ис-

порченные деньги. История монеты всех стран есть, в сущности, ни более, ни менее, как повествование о порче монеты государством и отдельными лицами; лишь изредка встречаются почтенные, но, к сожалению, безуспешные попытки восстановить полный вес монеты. Замечательный пример неоднократных попыток обмануть народ представляют известные римские денарии времен консульства. Фальшивые монетчики распространили среди покоренных германских племен посеребрённые монеты, недоброкачественность которых узнавалась, вероятно, посредством надрезывания краев. Когда, вследствие этого, через некоторое время германцы привыкли видеть в обращении настоящие монеты с надрезанными краями, то римское правительство выпустило новые монеты с точно такими же краями. Фальшивые монетчики, однако, не упали духом. Они также начали изготавливать посеребрённые монеты с готовыми уже надрезами и довели свое искусство до такой степени, что и самые надрезы имели вид настоящего металла; в музеях немало фальшивых монет этого рода.

Если большая публика не делает различия между монетами, раз только они одинаковы на вид, то менялы, торговцы металлом, банкиры и золотых дел мастера стараются ознакомиться с этим различием с целью извлечь отсюда выгоду; для этого они часто или сами переплавляют монеты в слитки или вывозят их за границу, где также, рано или поздно, переплавляются. Если много монет теряется при кораблекрушениях или другим путем и значительное их количество уходит за границу вместе с путешественниками и эмигрантами, которых не интересует точная металличе-

кая ценность монеты, то гораздо большая часть звонких денег уходит из обращения благодаря таким лицам, которые в точности знают, сколько они выиграют от переплавления новой тяжелой монеты. С этой целью они из большого количества монет выбирают самые тяжелые и отправляют их в плавильный тигель, а старые, стертые монеты они при всяком удобном случае спускают. В Англии такая процедура практикуется в больших размерах и носит название *picking, culling* и *garbling*. Это подтверждает тот всеобщий, господствующий в денежном обращении, закон, который Маклеодом был справедливо назван *законом или теоремой Грэшема*, по имени сэра Томаса Грэшема, который открыл его 300 лет тому назад. Закон этот гласит: *хорошие деньги вытесняются плохими*, и далее: *хорошие деньги не могут вытеснить плохих*². На первый взгляд кажется странным, что, хотя выпущены красивые, новые, полновесные монеты, публика тем не менее предпочитает употреблять старые, плохие. Благодаря этому обстоятельству, оказались тщетными многие благожелательные попытки монетных реформ, что причинило значительный ущерб государствам, потерявшим

² Более точная формулировка закона Грэшема звучит следующим образом: деньги, искусственно переоцененные государством, вытесняют из обращения деньги, искусственно недооцененные им. (См.: *Ротбард М.* Государство и деньги. Как государство завладело денежной системой общества. Челябинск, 2005. С. 35–36, 78–82.)

израсходованные на это суммы, и что повергло в немалое смущение государственных людей, незнакомых с основами учения о деньгах. Во всех других случаях собственный интерес побуждает каждого выбирать лучшее и отбрасывать худшее; в денежной же сфере может показаться, будто, напротив, каждый старается удержать худшее и отбросить лучшее. Секрет открывается очень просто. Вообще говоря, публика вовсе не отказывается от лучших монет и безразлично передает из рук в руки как худшие, так и лучшие монеты, потому что она смотрит на них только как на орудие обращения. Но исчезновение хорошей монеты следует приписать вине тех лиц, которые выбирают наиболее тяжелые монеты с целью их переплавления или вывозят их за границу, собирают в виде сокровищ и перерабатывают в изделия и листовое золото. Закон Грэшема вполне опровергает упомянутое выше мнение Г. Спенсера, что изготовление денег должно быть предоставлено частным фабрикантам. Кто хочет купить мебель, книги или платье, от того можно ожидать, что, насколько позволяют ему средства, он выберет вещи наилучшего качества, потому что он хочет их сохранить. Иное дело с деньгами. Деньги выпускают только для обращения. Монеты нужны не для того, чтобы держать их в своем кармане, а для того, чтобы препроводить их дальше в карман соседа; и потому, чем хуже деньги, тем больше собственный выигрыш. Вследствие этого существует естественная склонность к порче металлических денег — склонность, которая может быть устранена только путем постоянного контроля со стороны государства. Из за-

кона Грэшема вытекают две меры предосторожности для установления и сохранения хороших денег. Прежде всего необходимо, чтобы нормальная монета как можно меньше уклонялась от нормального веса, потому что разница идет лишь в пользу того, кто торгует благородными металлами и вывозит их, и побуждает его воспользоваться представляющейся выгодой. Затем необходимо извлекать из обращения те монеты, которые вследствие долгого употребления стерлись и спустились ниже наименьшего законного веса, ибо, в противном случае, они долго будут циркулировать как денежные знаки. Всякая торговая сделка состоит в обмене товаров равной ценности, и потому деньги должны состоять из таких монет, в которых содержится приблизительно одинаковое количество металла, так, чтобы всякий, не исключая торговцев благородными металлами, банкиров и вообще всех торгующих деньгами, безразлично давал или принимал одну монету вместо другой того же рода. Ясно, что этого не может быть с монетами, служащими только денежными знаками, так как курсовая ценность денежного знака превышает его металлическую ценность, и для всякого, кто употребляет их не как орудие обращения, разница эта является прямой потерей. Вес денежного знака, поэтому, не имеет значения лишь до тех пор, пока публика готова его принимать и отклонение его от надлежащего веса не так велико, чтобы побудить фальшивых монетчиков к подделке. Привычка и трудность точного определения ценности представляют в настоящее время две постоянно действующие причины ухудшения монеты. Так, например, соверен по закону должен иметь

не меньше 7,984 грамма веса; на практике, однако, платежи производятся и такими соверенами, металлическая ценность которых уклоняется от законной на 2—4 пенса и даже на 6—8 пенсов. Всякая нормальная монета имеет, следовательно, тенденцию спуститься до уровня денежного знака, который может быть извлечен из обращения только государством.

Закон Грэшема о неспособности хороших денег вытеснить плохие относилась первоначально только к монетам из одного и того же металла, но она справедлива для всякого рода обращающихся на известной территории монет. Так, золото в сравнении с серебром, серебро — с медью, бумажные деньги — с золотом подчинены тому же закону: более дешевое платежное средство остается в обращении, а более дорогое уходит. Весьма поучительный пример представляет в этом отношении Япония. Когда в 1858 году между Великобританией, Соединенными Штатами и Японией был заключен договор, открывавший эту страну, по крайней мере отчасти, для европейской торговли, там существовала в высшей степени замечательная денежная система. Самой полноценной японской монетой был кобанг — тонкая, овальная золотая монета в 6,25 сантиметра длины и 3,1 ширины и весом в 13,33 грамма, с простыми украшениями. В обращении она шла в японских городах по 4 серебряных итцебу, но настоящая ценность ее была 18 шиллингов 5 пенсов (около 9 рублей), тогда как 1 серебряный итцебу стоил 1 шиллинг 4 пенса (70 копеек). Японцы, следовательно, принимали свои золотые деньги в $\frac{1}{3}$ их настоящей ценности, определяемой

отношением ценностей обоих этих металлов в других странах. Первые европейские купцы, конечно, не преминули воспользоваться этим необыкновенным обстоятельством; скупая кобанги по местному курсу, они утраивали свои деньги, пока туземцы не обратили на это внимания и не изъяли из обращения оставшиеся еще кобанги. После этого японское правительство предприняло полное преобразование своей денежной системы, скупив английские монетные мастерские в Гонконге. То, что в такой поразительной форме имело место в Японии, происходило в меньшей степени в Англии и других европейских государствах. Лишь только отношение золота к серебру, установленное законной валютой какой-либо страны, уклоняется на 1—2 процента от отношения их рыночных цен, становится выгоднее вывозить один металл, чем другой; так было во Франции, где в промежуток времени 1848—1869 годов серебряная монета все более вытеснялась золотой, пока последняя не восторжествовала. Подобным же образом определился характер денежной системы в большинстве других государств, а Англия и Соединенные Штаты увидели себя поэтому вынужденными ввести золотую валюту, как господствующую. Весьма вероятно, что уже в Риме во времена республики и императоров обнаружилась вся трудность регулирования обращения серебряных денег наряду с медными, и трудность эта возросла еще более, когда введены были и золотые монеты.

ГЛАВА VIII

Системы металлических денег

Мы теперь достаточно подготовлены к рассмотрению различных систем металлических денег. Не вдаваясь в подробности, мы здесь дадим лишь краткий обзор тех методов, которыми можно установить денежную систему из двух, трех и более металлов.

Относительно металлических денег правительство может занять пять различных положений:

1) Оно может ограничиться обеспечением хорошей системы мер и весов, а затем предоставить металлам свободно переходить из рук в руки наравне с другими товарами, при помощи обычных в стране мер и весов и в форме, наиболее удобной для публики. Это — *система весовых денег*;

2) Чтобы устранить неудобства, происходящие от частого взвешивания монет и от неизвестности содержания чистого металла, правительство может отчеканить монеты определенного веса и пробы из одного или нескольких металлов и предоставить публике платить по договорам и обязательствам монетами того или другого рода, как кому угодно. Это — *свободная*, т.е. не фиксированная законом, *система платежных денег*;

3) Для предотвращения недоразумений правительство, выпуская монеты из разных металлов, может, однако, постановить, чтобы платежи по всякого рода договорам, выраженным в национальной денежной единице, производились монетами из определенного металла (если только в договоре не оговорено против-

ное), а обращение всех других родов денег не регламентируется никакими законами, так что курсовая ценность их, по сравнению с ценностью законной монеты, может изменяться. Это — денежная система с *простой валютой*;

4) Правительство может чеканить монеты из двух или нескольких металлов и постановить, что платежи по денежным договорам могут производиться монетой того или другого рода, по определенному, установленному законом курсу. Это — *сложная валюта*;

5) Правительство может, наконец, объявить одну монету главным законным платежным средством и вместе с тем постановить, что до известной суммы должны приниматься и другие монеты. Это — *смешанная валюта*.

Порядок, в котором мы перечислили главные денежные системы, представляет собой не только логическую последовательность, но и историческую. Достоверно известно, что древнейшая денежная система основывалась на весовых деньгах. Нет сомнения, что благородные металлы служили меновым средством еще до изобретения весов, причем крупинки или куски металла взвешивались или измерялись каким-либо грубым способом; позднее стали прибегать при заключении крупных сделок к весам. Из многих мест Ветхого Завета можно заключить, что у древних евреев были в обращении весовые деньги. В книге Исхода (23, 16) говорится, что Авраам отвесил Эфрону 400 мешков серебра, «которое сплошь и рядом употреблялось в торговле»; но упомянутое здесь серебро, очевидно, состояло из грубых кусков или колец, ко-

торые нельзя причислить к монетам. В книге Иова говорится: «За нее (мудрость) нельзя ни золота дать, ни серебра отвесить, чтобы ее купить» (28, 15).

Аристотель в своей «Политике» (кн. I, гл. 9) высказывается в том смысле, что деньги первоначально определялись по весу и по величине. Что так было в действительности, видно из того, что потом, когда весовая денежная единица уже вышла из употребления, долго еще существовал обычай — при продаже рабов приносить весы. Едва ли можно сомневаться в том, что всякая монетная система была первоначально весовой и что единицей ценности служила весовая единица определенного металла. Английский фунт стерлингов — это не что иное, как древнесаксонский фунт монетного серебра, из которого чеканилась не одна монета (она была бы слишком велика), а 240, каждая весом в 1 пфенниг. Английский и шотландский фунт, а также французский ливр представляют собой остатки однообразной международной денежной и весовой системы, введение которой приписывается Карлу Великому; к сожалению, благодаря практиковавшейся повсюду порче монет, однообразие это исчезло. Важнейшие единицы ценности, употреблявшиеся другими народами и в другие эпохи, также были первоначально весовыми единицами; таковы мешок, талант, асс, stater (у греков), libra (в Испании), марка, фунт, лира.

В Ветхом Завете три раза встречается слово Kesitha в смысле денег; по мнению профессора Теодореса, оно означает не «ягненок», как думали некоторые древние комментаторы, а определенный вес или определенное количество. Арабское Kist означает весы.

Во многих странах весовые деньги употребляются и в настоящее время. В Бирмане, например, где в обращении находятся три металла — олово, серебро и золото, — все платежи производятся при помощи весов, причем весовой единицей для серебра служит Tikat. В Китае и Кохинхине хотя и существуют монеты, называемые Kasch или Sapek, но золото и серебро обыкновенно идут на вес, а весовой единицей служит tael. По словам графа Rochechouart'a, золото и серебро рассматриваются в Китае как простые товары: не снабжены ни штемпелем, ни пробой. Путешественник должен брать с собой эти металлы, так как чтобы возить с собой достаточное количество Kasch, потребовался бы целый воз. При размене золота и серебра путешественник терпит обыкновенно большие убытки, как вследствие фальшивых весов, так и вследствие того, что ему в точности неизвестна проба металла. Покупая тэль золота, он дает около 18 тэлей серебра, хотя при продаже он возьмет за нее не больше 14 тэлей серебра.

Как бы ни были велики недостатки весовой системы, нация прибегает к ней всякий раз, когда благодаря стертости монеты, смешению денег разных систем, падению какого-либо государства и т.п., доверие общества к системе высшего типа поколебалось. Хотя серебряный пфенниг англосаксов номинально соответствовал весовому пфеннигу, однако обыкновенно давали *compensatio ad pensum*, т.е. деньги принимали на вес, но с вычетом за стертость или намеренную порчу монеты. Римский асс весил первоначально один римский фунт, но с течением времени он становился

все легче и легче, так что к Первой Пунической войне вес его упал до двух унций, а ко Второй — до одного. Вследствие этого римляне снова начали взвешивать металл, и весовые деньги, в отличие от платежной единицы, назывались *aes grave*. В настоящее время весовые деньги встречаются чаще, чем думают. Во многих странах обращается на рынке пестрая смесь старых золотых, серебряных и медных монет, ввезенных из разных концов земного шара, стертых, обрезанных, потерявших часть своей внутренней ценности. Чтобы предохранить себя от обменов и убытков, нет другого средства, как взвесить каждую монету в отдельности; штемпель же, которым они снабжены, имеет лишь то значение, что показывает пробу металла. Весовые деньги употребляются также при международных платежах. Государственные постановления, относящиеся к узаконенному платежному средству, не имеют никакого значения за пределами данного государства, а так как все монеты более или менее стираются и вообще не могут иметь абсолютно одинаковый вес, то за границей ценность их определяется весом содержащегося в них чистого металла. Монеты государств, пользующихся хорошим управлением, покупаются на вес, не будучи предварительно обращены в слитки; монеты же мелких государств, выпускавших время от времени легкие деньги, просто-напросто переплавляются в слитки.

Может показаться, что для снабжения нации деньгами нет ничего проще, как возвратиться к первоначальному значению монеты, т. е. выпустить куски золота, серебра и меди со штемпелем, удостоверяющим, что они имеют определенный вес, а публике при

всякого рода сделках предоставить полную свободу выбора монеты. Такие куски металла с гарантированным весом были бы ни чем иным, как выпущенным на рынок товаром, и относительная ценность их определялась бы сама собою. Подобный характер имел план французского правительства эпохи революции, не осуществившийся, впрочем, на практике. По закону от термидора III года, предполагалось выбить из золота, серебра и меди кругляки весом в 10 граммов и пустить их в обращение, не устанавливая легальным путем их ценности. Но для большинства населения решительно безразлично, находятся ли монеты в простом отношении к весовой системе или нет, так как редко кто вообще обращает внимание на вес монеты. Для публики достаточно знать, сколько медных монет идет за одну серебряную и сколько серебряных — за одну золотую. При этой системе всякий платеж требовал бы сложных выкладок; приходилось бы, например, вычислять, какое количество кусков серебра по 10 граммов соответствует по своей рыночной цене куску золота такого же веса. Вычисления эти отнимали бы много времени, и притом лучшие счетчики всегда наживались бы за счет худших, т.е. за счет бедных и необразованных людей. Ввиду таких очевидных неудобств денежной системы, не регулируемой законом, ни одно правительство не решалось ее у себя ввести. Однако, благодаря смешению разнообразных монет различных государств, во многих местах развились денежные системы, аналогичные вышеописанной. Некоторые полудикие племена не имеют собственной монеты, но употребляют те деньги, которые доходят до

них в торговле. На западном берегу Африки, например, самая ходкая монета — это испанский доллар, хотя употребляются также датские, французские и голландские деньги. В южноамериканских государствах господствует страшная путаница в денежном обращении: наряду с монетами собственной чеканки употребляются североамериканские «орлы», золотые дублоны, серебряные доллары, английские соверены, пиастры и пр. То же самое находим в британских колониях. В британской Вест-Индии, наряду с английскими монетами, циркулируют североамериканские, мексиканские, испанские и другие доллары, причем мерилом ценности служит большей частью испанский доллар, в котором выражается ценность всех других монет.

Не меньшую путаницу находим на Востоке. В Сингапуре обращается индийская рупия наряду с испанским и американским долларом. Первая имеет собственную денежную систему, но очень грубую; вес персидских монет подвергается большим колебаниям, так что оценка их производится при помощи весов. Кроме них, платежным средством служат еще русские, турецкие и австрийские деньги. Благоустроенные государства также нередко допускали у себя иностранные монеты. Так, в Германии принимались по определенному тарифу английские и французские золотые монеты. Законом от 28 июня 1834 года были допущены к обращению английские, французские, испанские, мексиканские и многие другие золотые монеты; 21 февраля 1857 года закон этот был отменен, но некоторые иностранные монеты все-таки продолжали приниматься в государственных кассах.

Фер Герцог описал систему *параллельной валюты*, состоящую в том, что государство чеканит монеты из двух металлов, которые служат узаконенным платежным средством, а курс их (одна относительно другой) определяется в зависимости от рыночной цены металлов. Как пример такой валюты, он приводит серебряный риксдалер, обращавшийся в Швеции наряду с международными деньгами — золотыми дукатами. Индийское правительство также не раз пыталось ввести золотую валюту рядом с господствующей в Индии простой законной серебряной валютой. В Индии издавна существуют золотые могуры, составляющие около $\frac{1}{10}$ всех обращающихся в стране монет. Они имеют такой же вес и такую же пробу, как серебряные рупии, а по ценности равны $15\frac{2}{3}$ рупиям. Нам кажется, что система, называемая Фер Герцогом *параллельной*, либо совпадает с той, которую мы назвали системой свободных, не регулируемых законом платежных средств, либо с системой простой, законной валюты, сопровождаемой побочной монетой, ценность которой, подобно ценности всякого товара, постоянно колеблется. Валюта Индии принадлежит к последней системе. На практике немислимо одновременное существование двух различных параллельных валют, и хотя государство нередко чеканит монеты из двух металлов, предоставляя своим подданным полную свободу выбора, но мерилom ценности служит обыкновенно один из этих металлов.

Из всех денежных систем самой древней является простая законная валюта. Первоначально считалось достаточным иметь монеты из одного металла или

даже один только сорт монет одинакового веса. В Спарте, например, железные слитки составляли в древнейшие времена единственное узаконенное орудие обращения, а у римлян aes, без сомнения, долго служил единственным платежным средством. В Китае единственным мерилom ценности и законным орудием обращения является медный каш или сапек. В Англии от Эгберта до Эдуарда III деньги чеканились только из серебра, если не считать немногих золотых монет, еще не установившихся окончательно; серебро было единственным законным орудием обращения, а монет из другого металла было очень мало.

Валюта из одного металла (*монометаллизм*) имеет то преимущество, что она очень проста и исключает всякие сомнения: всякий знает в точности, что он должен платить и что получать, и если все монеты имеют одинаковую величину и находятся друг к другу в простом кратном отношении (как, например, древние английские монеты), то никто не рискует потерять от простой ошибки в счете. Но система эта имеет и свои недостатки. Тот или другой монетный металл неудобен для больших или малых платежей, смотря по тому, дешев ли он или дорог. Чтобы уплатить 3000 рублей шведскими медяками или китайскими кашами, необходим целый воз, а сосчитывание каш отнимает очень много времени. Если в стране господствует исключительно серебряная валюта, то неудобство состоит в том, что невозможно создать очень мелкую монету для малых платежей. Трудно себе представить, как можно было вести розничную торговлю в те времена, когда самая мелкая монета — серебряный

пенни — весила 4426 граммов, а благородные металлы были дороже, чем теперь. Пенни разрезали обыкновенно на две (*halfpence*) и четыре части (*fourthing*, откуда — позднейший *farthing*), но и четверть пенни имела такую ценность, как нынешние 3 или 4 пенса. Однако монеты того времени состояли, главным образом, из серебряных пенни.

Впрочем, если правительство чеканит монету только из одного металла, то публика сама ввозит из-за границы деньги из другого металла. Так появились в Англии (в англосаксонскую эпоху) византийские золотые монеты и флорентийские («флорины»), бывшие здесь в таком же ходу, как в других странах. Впоследствии, за неимением официальных медных денег, в Англии стали циркулировать марки, выпущенные лавочниками.

Простая валюта постепенно развилась в систему из двух и нескольких металлов. Когда, например, английские короли из дома Плантагенетов нашли, что, хотя они выпускали одни лишь серебряные монеты, публика, однако, употребляла и золотые деньги, то они стали чеканить и золотые монеты, определив, в каком отношении они должны обмениваться на серебро. Таким образом, была создана двойная валюта. Когда через некоторое время относительная ценность металлов перестала соответствовать относительному весу монет, то пришлось новым указом изменить прежнюю относительную ценность обоих сортов денег. Таким путем английское правительство регулировало обращение золотых и серебряных денег на протяжении от 1257 до 1664 года; монет из меди и

других дешевых металлов тогда еще не было. В промежутке времени от 1664 до 1717 года не издано было ни одного закона, касающегося относительной ценности золотых и серебряных монет, так что выраженная в шиллингах цена гинеи снова стала колебаться; время от времени она падала до 30 шиллингов, частью от того, что серебро вообще дешеvelo, частью же потому, что серебряная монета подвергалась порче вследствие стертости и намеренного обрезывания. Следовательно, на самом деле в Англии существовала в это время простая валюта.

Неудовлетворительное состояние серебряных денег обратило на себя всеобщее внимание в начале прошлого столетия. В своем знаменитом докладе 1717 года Исаак Ньютон предлагал правительству вернуться к старой системе, установив раз навсегда определенное отношение гинеи к серебру; он полагал, что самое лучшее было бы приравнять гинею к 21 шиллингу. Предложение это было принято, и с этих пор гинея считалась в 21 шиллинг. Таким образом, снова установлена была двойная валюта, так как публике при платежах предоставлялся свободный выбор между золотом и серебром. На практике рыночная цена металлов редко совпадает с отношением, установленным законом для монет. По норме Исаака Ньютона, золото получило добавочную ценность в $1\frac{1}{2}$ процента, так что металл этот в монете был на столько же процентов дороже серебра. Вследствие этого, согласно законам металлического обращения, полновесные серебряные монеты вышли из обращения или уплыли за границу, а фактическим мерилom ценности сделалось золото.

Подобный же результат имели попытки введения двойной валюты в других странах. Когда в 1762 году в Массачусетсе золото объявлено было таким же законным платежным средством, как серебро, причем гран золота должен был равняться $2\frac{1}{2}$ пенсам, то в короткое время серебряные монеты вышли из обращения, так как золото было оценено на 5 процентов выше. Издавались многочисленные законы с целью воспрепятствовать этому отливу серебряных денег, но они оставались безуспешными, пока сохранялась слишком высокая оценка золота. Здесь правительство сделало попытку соединить золотую валюту с серебряной, не уяснив себе тех принципов, которые нужно иметь в виду при подобных экспериментах. Сознательно двойная валюта впервые введена была во время Французской революции. В 1790 году Мирабо представил Национальному Собранию известную записку о началах денежного обращения, в которой он высказался в пользу серебра, как наилучшего материала для денег, мотивируя это тем, что серебра имеется несравненно больше золота. Он предлагал серебро сделать «конституционными деньгами», т.е. узаконенным платежным средством, а золото и медь — лишь «добавочным знаком ценности». Идея Мирабо осуществилась не вполне; законом 1 августа 1793 года вес франка в серебре установлен был в 10 граммов, а законом 28 термидора IV года — в 5 граммов. Старые золотые монеты в 24 и 48 ливров остались в обращении, а новые десятиграммовые золотые монеты, которые должны были быть отчеканены на основании закона, выпущены не были. В IX году предложено

было Годэном, при определении относительного веса золотых и серебряных монет, принять отношение $15\frac{1}{2}:1$; по этому проекту франк должен был иметь 5 граммов серебра с содержанием чистого металла в $\frac{9}{10}$; а золотой 20-франковик — 6,451 грамма, с тем же содержанием чистого металла. Годэн исходил, по-видимому, из той мысли, что предложенное им отношение ценностей достаточно близко к рыночному, что те и другие монеты могут долго существовать рядом без особых неудобств, а в случае значительного изменения относительной ценности золота и серебра достаточно будет изъять из обращения золотые монеты, переплавить их и выпустить снова уже с измененным весом. После долгих дебатов проект Годэна был принят, хотя и не по тем мотивам, которые выставлены были самим Годэном; совершенно лишить золото характера денег считали невозможным из опасения, что останется слишком мало меновых средств; оставить же ценность денег неопределенной также неудобно, потому что это поведет к недоразумениям.

Отношением, принятым в конце концов законодательным собранием, серебро оценено было слишком высоко, вследствие чего на французском денежном рынке с течением времени остались одни тяжеловесные пятифранковики или экю. Эти тяжелые серебряные деньги исчезли лишь тогда, когда открытие калифорнийских и австралийских золотых рудников сделало золото самым дешевым платежным средством.

Как мы видели выше, валюта из одного металла затрудняет малые или большие платежи, смотря по тому, дорог или дешев монетный металл. Если же вы-

пускаются две или несколько серий полновесных монет из разных металлов, относительная ценность которых, не будучи фиксирована законом, может колебаться, то в конце концов оказываются необходимыми сложные вычисления, весьма неудобные при платежах. Наконец, если государство объявляет законными платежными средствами оба металла, установив в то же время определенное, неизменчивое отношение между их ценностями, то из обращения будет исчезать то один, то другой металл, а торговцы деньгами в видах барыша будут переплавлять или вывозить за границу тот из них, который в слитках будет дороже, чем в монете. Но возможна еще другая система, по которой мерилом ценности и законным платежным средством служит *один* металл, а рядом с ним выпускаются второстепенные денежные знаки из других металлов, употребляемые лишь для уплаты балансов, и то только на малые суммы. Ценность этих знаков зависит от того, в каком отношении они обмениваются на нормальную монету; при установлении их веса должно быть обращено особенное внимание на то, чтобы их металлическая ценность была меньше нормальной. Эти меры предосторожности сделают невозможным их переплавление или вывоз за границу из корыстных видов, а меновое отношение их к главной национальной монете не будет существенным образом отличаться от предписанной государством нормы.

Система смешанной законной валюты естественным образом вытекает из двойной валюты: если по установленному законом тарифу золото слишком высоко оценено в сравнении с серебром, то все полно-

весные серебряные монеты постепенно будут выходить из обращения, а неполновесные будут, в сущности, лишь денежными знаками. На началах смешанной системы основана нынешняя валюта в Англии.

Такая денежная система существовала во многих странах, хотя этого не понимали или не желали признать. Она неизбежна везде, где обращаются золотые и серебряные монеты с определенным, официально установленным отношением между их ценностями, и серебряные монеты потеряли значительную часть своего веса вследствие стертости или намеренной порчи. С 1717 года, когда ценность гинеи определена была в 21 шиллинг, до введения нынешней системы в Англии, в принципе, признавалась двойная валюта; в действительности же серебряные монеты были так редки и до того стерты, что они служили только денежными знаками. В ряду разных сортов денег к ним присоединился третий член — медные марки лавочников, которые никогда не были полновесны, но в силу обычая обращались на рынке в известном отношении к серебряной монете.

Большинство народов, задающих тон в мировом концерте, приняли в большей или меньшей степени смешанную валюту. Франция, Бельгия, Швейцария и Италия в принципе держатся, правда, двойной валюты, но в действительности все монеты ниже 5 франков обратились там в простые денежные знаки, так как содержание чистого металла в них уменьшено на $7\frac{1}{2}$ процента и принимаются они, как законное платежное средство, только на ограниченную сумму; вместе с этим медные деньги никто не обязан при-

мать на сумму больше 5 франков. В Соединенных Штатах законом признана двойная валюта; в действительности же там существует смешанная валюта, так как золото оценено слишком высоко. К этому присоединилось еще то, что законом 21 февраля 1853 года уменьшен был вес мелких серебряных монет, которые признаны были законным платежным средством на сумму не более 5 долларов. Серебряные трехцентовые монеты, а также многочисленные медные, бронзовые и никелевые, были простыми денежными знаками, считавшимися законным платежным средством лишь на ограниченную сумму.

Новая денежная система Германии основана целиком на смешанной валюте.

ГЛАВА IX

Погашение обязательств

Убедившись на опыте в преимуществах металлических денег, человек с течением времени замечает, что можно обойтись и без них; и вот возникают такие отношения, которые имеют большое сходство с натуральным меновым процессом. Таким образом, торговые и промышленные отношения возвращаются к своему исходному пункту, но позднейшая форма непосредственного обмена многим отличается от первоначальной. Купля и продажа все еще совершаются при помощи золотых и серебряных монет, но это делается так, что некоторое количество товаров, выраженное в золотой и серебряной единице, идет в обмен за равноценное количество других товаров, измеряемое точно таким же образом. Выступая в роли орудия обращения, деньги являются теперь простыми условными знаками, за которые можно, в случае надобности, получить золото, хотя в качестве менового средства металл этот употребляется очень редко. Как известно, деньги исполняют по меньшей мере две, а зачастую и четыре различные функции, и при мало развитых торговых отношениях представляется целесообразным, чтобы все эти функции выполнялись одним металлом. Но такое соединение различных функций вовсе не является наивыгоднейшим при всех обстоятельствах. Мы увидим, что золото и серебро всегда останутся всеобщим мерилom ценности, но в значительной мере потеряют свое значение, как ма-

териальное меновое средство, переходящее от покупателя к продавцу. С тех пор, как возник натуральный обмен, люди значительно продвинулись в своем развитии, приближаясь к такой системе меновых отношений, при которой благородные металлы, как орудие обращения, играют ограниченную роль. Различные способы, делающие употребление денег излишним, можно расположить в следующем порядке:

- 1) замена нормальных металлических денег условными;
- 2) кредит по книгам;
- 3) система чеков;
- 4) иностранные векселя и
- 5) международная система погашения платежей.

Металлические деньги чрезвычайно облегчают меновой процесс. Но с течением времени нации, употреблявшие золотые и серебряные деньги, нашли, что в обращение могут быть пущены денежные знаки с низкой металлической ценностью, куски кожи или даже бумаги, имеющие чисто номинальную стоимость и удостоверяющие, что их владельцу принадлежат монеты на известную сумму. Вещество, заменяющее золотые, серебряные и медные деньги, первоначально являлось только символом металла. Но когда люди уже свыклись с употреблением такого рода денег-символов, то явилась возможность вовсе удалить из обращения благородные металлы, представителем которых они служили, и оставить лишь куски кожи или бумаги, которые сами по себе не имеют никакой ценности. Так появились *неразменные бумажные деньги*. Такие деньги никогда, впрочем, не пересту-

пают границ того государства, которое их выпустило. Далее, купцы, торгующие с иностранцами, заметили, что если бы они вздумали всякую сделку немедленно оплачивать наличными металлическими деньгами, то они понесли бы большие убытки, сопряженные с платежом процентом, а нередко рисковали бы и всем своим капиталом; они поэтому издавна ввели в употребление *векселя* (иностранные), которые, подобно вышеупомянутым символическим деньгам, переходят из рук в руки, подобно удостоверениям, подтверждающим денежный долг; благодаря им, громадное количество меновых сделок часто производится при помощи однократной наличной уплаты. Но есть еще более удобное средство, при помощи которого можно избежать употребления материального орудия обращения, не подвергаясь в то же время неприятностям натурального обмена. Люди, часто заключавшие между собой сделки купли-продажи, в конце концов убедились в бессмысленности такого порядка, по которому сначала какая-либо сумма денег уплачивается за то, что куплено, а потом та же сумма получается обратно за то, что продано. Очевидно, что вполне достаточно лишь выразить в денежной единице ценность вымениваемых товаров, а наличными деньгами уплатить только разницу. Так как вошло в обычай отдавать на хранение золотых дел мастерам или банкирам те деньги, которые в данный момент не нужны, то с течением времени заметили, что квитанция может сослужить ту же службу, что и сами деньги, и что если два лица имеют дело с одним и тем же банкиром, то им нет надобности держать у себя деньги, необходимые для

взаимных расплат. Для уравнивания их взаимных обязательств вполне достаточно простого переноса в книгах их общего банкира. Банкиры, в свою очередь, могут подобным же образом уравнивать свои обязательства по отношению друг к другу. На этих началах развилась в Англии и Америке обширная расчетная система, основная идея которой состоит в том, что все крупные внутренние коммерческие расчеты производятся посредством простого перемещения цифр в книгах. В силу этой системы Лондон является денежным центром всей Великобритании; кроме того, замечается тенденция сделать Лондон центральным пунктом и для крупных международных расчетов. На практике выяснилось, что в Лондоне гораздо удобнее, чем где-либо, хранить свои деньги и получать кредит или подлежащие уплате векселя. А так как в Лондоне в то же время сосредоточивается большая часть банков всего мира, то он как бы самой природой предназначен служить *расчетным домом* для всего земного шара. Эти-то главнейшие стадии развития менового механизма или уравнивания платежей и составляют предмет нижеследующих страниц.

ГЛАВА X

Условные деньги

Хотя в настоящее время различают только металлические деньги и бумажные, — ибо материалом для условных денег служит теперь почти исключительно бумага, — однако необходимо вспомнить, что некогда с этой целью употреблялись и другие вещества. От полновесных нормальных монет, коих металлическая ценность равна номинальной, шаг за шагом люди дошли до бумажных денег, которые сами по себе не имеют никакой ценности и тем не менее заступают место десятков тысяч и даже миллионов рублей. Металлические денежные знаки могут быть причислены к условным деньгам, так как их ценность определяется не столько содержащимся в них металлом, сколько теми монетами, на которые они могут обмениваться. Нет надобности, чтобы денежное обязательство непременно написано было на бумаге; оно с таким же удобством может быть выражено посредством штемпеля, выдавленного на куске металла. Английские короли не чеканили медных монет вплоть до конца царствования Елизаветы, так как опасались, что чеканка монеты из такого обыкновенного металла, как медь, может вызвать ухудшение циркулирующих на рынке денег; вследствие этого многие торговцы, нуждаясь в разменной монете, сами стали выпускать денежные знаки. Они делались в первое время из свинца или *latten* (род латуни), иногда, как полагают, из кожи. В прошлом столетии также выпускались в большом коли-

честве денежные знаки, особенно из меди; на них, обыкновенно, выдавливалась надпись, указывающая на то, что они рассматривались, как простые денежные обязательства. Так, например, на выпущенных в 1791 году в Саутгэмптоне монетах значилось: «Halfpenny Promissory, payable a the Office of W. Taylor R.V. Moody and Comp.». На денежных знаках, выпущенных в 1813 году владельцем свинцовых рудников в графстве Флинт, долговое обязательство выражено в следующих словах: «One penny Token». «One Round Note for 240 Token». Еще не так давно в Новом Южном Уэльсе лавочки, нуждаясь в разменной монете, выпустили медные и бронзовые денежные знаки, циркулировавшие без всяких затруднений до 1870 года, когда дальнейшее их употребление было запрещено. Разница между нормальными деньгами и денежными знаками была известна уже в древности. Железные монеты спартанцев были, вероятно, узаконенным нормальным платежным средством, ибо, по описаниям современников, они были тяжелы и объемисты и обладали небольшой ценностью. Напротив, византийские железные деньги принадлежат к разряду условных денег. Ниже мы увидим, что денежные знаки, наподобие нынешних банкнот, употреблялись уже некоторыми древними народами.

Древние народы не могли иметь бумажных денег уже потому, что им неизвестен был способ приготовления бумаги. Но ошибочно было бы думать, что они вовсе не употребляли денежных знаков наподобие наших банкнот. Как известно, к числу древнейших меновых средств принадлежат шкурки животных, а

древнейшей формой денежного знака являются куски кожи, снабженные официальной печатью. Шторх, Бернардакис и другие полагают, что когда с течением времени шкурки, вследствие своих размеров, оказались неудобными в роли денег, то от них стали отрезать небольшие куски, которые передавались из рук в руки, как знак права собственности на самые шкурки. Это право собственности могло быть легко констатировано: стоило только приложить отрезанные куски к тем шкуркам, ценность которых они собой изображали. По аналогии с практикой бумажных денег можно заключить, что, раз привыкнув к употреблению условных кожаных денег, люди с течением времени забывали, что это в сущности лишь символы, и они оставались в обращении и после того, как сами шкурки, отданные на хранение правительству или частным лицам, уже не существовали. Первая страна, в которой возникли бумажные деньги, — это Китай. За столетие до христианской эры один китайский император, нуждаясь в деньгах, употребил такой способ, который показывает, что в Китае были знакомы с употреблением кожаных денежных знаков. Деньги эти делались из шкурок белых оленей, и все олени этого цвета, каких только можно было достать, сгонялись в один парк, а подданным было запрещено иметь белых оленей. Создав себе таким образом монополию из денежного материала, напоминающую монополию Банка Англии на бумагу с водяными знаками, китайский император выпускал куски белой кожи по высокому курсу. Около середины XIII столетия Марко Поло нашел в Китае бумажные деньги,

приготавливавшиеся из превращенной в студень внутренней части древесной коры; они имели форму четырехугольных пластинок и были снабжены значками и печатями, при накладывании которых соблюдались большие формальности. Эти билеты, обладавшие различной номинальной ценностью, функционировали как узаконенное платежное средство, причем нежелание принимать их влекло за собой смертную казнь; этому же наказанию подвергались подделыватели билетов. Другой путешественник, посетивший Китай в XVI столетии, дает вполне аналогичное известие о циркулировавших там бумажных деньгах и прибавляет, что истрепанные и изорванные билеты заменялись новыми без всякой доплаты. Мы не станем излагать здесь длинную и отчасти мало достоверную историю китайских бумажных денег в позднейшее время; скажем только, что она мало чем отличается от истории других неразменных денежных знаков. При монгольской династии расплодилось такое множество бумажных денег, что они причинили стране большой ущерб, а династия Мингов, продолжавшая выпускать бумажные деньги, зашла даже так далеко, что вовсе запретила употребление золотых и серебряных денег. Курс бумажных денег упал так низко, что за 1 металлический каш давали 1000 бумажных. Результатом всего этого были полный упадок торговли в XV столетии и решительная реакция против бумажных денег.

Другим азиатским народам, как, например, татарам и персам, также известно было употребление бумажных денег; сэр Джон Мандевиль, посетивший татар в XVI столетии, говорит следующее о выгодах,

доставляемых хану этими деньгами: «Этот император может выпускать сколько хочет, без оценки, ибо то, что он печатает на коже или на папирусе, не деньги в настоящем смысле. А когда деньги от долгого обращения портятся, то их возвращают казначею императора и получают за них новые. Деньги эти обращаются во всей стране и во всех провинциях, ибо там не чеканят ни золотых, ни серебряных монет. Таким образом, хан может страшно много денег выпускать». Многие императоры, короли и даже республики подражали великому хану и выпускали «страшно много» бумажных денег.

Если мы обратимся к причинам, побудившим ввести бумажные деньги, то окажется прежде всего, что их много и что в разных случаях они имели разное значение. Европейская система банковских билетов восходит к депозитным банкам, учрежденным между XII и XV веками в Италии. В то время орудием обращения служили монеты самых разнообразных наименований, упавшие далеко ниже своей номинальной ценности вследствие обрезывания, намеренной порчи или стертости. Принимая золото, купец должен был взвешивать каждую монету в отдельности и определять содержание в ней чистого металла, что сопряжено было с большой потерей времени, хотя все-таки не гарантировало от обмана. Вследствие этого в торговых республиках Италии возник обычай отдавать такие деньги в банк, где ценность их точно определялась раз навсегда и записывалась в кредит вкладчика. Аналогичным причинам обязаны своим происхождением амстердамские и гамбургские банки. Деньги, запи-

санные в книгах этих банков в кредит какого-либо купца, назывались *банковскими деньгами* и обладали обыкновенно *ажиро* или премией соответственно среднему обесценению циркулирующих монет. Для производства платежей купцы в определенный час лично являлись в банк и отдавали распоряжения о переносах различных сумм из кредита в дебет и обратно. Уплаченные таким образом деньги имели всегда свою полную ценность, причем сберегался труд, сопряженный со счетом и оценкой монет.

В тесной связи с только что приведенной причиной, вызвавшей появление условных денег, находится желание избегнуть труда и риска, связанных с хранением больших масс благородных металлов. Для этого необходимы надежные помещения и сторожа. Английские банки, насколько известно, возникли в силу именно этой причины. В то время как в Италии уже много столетий существовали общественные, хорошо устроенные депозитные банки, в Англии первые следы такого учреждения представляет сооруженный в лондонском Тауэре (крепость) монетный двор, куда купцы обыкновенно отдавали на хранение свои наличные деньги. Но в 1640 году Карл I противозаконно присвоил себе в виде займа 200 тысяч фунтов стерлингов из вложенных денег, и купцы, потеряв доверие к правительству и не считая свои собственные подвалы достаточно безопасными в те бурные времена для хранения крупных сумм денег, стали складывать свои капиталы у золотых дел мастеров, которые нанимали необходимые для этого помещения и приставляли к ним особых сторожей. В доказательство того, что

вкладчик действительно вложил известную сумму денег, золотых дел мастер выдавал квитанцию, которая первоначально была только свидетельством о том, что деньги вложены. Постепенно, однако, вошло в обычай — это право собственности на вложенную сумму переносить на других посредством простой передачи квитанций. В парламентских актах часто упоминаются такие квитанции, а многие лондонские банкиры вплоть до 1746 года были членами гильдии золотых дел мастеров. Из того, как к этим квитанциям относятся разные статуты, видно, что они превратились в банковские билеты общего типа, представляя собой простое обязательство — выдать по предъявлении определенную сумму денег, без всяких соображений с имеющимися в наличности запасами.

Тяжеловесность металлических денег также принадлежит к числу причин, побуждающих в крупных торговых делах пользоваться условными деньгами; эта причина действует тем сильнее, чем неудобнее и объемистее узаконенное платежное средство и чем менее оно пригодно для перевозки. Когда в XVIII столетии в Виргинии употребляли в качестве менового средства табак, его складывали в амбары, а в обращении находились складочные свидетельства. В России в царствование Екатерины II были выпущены в 1768 году бумажные деньги по той причине, что медные деньги — тогдашнее узаконенное платежное средство — были слишком неудобны, и эти *ассигнации* брались охотнее, чем металлические деньги, так что долгое время они циркулировали с премией в $\frac{1}{4}$ процента. При современном развитии торгового оборота даже золото

оказывается слишком тяжелым материалом для исполнения крупных платежей. Операции Лондонской расчетной палаты составляют в среднем до 200 миллионов рублей в день, каковая сумма в золоте весила бы 159 464 килограмма и потребовала бы для своей перевозки 80 лошадей. В серебре сумма эта весила бы 2 471 692 килограмма. Для перевозки или хранения не очень крупных сумм в монетах или слитках частные лица и даже банки прибегают обыкновенно к Банку Англии, чиновники которого обладают большим опытом в этом отношении и имеют в своем распоряжении все необходимые средства. Английский банковский билет весит не более $1\frac{1}{3}$ грамма, а 1 соверен — около 7,97 грамма, причем один билет может изображать собой 5, 10, 50, 1000 и 10 000 соверенов, видоизменяя только рисунок. Если бы необходимо было и для крупных сделок употреблять такое меновое средство, которое само по себе имеет ценность, то нам пришлось бы обратиться к драгоценным камням или такому металлу, который во много раз дороже золота. Но употребление условных денег до того распространено в странах с развитым торговым оборотом, что легкость металлических денег не имеет уже в настоящее время существенного значения: золото служит теперь в Англии только для размена банкнот, и даже для этой цели оно едва ли еще долго будет употребляться.

Есть еще одна, очень сильная побудительная причина, вызывающая употребление денежных знаков; она состоит в том, что замена дорогих металлов более дешевым материалом ведет к сбережению процентов

и капитала. Когда нация, в силу недостаточности общественных доходов, нуждается в средствах, тотчас является большое искушение смотреть на металлические деньги как на фонд, из которого государство имеет право время от времени делать заимствования для покрытия своих нужд. Древние греки знали это так же хорошо, как в настоящее время англичане, итальянцы и американцы. Дионисий заставлял сиракузцев принимать вместо серебряных монет оловянные, которые были вчетверо дешевле. В книге «Есопотиса», приписываемой Аристотелю, говорится, что афинянин Тимофей уговаривал купцов и солдат принять медные деньги вместо серебряных, обещая по окончании войны обменять их на серебряные. Клазоменцы выпустили денежные знаки с явной целью сберечь проценты. Действительно, не будучи в состоянии уплатить своим наемным солдатам 20 талантов, они вынуждены были платить в виде процентов 4 таланта в год; ввиду этого они решили выпустить 20 талантов железной монетой, которую граждане обязаны были принять взамен своих серебряных денег. Получив, таким образом, серебро, правительство тотчас уплатило долг, а ежегодный излишек в 4 таланта, который оно раньше употребляло на уплату процентов, дал ему теперь возможность в течение нескольких лет обменять денежные знаки на серебро. Аналогичный пример представляет постройка рынков на острове Гернси. Губернатор острова Даниэль Ле-Брок, желая построить в Сен-Пьере рынки, но не имея необходимых для этого денег, выпустил 4000 билетов по 1 фунту стерлингов, снабженных печатью острова, которыми и платил жа-

лованье рабочим. Когда рынки были готовы и получена была арендная плата, билеты были обменены на полученные деньги; таким образом, губернатор достиг своей цели, не затратив ни одной унции золота. Выгодность этой операции вполне ясна: выпущенные билеты вытеснили из обращения равноценное им количество золота, так что Даниэль Ле-Брок этим путем сделал принудительный заем из фонда металлических денег острова, не уплатив за него процентов. При всяком выпуске бумажных денег получается выигрыш процентов с той суммы, на которую их номинальная ценность превышает разменный золотой фонд. Английские банки, пользующиеся правом выпуска билетов, выигрывают таким путем проценты с 65 миллионов рублей, шотландские — с 25, ирландские — с 60 миллионов. Выпуск бумажных денег выгоден для всех заинтересованных лиц, если только он происходит на почве здоровых законов о банках.

ГЛАВА XI

Депозитные билеты

Прежде чем обратиться к установлению наилучшего способа регулирования выпуска билетов, необходимо исследовать, в чем одно обязательство может отличаться от другого. Как бы ни были ничтожны и тонки на первый взгляд найденные нами черты различия, они приведут нас к важным результатам. Лицо, выдающее билет или квитанцию, по предъявлении которой оно обязывается выпустить из склада определенное количество известного товара, может вступить в обязательство троякого рода:

1) оно может обещать держать данный товар до тех пор, пока его не потребует предъявитель квитанции;

2) оно может обязаться выдать по предъявлении квитанции определенное количество какого-либо товара, не делая никакого различия между одинаковыми количествами одного и того же товара;

3) оно может, наконец, обязаться выдать обозначенный товар, лишь только будет предъявлена квитанция, не обещая в то же время держать у себя постоянный запас этого товара.

Самая лучшая форма депозита — это накладная, закладное свидетельство, складочное свидетельство (*dock warrants*) или другого рода квитанция, удостоверяющая право собственности на определенный предмет. Накладная дает своему законному владельцу право на известные тюки товаров, обозначенные знаками, цифрами и т.п. Капитан парохода, подписыва-

вающий коносамент, обязан в сохранности держать те самые тюки, которые ему доверены, пока он не отдаст их на месте назначения предъявителю накладной. Равным образом, складочные свидетельства — это квитанции о получении известных товарных тюков, сложенных в складе; владелец складочного свидетельства, как таковой, имеет право на столько бочек вина, кип хлопчатой бумаги, бочек сахара и других обозначенных в нем товаров. Передача складочного свидетельства другому посредством жиро (передаточной надписи) или иным предписанным законом и обычаем способом рассматривается как передача права собственности на поименованные в нем товары. Самым существенным при таких записях является то, что они относятся только к действительно сложенным товарам, за исключением, конечно, явного обмана. Лицо, выдающее свидетельство, является просто хранителем склада, и так как отданные ему на хранение товары могут быть вытребованы у него во всякое время, то он ничего не может выпустить из своих рук, пока ему не было предъявлено соответственное свидетельство.

Теперь перейдем к тому случаю, когда лицо, выдающее квитанцию, обязывается держать на складе товары, равные по количеству и качеству обозначенным в документе, но не те именно кули, ящики и пр., которые были отданы в склад. Во многих случаях товары настолько однородны, что нет основания делать различие между тем или другим тюком и настаивать на возвращении той именно части, которая была сдана. Так, например, владелец железного склада в Глазго принимает большие количества железа с разными

марками и выдает складочные свидетельства, подтверждающие право собственности на них. Но так как разные количества железа одного сорта обладают одними и теми же свойствами, то вошло в обычай держать на складе не ту именно грудку железа, которая отмечена в той или другой квитанции, а некоторое количество железа каждого сорта, с тем расчетом, чтобы оно было эквивалентно общему количеству железа этого сорта, обозначенному во всех свидетельствах. В последнее время введена лучшая система: каждая специальная грудка железа отмечается особо, и ей соответствует особое количество. Новейшая система, в сущности, мало отличается от старой, но она имеет большое практическое значение, устраняя неопределенность в исполнении договора. Этот пункт часто дает повод к недоразумениям. Так, один ливерпульский торговец хлопчатой бумагой выдал ссуду под залог хлопчатой бумаги, и суду предстояло потом решить, взял ли он в залог определенные тюки бумаги, обязавшись держать их до тех пор, пока ссуда будет возвращена, или же он только обязался иметь у себя равное количество бумаги того же сорта. Некоторые общества, занимающиеся перевозкой и хранением товаров, иногда не делают различия между разными пакетами одного рода. Если им приходится долгое время возить или хранить один и тот же сорт какого-либо товара, например, муку из одной мельницы, каменный уголь из одной шахты, то случается нередко, что они, выдавая требуемое количество товара, мало заботятся о том, та ли это именно часть, которая обозначена в квитанции.

Указанное обстоятельство имеет громадное значение. Лицо, давшее письменное *специальное* обещание выдать известные, точно обозначенные тюки товаров по предъявлении определенных бумаг, не может выдавать новые обязательства, не имея в своем распоряжении соответствующего каждому из них количества товаров. В противном случае, т.е. если оно выпустит свидетельства, не имея соответственного запаса товаров, оно во всякое время может быть уличено в обмане или нарушении обещания. Если же складочные свидетельства имеют *общий* характер, то каждое из них может быть погашено посредством выдачи некоторого количества товаров известного рода; в этом случае для раскрытия обмана должны быть представлены все (или большая часть) свидетельства одновременно. Тут, следовательно, возможен выпуск бумаг, основанный на чистой спекуляции. Если владелец склада заметит, что в его руках всегда остается большое количество сложенных товаров, то он найдет возможным пустить их в дело, оставляя на складе лишь столько, сколько необходимо для текущих надобностей. Это не причинит никакого вреда, если он в точности будет исполнять данные им обещания; но опыт показывает, что всегда находятся лица, не умеющие при данных условиях соблюсти те меры предосторожности, которые необходимы для исполнения всех обязательств. Далее, с помощью общих свидетельств можно создать искусственное предложение товара, т.е. вызвать у людей веру, что запас существует, тогда как в действительности его нет. Владелец складочного свидетельства смотрит на этот документ,

как на эквивалент обозначенных в нем товаров. Стоит только отпечатать некоторое количество бланков, выполнить и подписать их, чтобы тотчас оказаться в состоянии предложить на рынке соответствующее количество товаров. Правда, выпуск таких обязательств предполагает их выполнение в будущем; но будущее покрыто мраком неизвестности, и эмитционер может рассчитывать, что, прежде чем у него потребуют исполнения обязательства, цена товара упадет. Если бы, например, были выпущены в неограниченном количестве квитанции на железо (не соображаясь с имеющимся в действительности запасом железа), то несколько бессовестных спекулянтов, соединившись между собою, могли бы получить большой барыш, продавая железо с условием доставки в будущем. Вызвав внезапно сильное понижение цен на железо, они по пониженным ценам скупили бы такое количество его, какое им необходимо на случай предъявления всех квитанций. Такого рода спекуляции на понижение неоднократно кончались весьма успешно. Так, одно время пытались подобными операциями вызвать падение акций некоторых лондонских банков. Несколько спекулянтов, сговорившись, стали предлагать к продаже громадные количества этих акций, не имея в действительности ни одной, с условием доставить их в будущем, надеясь внезапным массовым предложением акций нанести такой ущерб репутации банков, чтобы акции их стали падать, и рассчитывая тогда купить столько, сколько им необходимо для исполнения их обязательств. Такого рода возмутительной спекуляции положен был конец парламентским

актом 1867 года, в силу которого продавец банковских акций должен подробно обозначить номера продаваемых им на срок акций или сообщить имена их собственников.

Против этого закона возражали, что всем людям принадлежит право давать какие им угодно обещания, если они ожидают от этого для себя выгоду. Всякий может акцептировать вексель и тем обязаться к известному дню заплатить определенную сумму денег. На практике люди действительно сплошь и рядом берут на себя обязательства по доставке к известному сроку каких-либо ценных бумаг, хлопчатой бумаги или хлеба (последний, когда он еще в пути или не снят с поля) с тем, чтобы они были получены до истечения срока. Но нельзя забывать, что все законы и общественные учреждения имеют своей главной целью высшее благополучие большинства. Если закон признает за всяким право делать какие угодно обещания, то это может иметь место только при том предположении, что право это полезно для общества. Если же, напротив, опыт показывает, что свобода давать какие угодно обещания способствует развитию незаконной спекуляции или вообще приносит обществу больше вреда, чем пользы, то закон должен ограничить эту свободу, поскольку это необходимо для общественной пользы. Следовало бы установить общее правило, что всякие сделки с несуществующими ценностями недействительны.

Применив все вышеизложенное к деньгам, мы прежде всего найдем, что денежные обязательства все почти имеют общий характер. Лицо, обязывающееся

в определенный день уплатить известную сумму денег, редко обозначает, в каких именно монетах оно произведет платеж, да и по закону всякий надлежаще отчеканенный и полновесный соверен, шиллинг и пенни могут служить для исполнения денежного обязательства. Надо, однако, заметить, что подобно тому, как в лондонских доках складываются бочки вина, так в подвалах Банка Англии складываются на хранение ящики с золотыми и серебряными слитками; почти всё золото и серебро, в какой бы порт королевства оно ни прибыло, отправляется в Банк Англии, который для благородных металлов играет роль товарного склада и выдает хранящиеся у него ящики по предъявлению накладной. Эти накладные суть специальные свидетельства, но могут переходить из рук в руки посредством передаточной надписи.

Билет Банка Англии представляет для банковских чиновников и обязательство, и накладную, но в нем не указывается, какой именно мешок или ящик с деньгами должен быть выдан. Подобным же образом и все почти другие денежные обязательства являются *общими* обязательствами. Банкир не мог бы получить ни гроша прибыли, если бы он должен был хранить у себя уплаченные ему каким-либо клиентом соверены до тех пор, пока этот последний не предъявит ему чека на них, да банкиру и надобности нет обязываться хранить у себя данные, врученные ему соверены. В коммерческом мире никто и не претендует на подобные специальные договоры. В отдельных случаях возникали, однако, по этому поводу недоразумения. Одна старая женщина накопила целую массу четырехпен-

совых монет и завещала их своему родственнику. Последний не прочь был, из уважения к памяти покойной, сохранить эти монеты, но хотел вместе с тем реализовать их ценность, так как ему нужны были наличные деньги; для достижения обеих этих целей он заложил монеты. Залогоприниматель охотно принял их, но через некоторое время он, по забывчивости, нуждаясь в мелких деньгах, спустил их. Когда ему предъявили закладное свидетельство, то он заявил, что может исполнить свое обязательство посредством уплаты равноценной суммы соверенами и шиллингами. Очевидно, что мы тут имеем дело со специальным обязательством.

Если бы денежные обязательства всегда были специального характера, то не представляло бы никакой опасности объявить полную свободу выпуска денежных билетов. Эмиссионер являлся бы просто хранителем металла и был бы обязан во всякое время иметь наготове определенные кучи монет, чтобы быть в состоянии удовлетворить требования предъявителей билетов, относящихся к данным кучам денег. На практике это, однако, не имеет места, вследствие чего весьма часто выпускается слишком много билетов. Результат бывает весьма плачевный: излишнее предложение так же точно сбивает цену денег, как и цену железа и других товаров. Разница только в том, что денежный рынок обнимает почти весь мир, так что для того, чтобы оказать заметное влияние на цену денег, необходимо, чтобы целая масса коммерсантов и торговых обществ, ввиду личного интереса, выпустила излишнее количество билетов. Другая разница состо-

ит в том, что так как золото само служит всеобщим мериллом ценности, то повышение или понижение его цены может проявляться только в среднем повышении или понижении цен других товаров.

Законы металлического обращения применимы *mutatis mutandis*³ и к смешанному обращению, состоящему из бумажных и металлических денег. Привычка оказывает на употребление условных денег не менее могучее влияние, чем на употребление металлических. Большинство людей, привыкших с давних времен употреблять для своих платежей известные куски бумаги, не претерпевая при этом никаких потерь, будут и впредь склонны смотреть на них, как на хорошие деньги, пока их доверие не будет подорвано каким-нибудь внезапным событием. Может даже случиться, что грязный кусок бумаги, содержащий обязательство уплатить один соверен, будет на практике предпочитаться красивым золотым монетам, которые он собой изображает. Красноречивым подтверждением этого может служить шотландское орудие обращения; аналогичный случай мы находим и в Норвегии, где до 1874 года золота вовсе не было в обращении и большую часть циркулирующих денег составляли билеты в 1, 5 и 10 талеров.

Но есть один в высшей степени важный пункт, в котором бумажные деньги отличаются от металлических: они не имеют хода вне той страны, в которой они признаны законом или обычаем как платежное сред-

---

³ С необходимыми изменениями, поправками (*лат.*).

ство. Правда, билеты Банка Англии переходят и за границу, где они без труда обмениваются на туземные деньги; но они не входят в обращение, а рассматриваются просто как векселя на Лондон, вполне пригодные для перевода денег в Англию. Эти банкноты не *погашают* долга Англии другим странам, но, скорее, *создают* такой долг, так как английский банковский билет, находясь в руках парижского банкира, дает ему право требовать денег у Банка Англии. Только металлические деньги могут быть посланы за границу иностранным купцам в уплату долга. Поэтому бумажные деньги обладают таким же свойством, как легкие, плохие металлические деньги, — вытеснять из страны хорошие деньги. Это всегда обнаруживалось там, где выпускались неразменные билеты. Если, как это обыкновенно бывает, билетов выпускается очень много, то металлические деньги уходят за границу, так как тогда металл в деньгах дешевле этого же металла в слитках. Но лишь только монета ушла, тотчас ощущается в ней нужда для заграничных платежей, вследствие чего бумажные деньги неизбежно упадут ниже той ценности металлических денег, которой они номинально должны соответствовать. Тогда многие, надеясь на барыш, начинают копить у себя всякие монеты, которые попадут им в руки, так что через короткое время остаются в обращении одни лишь бумажные деньги. Это свойство бумажных денег — вытеснять из страны или из обращения звонкую монету — наблюдалось в эпоху французских ассигнаций, в период времени 1797—1819 годов, когда Английский Банк приостановил платежи, и, наконец, во

Глава XI

время Американской междоусобной войны. Но самый поразительный пример представляет Италия, где в 1862–1865 годах было отчеканено большое количество золотых и серебряных монет, которые, однако, моментально целиком почти исчезли из обращения, лишь только был установлен принудительный курс на бумажные деньги.

ГЛАВА XII

Способы регулирования бумажного обращения

Мы теперь достаточно подготовлены к рассмотрению различных способов обеспечения выпуска бумажных денег. Это один из труднейших вопросов финансовой науки. Держась чисто фактической почвы, мы, может быть, уясним себе этот вопрос, освободив его от внутренних противоречий.

Государство может либо взять выпуск условных денег в собственные руки, как оно это делает с чеканкой монет, либо предоставить его частным лицам или обществам под условием строгого контроля со стороны государства. Ниже мы увидим, какая из этих двух систем выгоднее; а теперь рассмотрим те различные способы, коими регулируется выпуск бумажных денег, — все равно, государственных или частных, — и гарантируется исполнение обязательств.

1) *Простой депозитный способ.* Эмитент обязывается иметь у себя постоянный запас металлических денег или слитков, равноценный всей сумме непогашенных билетов. Выдача платежа по какому-либо билету вызывает уменьшение резерва.

2) *Частичное покрытие.* Вместо того, чтобы держать запас благородных металлов, равный всей сумме выпущенных билетов, эмитенту может быть дозволено покрыть определенную часть выпуска государственной рентой или другими вполне надежными бумагами.

3) *Минимальное покрытие.* Эмитент обязан постоянно иметь у себя в металлических монетах или в слитках определенную минимальную сумму.

4) *Пропорциональное покрытие.* Резерв находится в определенном отношении к сумме выпущенных билетов, составляя треть или четверть ее.

5) *Фиксированное максимальное покрытие.* Выпускаемые билеты не должны превышать известного максимума; нарушение этого правила влечет за собой штраф.

6) *Выпуск с эластичными пределами.* Для выпускаемых билетов предписывается, как и в предыдущем случае, определенный максимум, но штраф за нарушение этого правила до того незначителен, что эмитент при известных обстоятельствах может скорее предпочесть уплатить штраф, чем ограничить выпуск.

7) *Бумажное покрытие.* Резерв ценностей, который должен иметь у себя эмитент, может состоять не только из золота и серебра, но и из государственной ренты, государственных бумаг, акций и других ценных бумаг.

8) *Покрытие реальным имуществом.* Эмитенту предоставляется право иметь в качестве резерва для погашения своих обязательств не только бумаги, но и реальное имущество, как, например, дома, земли, корабли и пр.

9) *Выпуск, ограниченный курсом.* Крупный банк уполномочивается выпускать разменные билеты, но обязывается тотчас прекратить выпуск, лишь только курс окажется неблагоприятным для страны и, следовательно, выгодно будет вывозить металлические деньги за границу.

10) *Вполне свободный выпуск*. Выпуск билетов предоставляется свободному соперничеству частных лиц, с устранением всяких ограничений и предписаний, кроме относящихся ко всем вообще договорам и обязательствам.

11) *Выпуск al pari*⁴. *Бумажные деньги выпускаются в форме банковских билетов, но не размениваются на металлические. Так как, однако, пока существует лаж на золото, выпуск ограничен, то такие бумажные деньги могут сохранить одинаковую ценность с металлическими деньгами, которые они номинально изображают.*

12) *Бумажные деньги, применяемые к уплате податей*. Неразменные бумажные деньги выпускаются в неограниченном количестве, но государство старается держать их al pari, обязываясь принимать их в уплату налогов наравне с металлическими.

13) *Деньги с отсроченным разменом*. Билеты выпускаются с обещанием разменять их в будущем, и момент обмена или определяется вполне точно, или ставится в зависимость от каких-либо событий.

14) *Бумажные деньги в собственном смысле*. Эмитенты бумажных денег совершенно свободны от исполнения своих обязательств, так что билеты остаются в обращении только в силу привычки, предписания правительства или отсутствия другого менового средства.

Хотя здесь перечислены 14 различных способов выпуска бумажных денег, однако время от времени

---

⁴ Наравне, на уровне (лат.). Здесь: по номиналу.

могут появляться и другие. Существует бесчисленное множество средств, коими можно обеспечить исполнение обещания или сделать это исполнение ненужным; кроме того, перечисленные нами способы можно различным образом между собой комбинировать; так, например, можно установить, чтобы резерв состоял частью из металлических денег и частью из закладных свидетельств или реального имущества. Далее, банкиру может быть дано право выпустить билеты без всякого резерва на определенную сумму, с обязательством дальнейшие выпуски покрывать наличными деньгами. Мы зашли бы слишком далеко, если бы подробно останавливались на всех этих способах, их преимуществах и достоинствах и на том, как они в разные времена и в разных местах комбинировались между собой и выполнялись на практике. Ограничимся поэтому лишь кратким обзором этого обширного вопроса.

Прекрасный пример *просто депозитного способа* представляют старинные депозитные банки итальянских торговых республик, банки в Амстердаме и Гамбурге и лондонская гильдия золотых дел мастеров, поскольку последние ограничивались приемом денег на хранение. Билеты, выпущенные по этой системе, в сущности ничем не отличаются от складочных или закладочных свидетельств. Исполнение обязательства здесь обеспечивается постольку, поскольку это в состоянии сделать закон. Количество таких билетов будет всегда в полном соответствии с количеством имеющихся в наличности металлических денег; нечего опасаться, что они вытеснят металлические деньги,

так как на каждый находящийся в обращении билет имеется соответствующее количество металла в подвалах или кассах эмитента.

Эта система не приносит больших выгод; они ограничиваются тем, что уменьшается стираемость монет и устраняются трата труда и риск, с которыми сопряжены перевозка и подсчет металлических денег. Общество теряет проценты на всю резервную сумму, и эта потеря составляет большую часть того, во что обществу обходится употребление менового средства с внутренней ценностью. Может случиться также, что в руках отдельных лиц монеты безопаснее, чем в банке; капитал, лежащий как будто бы без пользы, служит нередко большим искушением для монархов, как это было, например, с Карлом I в Англии. Когда в 1795 году французы завоевали Голландию, то оказалось, что большей части наличных денег, которые должны были лежать в подвалах Амстердамского банка, в действительности не существовало, так как они были выданы без ведома вкладчиков Ост-Индскому обществу и городскому управлению. Во многих случаях правительство вынуждало банки предоставить в свое распоряжение их резервы, за что государство освобождало их от обязательства разменивать банкноты на наличные деньги.

С *частичным покрытием* организован был выпуск билетов Банка Англии на основании акта 1844 года. За каждый новый билет, выпущенный эмиссионным отделением Банка Англии, оно должно было положить 39,934 грамма золота. Общая сумма сложенного в подвалах банка золота была, однако, на 15 миллионов фунтов стерлингов меньше общей суммы выпущен-

ных банкнот, и разница эта, оставаясь неизменной, покрывалась вполне надежными ценными бумагами, а также теми 11 миллионами, которые банк выдал в беспроцентную ссуду правительству. Такое устройство обеспечивает все выгоды простой депозитной системы, и в то же время общество выигрывает проценты на сумму не менее 445 000 фунтов стерлингов в год, в том числе правительство получает не менее 188 000. Договор, заключенный между правительством и банком, состоит в существенных чертах в том, что правительство берет у банка большую часть 15-миллионного резерва и за то разрешает ему употребить остаток для покрытия расходов по печатанию билетов и урегулированию их обращения.

Размен банковских билетов может быть гарантирован еще тем, что эмитент обязывается *не спустать* своего металлического резерва *ниже определенной суммы*. Предложить такого рода гарантию — все равно, что посоветовать кому-либо, во избежание нужды в деньгах, всегда оставлять в кармане рубль. То обстоятельство, что минимальная сумма должна всегда быть в подвалах налично, делает ее до некоторой степени бесполезной, так как она не может быть употреблена на удовлетворение предъявителей билетов. Минимальный резерв может иметь смысл лишь в том случае, если законодательная власть или правительство оставляют за собой право приостановить действие закона в эпоху денежных кризисов, когда банки осаждаются требованиями денег.

Эмитенты оплачиваемых по предъявлению билетов могут обязаться держать резерв, находящийся

в известном отношении к выпущенным билетам, например, чтобы он составлял четверть всей их суммы. По этой или подобной системе был организован выпуск билетов в Соединенных Штатах. Это, без сомнения, лучше, чем полагаться на умеренность, осторожность и честность эмитента. Лишь только банкир заметит, что резерв дошел почти до узаконенного предела, он будет действовать с большей осторожностью, чтобы не нарушить закона. Если, вследствие неблагоприятных условий торговли и кредита, внезапно предъявлено будет большое количество банкнот, то запас узаконенных платежных средств будет уменьшаться быстрее, чем сумма обращающихся билетов, по той простой причине, что последняя с самого начала превышала резерв. Если, например, выпущено билетов на 10 000 долларов, а резерв составляет 40 000, то, по предъявлении билетов на 20 000 долларов, первая сумма упадет до 80 000, а вторая до 20 000; если по закону резерв должен составлять не меньше четверти суммы обязательств, то нужно приостановить размен билетов. С того момента, как резерв дошел до своего узаконенного минимума, банкир не может им больше пользоваться иначе, как только нарушив закон; тем не менее можно сказать, что закон бесполезен, за исключением того случая, когда он не соблюдается. На практике система эта сводится к способу минимального резерва, описанному выше. Именно тогда, когда банкир больше всего нуждается в деньгах, он не может затронуть своего резерва; вследствие этого во время денежного кризиса 1873 года в Соединенных Штатах произошел застой в обращении, давший себя

сильно чувствовать торговым людям. Этот способ имеет еще и то неудобство, что он мало или вовсе не устраняет побуждения к большому выпуску. Каждый вновь выпущенный билет представляет большей частью своей ценности бесплатное увеличение капитала банка и приносит проценты, пока билет этот остается в обращении.

Способ максимального покрытия, по которому одному или нескольким банкам разрешается выпуск билетов на определенную сумму, но никак не больше, нисколько не противоречит принципам политической экономии. Таким путем не только сберегаются проценты на известную часть средств обращения, но и создаются удобные и не стирающиеся деньги. При огромном выпуске билеты вытесняют только часть металлических денег. Могут возразить, что ограничение произвольно и что наличных средств обращения быть может недостаточно; но ведь публике предоставляется полная свобода — употреблять металлические деньги вместо бумажных. Ограничение касается не всей массы циркулирующих денег, а лишь части ее — бумажных денег, и если оно уменьшает сбережение процентов, которое имело бы место при неограниченном выпуске билетов, то эта потеря возмещается тем, что устраняется опасность, которой всегда сопровождается воображаемый излишек золота. Образчик этой системы представляют те 170 английских банков, которые еще пользуются правом выпускать билеты. По предложению Роберта Пиля было постановлено парламентским актом 1844 года, что банкам этим, какой бы у них ни был резерв, разрешается

впредь выпускать столько билетов, сколько они в среднем выпускали в последние 12 недель до 27 апреля. Если же какой-либо банк переступит эту границу, то он уплачивает денежный штраф, равный среднему месячному излишку.

По способу эластичных пределов организован выпуск банковских билетов в Германии. Имперский банк, а также государственные и частные банки, удовлетворяющие известным требованиям закона, имеют право выпуска билетов без обеспечения золотым резервом на сумму 385 миллионов марок. Сверх этой нормы они могут выпускать билеты лишь под условием обеспечения равноценным количеством золота; это, следовательно, не что иное, как частичное покрытие выпуска. Но, с другой стороны, закон разрешает в некоторых случаях переступить дозволенный предел, с тем, чтобы за все выпущенные сверх нормы билеты был уплачен налог в размере 5 процентов. Таким путем публика гарантирована от слишком большого выпуска билетов, но зато и выгоды, вытекающие из всякого выпуска, сделались проблематичными. Эта система, однако, все же лучше английской. В Германии закон устанавливает разные нормы выпуска соответственно обстоятельствам, т.е. делает норму эластичной и, таким образом, предотвращает опасность денежных кризисов.

Для обеспечения размена правительство может обязать эмиссионные банки держать у себя в качестве резерва определенное количество государственных бумаг или надежных торговых векселей. При таком условии представляется невозможным, чтобы билеты

в конце концов не были разменены. Но не нужно забывать, что банковский билет заключает в себе обязательство выдать *по предъявлению* известное количество золота или узаконенного металлического платежного средства, а «разменять билет в конце концов» не то же самое, что оплатить его немедленно. При бумажном резерве возможность крупных платежей зависит от продажи ценных бумаг за металлические деньги; но дело в том, что билеты предъявляются к размену как раз тогда, когда ощущается недостаток в металлических деньгах. Конечно, за государственные бумаги и надежные векселя можно во всякое время получить наличные деньги, так что банк с таким бумажным резервом всегда обладает платежеспособностью. Но лекарство опаснее для общества, чем сама болезнь, которую оно должно исцелить: внезапная продажа резерва по какой угодно низкой цене может вызвать такое потрясение денежного рынка, которое причинит больше вреда, чем прекращение размена билетов. Свободный размен предполагает соответственный запас золота и серебра, и раз в стране нет достаточного количества благородных металлов, то запас этот не может быть возмещен ни какими бы то ни было бумагами, ни обязательством уплатить к определенному сроку.

Часто утверждали, что для обеспечения размена билетов нет необходимости ограничиваться только золотом, что резерв может состоять и из земель, домов, и *недвижимого имущества* вообще. На этом был основан известный план Джона Ло. В своем знаменитом сочинении «Рассуждение о деньгах и торговле с

проектом, касающимся снабжения народа деньгами», напечатанном в 1705 году, он предлагает назначить комиссию для печатания билетов, которые «принимались бы для платежей везде, где их предлагают», т.е. служили бы узаконенным платежным средством. Он излагает разные способы, которыми такие билеты могут быть обеспечены землей; по его мнению, проще всего распределить их за обычный процент между поземельными собственниками с таким расчетом, чтобы сумма билетов составляла половину или $\frac{2}{3}$ стоимости земель. Падение цены билетов он думает предотвратить тем, что все цены будут выражены в серебре. Ассигнации французского правительства времен революции представляли собой известные участки земель, конфискованных у духовенства. Государственные кассы должны были выдавать за них наличные деньги, если бы земли скупались; но так как цена земли не была установлена и, следовательно, не существовало определенного отношения между ценностью земли и ценностью бумаг, то даже наличность громадных пространств земли не могла помешать постепенному падению цены ассигнаций до $\frac{1}{200}$ их первоначальной ценности. Такой же характер имели билеты, выпущенные Фридрихом Великим для пополнения своей истощенной войнами казны; но они приносили проценты. Земля, без сомнения, представляет одно из лучших обеспечений долга, если деньги даны на долгий срок. Но так как в случае внезапной нужды в деньгах землю труднее всего обратить в деньги, а банковские билеты по существу своему подлежат размену во всякое время, то ясно, что резерв

из недвижимого имущества еще менее целесообразен, чем из билетов государственного казначейства или надежных государственных фондов. В защиту бумажных денег, основанных на ипотечном резерве, приводят обыкновенно тот довод, что таким путем значительно увеличивается количество орудий обращения, а с тем вместе и народное богатство. Нетрудно, однако, доказать, что увеличение количества циркулирующих денег повлечет за собой их обесценение. В самом деле, для данной ступени развития торговли и промышленности необходимо определенное количество циркулирующих денег, и если бы банковские билеты действительно разменивались на известное количество земли или каких-либо других материальных предметов, то в конце концов был бы, без сомнения, предъявлен к размену весь излишек билетов, превышающий действительную потребность в них. Допустить же, что меновое средство какой-либо страны действительно может подобным образом обмениваться на землю, очевидно, было бы нелепо.

В начале текущего столетия банкиры склонялись к тому мнению, что бумажные деньги необходимо регулировать соответственно состоянию в данный момент иностранного *вексельного курса*, притом так, чтобы выпуск бумажных денег ограничивался всякий раз, как низкий курс и вывоз звонкой монеты возвестят падение бумажных денег. Регулировать соответственно вексельному курсу, конечно, лучше, чем не регулировать вовсе; но если бы даже и удалось привести в исполнение это средство, то получились бы те же результаты, как при депозитном способе.

В Англии и Америке существует экономическая школа, считающая целесообразным разрешить всякому выпускать такое количество разменных билетов, какое только может разойтись. Она называет это *свободной банковской системой*. При свободном выпуске бумажных денег закон, правда, обязывает банки разменивать выпущенные ими билеты, но им вместе с тем предоставляется право держать у себя такой резерв звонкой монеты, какой они сами считают нужным. С абстрактной точки зрения можно, конечно, ожидать, что выпущенные по этой системе билеты будут размениваться; но ввиду сильных колебаний торгового оборота, которые с каждым днем становятся не реже, а чаще и интенсивнее, банки периодически осаждаются требованиями размена билетов, и опыт показал, что всегда найдется несколько банков, которые слишком верят в свою звезду и ведут свои дела не с такой осторожностью, чтобы быть в состоянии исполнять свои обязательства и в периоды кризисов.

Когда выпуск неразменных бумажных денег находится всецело в руках правительства, то можно избежать многих темных сторон этой системы, приостанавливая дальнейший выпуск или изымая из обращения часть старых денег всякий раз, когда цена золота в сравнении с бумажками становится выше *pari* (номинала). Пока неразменные билеты стоят на такой же высоте, как изображаемые ими золотые монеты, они так же хороши, как разменные. Со времени последней войны этот принцип применялся французским банком с полным успехом, как видно из того, что, несмотря на политические и финансовые зловключения Фран-

ции, неразменные билеты никогда не спускались ниже *pari* более чем на $\frac{1}{2}$ или 1 процент. За этим единственным исключением, едва ли можно указать много таких случаев, когда неразменные бумажные деньги не претерпевали значительного обесценения. Во время прекращения платежей звонкой монетой в Англии лаж на золото дошел до 25 процентов, что, однако, не помешало Фоксу, Ванситарту и другим выдающимся людям того времени смеяться над теми, кто утверждал, что бумажные деньги обесценены. Это показывает, что в денежных вопросах не должно полагаться на суждения отдельных лиц.

Правительства нередко пытались поддерживать ценность бумажных денег *al pari*, объявив, что они принимаются в уплату податей, и сделав их, таким образом, единственным платежным средством для таких целей. Когда русское правительство выпустило ассигнации, оно и само принимало их по определенному курсу вместо медных монет и даже требовало, чтобы при платежах в государственную кассу, по крайней мере, двадцатая часть уплачивалась ассигнациями. Французские ассигнации эпохи революции также принимались в государственных кассах. Этот способ предохранения бумажных денег от обесценения можно рекомендовать только при следующих двух условиях: 1) подати и всякие другие денежные требования государственных касс должны определяться раз навсегда установленным тарифом, и 2) должно быть выпущено такое количество билетов, чтобы всякий, желая реализовать металлическую ценность имеющихся у него билетов, мог без труда найти человека,

которому как раз нужно уплатить подати и который, следовательно, не прочь был бы отдать звонкую монету взамен билетов. Но маловероятно, чтобы оба эти условия всегда имелись налицо. В Америке бумажные деньги принимались в уплату штемпельного сбора, а также служили до определенной суммы узаконенным платежным средством для всякого рода налогов и пошлин, за исключением таможенных. То обстоятельство, что таким путем извлекается из обращения некоторое количество билетов, не служит, однако, препятствием к их обесценению, раз они вскоре снова пускаются в оборот или, для удовлетворения настоятельных потребностей правительства, выпускаются даже новые билеты.

Во время войны или восстания часто нет иного средства достать денег, как выпустить билеты с обещанием разменять их после успешного окончания войны или когда положение будет достаточно обеспечено. Если при этом обещаны также и проценты за все время до размена, то такие билеты представляют собой скорее процентные бумаги. Такого рода билеты выпущены были, например, Кошутом в Нью-Йорке, причем размен их должен был произойти после установления независимого венгерского правительства. Подобные же билеты выпущены были и известным Уолкером, временным президентом республики Никарагуа. Лучший пример бумажных денег с отсроченным разменом представляют билеты, выпущенные казначейством союзных южных штатов Северной Америки; часть этих билетов подлежала уплате через 6 месяцев после заключения мира с северными шта-

тами, а другая часть — через 2 года по окончании войны. Все подобные бумаги можно рассматривать как малонадежные векселя на большой срок. Благодаря народному патриотизму, они входят в обращение и, за неимением других денег, остаются в силе долго; но их ценность подвержена сильным колебаниям. Бывали, впрочем, примеры, когда такие бумаги в конце концов разменены были на металлические деньги.

Мы подошли, наконец, к *бумажным деньгам в собственном смысле*, которые выпускаются правительством с тем, чтобы они служили узаконенным платежным средством. Подобные неразменные бумаги пускаются в обращение как разменные или вместо таковых, и номинальная ценность их выражается в звонкой монете. На французских 100-франковых мандатах, например, фигурировала следующая надпись: «*Vou pour cent francs*» («Добрые 100 франков»). На жалких бумажках, циркулировавших в Буэнос-Айресе, значилось: «*Un Peso, Moneda Corriente*» («Песо, ходячая монета»); эта надпись напоминает то время, когда песо еще был нормальной металлической монетой. Хотя обещание размена представляется проблематичным, бумажные деньги тем не менее остаются в обращении отчасти потому, что нельзя ведь обойтись без орудия обращения, а металлических денег нет; если звонкая монета и имеется в небольшом количестве, то она извлекается из обращения частными лицами либо в видах заработка, либо для будущего употребления. Опыт, впрочем, показал, что неразменные бумажные деньги могут при некоторых обстоятельствах сохранить свою полную ценность, если ограничить их выпуск. Так, например, би-

леты Английского банка стояли *al pari* долго спустя после прекращения размена.

Главнейшие возражения против неразменных бумажных денег сводятся к следующему:

- 1) слишком велико искушение выпускать их в чрезмерном количестве, а это ведет к их обесценению;
- 2) нет никакой возможности поставить размер выпуска в соответствии с потребностями торгового оборота.

Почти всегда, с прекращением размена, бумажные деньги начинают выпускаться в невероятных количествах. За исключением некоторых британских колоний, нет почти ни одного цивилизованного народа, который бы не испытал на себе прелестей бумажных денег. В России больше ста лет обращаются обесцененные бумажные деньги; несмотря на разные попытки ограничить выпуск кредитных билетов, почти каждая война неминуемо вела к их увеличению. Италия, Австрия, Соединенные Штаты — все издавали прелести бумажных денег. История Новой Англии и некоторых штатов Северной Америки богата примерами чрезмерных выпусков бумажных денег и того вреда, который вытекает из этого для общества. Один из выдающихся государственных людей, Вебстер, выразился об этом так: «Мы пострадали от бумажных денег больше, чем можно пострадать от любого общественного бедствия. Они погубили больше людей, оказали более печальное действие на важнейшие интересы нашей страны и сделали больше несправедливостей, чем оружие неприятелей».

Бумажные деньги нередко рекомендуются, как удобное средство произвести принудительный внут-

ренный заем, когда правительство находится в таком безвыходном положении, что оно никак не может достать денег. Конечно, таким путем очень легко взять у народа средства и с их помощью значительно уменьшить обязательства правительства; но не следует забывать, что вместе с тем всякий частный должник взимает известный принудительный налог со своего кредитора. Положение правительства должно быть поистине печальным, если оно решается таким путем обратить в ничто все договоры и общественные отношения, которые оно призвано охранять.

Бумажные деньги имеют еще тот недостаток, что они не могут в достаточной степени приторавливаться к потребностям торгового оборота. Их нельзя, подобно металлическим деньгам, ввозить и вывозить, и, за исключением правительства или уполномоченных правительством банков, никто не имеет права ни выпускать их в обращение, ни извлекать из него. Если в торговле внезапно произойдет крупное оживление, то только правительство может увеличить количество необходимых средств обращения, а если оно это сделало и оживление прошло, то циркулирующие деньги, будучи в избытке, падают в цене. Но и наилучшим образом осведомленное правительство не может определить, когда именно будет ощущаться нужда в орудиях обращения; вследствие этого, деньги, как и всякий товар, должны быть предоставлены свободному действию законов спроса и предложения.

Говорят также, что польза бумажных денег заключается в том, что они не могут быть вывезены из страны и на них не оказывает влияния внешняя торговля.

Способы регулирования бумажного обращения

Но при этом забывают, что если внутреннюю торговлю совершенно отделить от внешней, то последняя неминуемо погибнет. Когда два народа торгуют между собой, то благородные металлы всегда являются единственным платежным средством, при помощи которого выравниваются их взаимные долги. Купца, заказывающего, покупающего или продающего товары, интересует поэтому не цена бумажных денег, а цена золота или серебра; словом, настоящим мерилom ценностей товаров остаются золото и серебро, а бумажные деньги со своей колеблющейся ценностью составляют только добавочное мерило, вносящее неимоверную путаницу в торговые отношения.

ГЛАВА XIII

Кредитные знаки

Правильное понимание природы денег часто затемняется тем, что на кредит смотрят как на заместителя денег, и стоит только отпечатать достаточное количество векселей и обязательств, чтобы иметь столько денег, сколько нужно. Кредит, говорят, увеличивает собственность и вообще творит чудеса. В действительности же кредит — это не что иное, как отсрочка платежа. Я получаю кредит, если мой кредитор согласен, чтобы я заплатил ему, положим, через месяц тот долг, уплату которого он может требовать у меня тотчас; я даю кредит, если я таким же путем позволяю моему должнику отсрочить уплату долга до определенного дня. Кредит, следовательно, «предполагает ожидание денег в течение определенного времени» (Локк). Долг может состоять из любого товара; в договоре может быть оговорено, что долг уплачивается рожью, железом, маслом, хлопчатой бумагой или каким-либо другим товаром; но если такой оговорки нет, то подразумевается, что долг уплачивается законным платежным средством. Для точного вычисления кредита и для определения ценности долга необходимо обратить внимание на следующие моменты:

- 1) сумму полученных денег,
- 2) время, которое, вероятно, пройдет до уплаты,
- 3) вероятность, что долг тогда будет уплачен,
- 4) высоту учетного процента в данный период и
- 5) законные обязательства, с которыми связана кредитная сделка.

Вот некоторые важнейшие формы кредита.

Банковский билет (банкнота) — это такая бумага, которая обязывает эмитента (банк) уплатить предъявителю обозначенную в ней сумму. Билет может передаваться из рук в руки, так что собственником его считается тот, кто законным образом им владеет, и, как таковой, он может требовать исполнения обязательства, а банк не имеет права доискиваться, каким путем билет попал в руки предъявителя. Если банк не в состоянии уплатить деньги за билет, то из этого не возникает никаких обязательственных отношений между лицами, в руках которых билет находился раньше, так что банкнота погашает долги и уничтожает обязательства точно так же, как металлические деньги. Необходимо заметить, что оплачиваемая по предъявлению банкнота не приносит процентов и никогда не продается ниже своей номинальной ценности, за исключением только тех случаев, когда размен не вполне обеспечен. Владелец банковских билетов, как и владелец металлических денег, держит их у себя лишь до тех пор, пока ему не предстоят закупки товаров. Поэтому, кто имеет больше билетов, чем ему нужно на ближайшие две-три недели, тот отдает их в банк, где они не только более обеспечены, чем у него, но и приносят проценты. Этим объясняется, что банкноты циркулируют вполне как монеты, и никто не держит их у себя в большем количестве, чем это необходимо для обычных покупок.

Чек — это обращенное к банку письменное требование уплатить предъявителю определенную сумму денег. Как и банкнота, чек не приносит процентов, может передаваться другим без всяких формальнос-

тей, так что владелец его есть и его собственник. Если не возникло никаких сомнений относительно кредитоспособности лица, выдавшего чек, и банка, на который он выдан, то на первый взгляд нет причины, почему бы чек менее годился для роли условных денег, чем банкнота, если не считать того, что он редко выдается на круглые суммы. В некоторых местах чеки действительно употреблялись в качестве денег; например, в земле Виктории (Австралия), за неимением достаточного количества монет и банкнот, колонисты платили рабочим чеками, которые принимались во всех лавках и, таким образом, сделались обычным меновым средством в колонии. Такое употребление чеков ведет, однако, ко многим неудобствам. Невозможно во всякое время знать форму чеков всех банков, почерки лиц, их подписывающих, и кредитоспособность того, кто их выдает. Если бы вошло в обычай принимать чеки в качестве постоянного платежного средства, не осведомляясь об их подлинности, то это открыло бы широкое поле для всевозможных обманов. Было бы очень легко их подделывать, хотя к подделке не стоило бы прибегать, так как достаточно было бы купить книгу чеков и выполнить их на сумму, превышающую капитал, положенный в банк. Тот, кто принимает чек, несколько рискует, так как владелец его может оказаться обманщиком. Затем нужно принять во внимание и то, что банк, на который выдан чек, может приостановить платежи. Вследствие этого, чеки не обращаются на денежном рынке, а обыкновенно представляются в банк к уплате не позже, чем через 1—2 дня. Они служат поэтому лишь средством для

перемещения денег и ни в каком случае не являются формой долгосрочного кредита. Хранить у себя обыкновенный чек невыгодно, так как он не приносит процентов, и, кроме того, рискуешь еще на нем потерять. Если не считать труда по представлению чека в банк, то владелец его не имеет никакого основания отказаться от немедленного обмена его на монеты или банкноты, которые, правда, также не приносят процентов, но зато они гораздо надежнее. Он может также положить свои чеки в банк, получать пока хотя бы небольшие проценты, а затем, когда ему понадобится произвести платеж, выдать новый чек на свои деньги. Опыт показал, что последний способ выгоднее, так как в руках хорошего банка деньги лучше, чем где-либо, обеспечены, легче и скорее могут быть пущены в дело и, кроме того, приносят проценты, пока лежат в банке. На этом основана очень распространенная система расчетов при помощи чеков.

Чеки бывают разного рода. Банковскими чеками называются такие, которые выдаются одним банком на другой и обыкновенно употребляются для платежей на далекие расстояния. Если оба банка заслуживают полного доверия, а внешний вид и подпись неподдельные, то, как условные деньги, такие чеки, по-моему, нисколько не уступают банкнотам.

Засвидетельствованные чеки, употребляемые в нью-йоркском коммерческом мире, еще ближе стоят к банкнотам, чем банковские, так как банки, на которые они выданы, своей печатью на них заявляют, что они во всякое время готовы уплатить по ним. В этом случае банк или имеет у себя на текущем счету данного

лица столько денег, сколько необходимо для уплаты по его чеку, или своим собственным кредитом ручается за то, что лицо это во всяком случае выполнит обязательство, выраженное в чеке. Такие чеки ничем, в сущности, не отличаются от банковских билетов, но они не циркулируют в качестве денег, потому что обыкновенно выдаются на некруглые суммы и представляют недостаточную гарантию против обмана и подделки.

В последнее время, вместо чеков на предъявителя, стали распространяться именные чеки, причем они перечеркиваются, так что владелец такого чека вынужден его инкассировать при посредстве какого-либо банка. Они могут передаваться другим лицам посредством передаточных надписей, так что в конце концов они обращаются в чеки первого рода. Так как надписи могут подделываться, то такой способ передачи нередко ведет к большим затруднениям. Если бы даже сделалось обычным явлением их подчеркивать, то это все-таки не сделало бы невозможным их обращение на денежном рынке, хотя, собственно говоря, перечеркнутый чек есть не что иное, как обращенное к банку предложение оказать кредит известному лицу, имеющему у него текущий счет.

Вексель — это поручение уплатить законному владельцу документа в определенный, обозначенный на нем день определенную, обозначенную же сумму. Бессрочный вексель ничем не отличается от чека или ассигновки на предъявителя; разница только та, что вексель выдается обыкновенно на имя частного лица, которое не обладает таким кредитом, как известный банк. При срочных векселях промежуток между днем

выдачи векселя и днем, назначенным для платежа, колеблется между 1—2 днями и 5—6 месяцами; до срока владелец не имеет права требовать денег. Вследствие продолжительности срока вексель обыкновенно приносит проценты — точнее говоря, его покупают с таким учетом, чтобы покрыть потери, происходящие от отсрочки платежа. При определении этих потерь берут за основание высоту процента, который может стоять на денежном рынке до истечения срока; таким образом, ценность векселя зависит от весьма разнообразных элементов. Хотя можно сделать так, чтобы вексель был выплачен всякому лицу, в руках которого он находится, однако, обыкновенно, на нем обозначается определенное лицо, которому должна быть выплачена вексельная сумма; посредством передаточной надписи (жиро) или индоссамента, право получения этой суммы в день срока может быть передано другому, но опять-таки определенному лицу. При этой передаче индоссант (передатчик) берет на себя известное обязательство, от которого он освобождается тогда только, когда по векселю уплачено. Следовательно, вексель тем отличается от металлических денег, что последние не приносят процентов и, как платежное средство, погашают обязательства, а не создают их.

Многие ученые, писавшие о денежном вопросе, не обратили внимания на глубокое различие между торговыми документами, приносящими проценты, и теми, кои их не приносят. Но на этом именно основана их пригодность служить в качестве условных денег. Металлические деньги имеют ту особенность, что простое хранение их не дает никакого барыша; если

человек откладывает деньги, чтобы уплатить известные долги, коих срок истекает через некоторое время, то он теряет проценты, которые деньги приносили бы, если бы они на это время были положены в банк или на них были бы куплены акции, векселя или государственные фонды. А если хранение денег не доставляет никакой выгоды, то их можно рассматривать как обыкновенный товар, подлежащий действию законов спроса и предложения. Кто их имеет, старается от них освободиться посредством выгодной покупки и как можно меньше держать в руках. Это еще в большей степени применимо к банкнотам, чекам, бессрочным векселям и другим бумагам этого рода, которые не приносят процентов, так как они во всякое время могут быть представлены к уплате. Если не считать того, что исполнение этих обязательств может оказаться сомнительным, или владелец их может встретиться с затруднениями при доказывании своего права, такие бумаги обладают всеми существенными свойствами металлических денег, и никто не держит их в большем количестве, чем это безусловно необходимо. Напротив, *процентные бумаги* всякий старается держать как можно дольше, потому что чем больше времени владеют бумагами, тем больше получают процентных денег. Все банки ставят себе задачей — иметь в своем портфеле как можно больше хороших векселей, свидетельствующих о помещении капитала в коммерческие предприятия. Государственные бумаги или долговые обязательства обществ и корпораций отличаются от купеческих векселей лишь тем, что они выпускаются на большой или даже неопределенный

срок, а проценты уплачиваются периодически. Такие бумаги свидетельствуют о помещении капитала в известные предприятия и рассматриваются их владельцами, как настоящий капитал. Они могут быть куплены и проданы за деньги, но сами они — не деньги; не будучи деньгами, они, наоборот, вызывают потребность в деньгах, так как проценты выдаются деньгами.

Некоторые прожектеры предлагали, чтобы, кроме обыкновенных денег, в обращении находились еще процентные деньги. Действительно, французские ассигнации первоначально приносили проценты; Соединенные Штаты сделали некогда такую же попытку, но скоро от нее отказались. Было предложено также обратить весь национальный долг в бумажные деньги, так что в Англии, вместо 4 миллиардов денег металлических и бумажных, обращалось бы около 25 миллиардов. Некий Гилль опубликовал образец банкноты, которая давала бы ее владельцу право не только потребовать во всякое время деньги за нее, но и получать до $3\frac{1}{2}$ процента вплоть до момента предъявления; сумма выросших процентов вычислялась по приложенной к банкноте таблице. Понятно, что правительство не может выпускать таких билетов, потому что, лишь только рыночный процент превысит $3\frac{1}{2}$, и билеты упадут ниже *al pari*, всякий представит свои билеты к размену. Правительству пришлось бы, следовательно, держать большой резерв, чтобы быть в состоянии во всякое время выполнить свои обязательства, и так как оно в то же время платило бы проценты за всю сумму циркулирующих билетов, то оно понесло бы большие потери, равные сумме процентов на весь резерв.

Было сделано много попыток точно определить понятие «деньги», но все они остались безуспешными. Нормальные, признанные законом как платежное средство, полновесные монеты суть, конечно, деньги, а так как разменные, признанные законом банкноты вполне равноценны металлическим деньгам, то они часто также причисляются к деньгам. Но и неразменные билеты могут быть объявлены государством законным платежным средством, и внутри страны они действительно могут исполнять все функции денег. Можно ли их поэтому считать деньгами? Наконец, нельзя ли причислить к деньгам и чеки? При всех подобных попытках определения понятий впадают в ту логическую ошибку, что, определяя значение одного слова, желают уклониться от труда дать особые дефиниции целому ряду вещей. Металлические слитки, нормальные монеты, денежные знаки, разменные и неразменные билеты, узаконенное и неузаконенное средство, чеки разного рода, купеческие векселя, билеты казначейства, государственная рента — все это пригодно для уплаты долга, если должник желает ими платить, а кредитор — их принимать; однако это совершенно различные вещи. Если мы некоторые из них называем деньгами, то этим еще не избавляемся от рассмотрения того, чем они отличаются друг от друга с юридической и экономической точки зрения. Слитки, конечно, не деньги, но они могут быть легко обращены в деньги без особых затрат или с весьма малыми затратами, а для заграничных платежей они ничем не хуже монет. Денежные знаки — не нормальные деньги и не могут употребляться для расплат с

иностранными купцами; но они служат узаконенным платежным средством для малых сумм и могут быть без всяких потерь обменены на нормальные деньги. Билеты Банка Англии — не деньги, но кто живет недалеко от Банка, может обменять их на деньги; они так же принимаются, как полноценные монеты. Чеки — также не деньги, но за них по предъявлению можно получить деньги, а ценность их определяется в зависимости от большей или меньшей вероятности их размена. Акцептированный вексель — это обязательство уплатить к определенному дню деньги, и если не считать возможности банкротства со стороны акцептанта, то векселя можно считать отсроченными деньгами. Сертификат дает право на аннуитет, т.е. на трехмесячные проценты.

Мы подошли, таким образом, к нашему исходному пункту. Признанная узаконенным платежным средством, звонкая монета является той единицей, в которой выражаются все договоры и бумаги, но большая или меньшая вероятность расплаты по этим документам, срок расплаты, размер ее, разные юридические затруднения — всё это зависит от бесконечно разнообразных обстоятельств и в том числе от того, предназначены ли для платежа процентные бумаги или беспроцентные. Всякого рода коммерческие документы, как, например, ипотечные бумаги, гарантированные и негарантированные акции и облигации, также дают большую или меньшую вероятность, что рано или поздно получены будут за них металлические деньги, так что, обозревая все то, что можно рассматривать как деньги, мы незаметно переходим от золотого соверена к самой сомнительной возможности когда-либо получить золото.

ГЛАВА XIV

Банковская система

Употребление бумажных денег вместо металлических производит, как мы видели, большое сбережение благородных металлов. Но еще большее сбережение достигается посредством банковской системы, при которой долги не уплачиваются, а только уравниваются, балансируются. В зародыше система эта скрывается уже в купеческом кредите по торговым книгам. Если две фирмы имеют друг с другом постоянные дела, причем одна у другой покупает и одна другой продает, то было бы бесполезной тратой денег, если бы всякий долг тотчас же и уплачивался, хотя, быть может, всего через два-три дня прежний кредитор окажется в долгу у прежнего должника. Поэтому фирмы, находящиеся между собой в постоянных живых деловых сношениях, обыкновенно всякий возникающий на коммерческой почве долг записывают в своих книгах в дебет одной и кредит другой, а наличные платежи производят тогда, когда разница (сальдо) в ту или другую сторону стала слишком велика. Такой способ расчетов употребляют, например, страховые агенты, служащие посредниками между собственниками кораблей и страховыми обществами. Агент уплачивает страховому обществу в несколько приемов страховую премию, а общество выдает вознаграждение в случае кораблекрушения. Расчеты производятся таким образом: агент записывает в кредит общества следующие ему платежи (премию) и в дебет — вознагражде-

ние за несчастные случаи; наличными деньгами выплачивается только разница в ту или другую сторону, достигшая значительной цифры.

Для уяснения системы расчетов по книгам между банками крупного государства необходимо обратиться к схематическому изображению. Простейший случай представлен на рис. 1, где буквы означают фирмы, а черта — торговые отношения между ними.

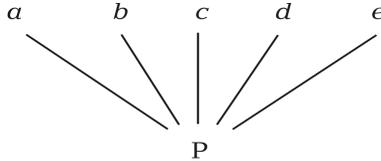

Рис. 1

При расчетах этого рода можно только в исключительном случае избежать употребления наличных денег или более сложной системы. Обыкновенно же, при сношениях между двумя фирмами избыток товаров течет в одном направлении, так что в другом должно произойти уравнение деньгами. Например, фабрикант продает товар оптовому торговцу, этот — розничному, а последний — потребителю. Но через посредство банков сосредоточиваются в одном фокусе торговые отношения самых разнообразных лиц, так что многочисленные требования, для удовлетворения которых потребовались бы громадные суммы денег, покрываются одно другим.

Чтобы составить себе некоторое понятие о том, как, благодаря банкам, делается излишним употребление денег в качестве менового средства, необходимо рассмотреть банковскую систему, начиная с ее простейшей формы, и до самой высшей, английской. Пред-

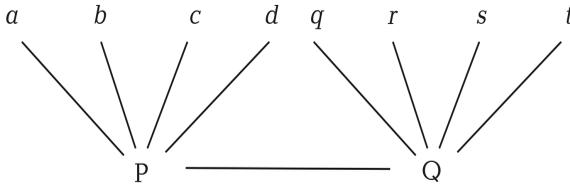
ставим себе прежде всего уединенный город, мало входящий в сношения с внешним миром и имеющий только один банк, в котором все обыватели держат свои деньги. Если A должен уплатить некоторую сумму денег B , то ему нет надобности идти в банк, взять там деньги и отнести их B ; достаточно будет, если он даст B чек, в котором банку предлагается выдать B известную сумму, когда последний того пожелает. Если затем B должен со своей стороны что-либо уплатить C , то первому незачем брать из банка предложенную ему сумму. Нелепо было бы взять из банка деньги, которые ему должен A , и тотчас же их вернуть обратно, чтобы записать в свой кредит. Уплата долга A происходит проще всего таким образом: банк записывает данную сумму в дебет A и в кредит B . Если затем B хочет уплатить долг C , то это также происходит посредством простой записи в книгах банка; таким путем могут быть выравнены счета любого числа коммерсантов, не употребляя при этом ни одной монеты. Эта элементарная банковская организация может быть изображена на рис. 2, где P означает банк, а a, b, c, d, e — его клиентов. Так организованы депозитные банки в Амстердаме и Гамбурге и берлинский Кассовый Союз. Пока торговые дела не выходят из пределов одного города, банк может вполне довольствоваться неподвижным металлическим фондом; более того, если купцам этого города никогда не приходится производить платежи в отдаленные места, то банк может обойтись без всякого металлического фонда. Но если клиентам банка a, b, c и т.д. могут понадобиться деньги для уплаты своим

Рис. 2

контрагентам в других городах, то он должен держать у себя металлический запас, достаточный для этой цели.

Теперь представим себе город, в котором имеются два банка. Одни жители вкладывают свои деньги в один банк, другие — в другой, но каждый из вкладчиков имеет дело только с одним банком. На рис. 3 P и Q означают два банка, a, b, c, d — клиентов банка P , а q, r, s, t — клиентов банка Q . Обязательства a, b, c, d уравниваются по книгам банка P вышеупомянутым способом; равным образом обязательства q, r, s, t — по книгам банка Q . Но если a имеет дело с q , то расчет производится немного сложнее: a выдает q чек на банк P , так что q может требовать денег у P . Если же он не нуждается в наличных деньгах, то он отдает этот чек в свой банк Q , который записывает обозначенную в чеке сумму в его кредит, как будто бы банк получил от него наличные деньги. Банк Q может предъявить полученный им чек в банк P , так что употребление наличных денег как будто бы неизбежно. Но так как в городе имеется еще много других

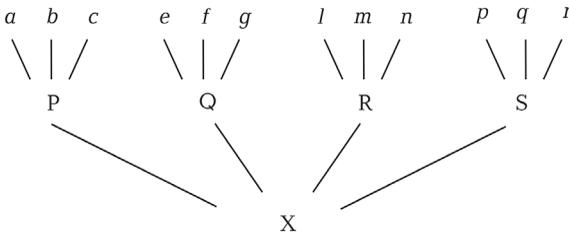

Рис. 3

торговцев, которые производят свои платежи точно таким же образом, то можно ожидать, что в конце концов в руках P окажутся чеки на Q , а в руках Q — чеки на P . Банки же находятся между собой в непосредственной связи и производят свои взаимные платежи путем списывания со счетов; в крайнем случае пришлось бы покрыть наличными деньгами разницу между обязательствами обоих банков. Но так как разница эта выпадает то в пользу одного, то в пользу другого, то расплата наличными деньгами происходит только изредка, когда разница в одну сторону достигает значительной суммы.

В большом торговом городе существует обыкновенно несколько банков, из которых каждый имеет своих особых клиентов. Взаимные расчеты всех тех, которые имеют дело с одним и тем же банком, балансируются при его посредстве; но большая часть требований теперь, вероятно, будет перекрещиваться, так что в конце концов они выразятся в обязательст-

вах одного банка по отношению к другому. Весьма вероятно, что каждый банк ежедневно и сам платит, и от других получает, но платит, конечно, не тем лицам, которые ему должны, и получает платежи не от тех, коим он должен. В этом случае имеют место в высшей степени сложные операции: между 14 банками можно насчитать $(14 \times 13)/2 = 91$ различную пару, имеющих требования друг к другу, а 50 банков могут дать уже 1225 различных комбинаций. Может случиться, что банк Р должен уплатить разницу банку Q, а сам имеет получить такую же сумму от R или S. И в этом случае нетрудно устранить наличные деньги посредством простого кредита по книгам: банкам стоит только устроить один общий банк, банк банков, и положить в него часть своего наличного резерва; тогда счета банков между собой могли бы быть сведены таким же путем, как счета частных лиц, имеющих дела с одним и тем же банком. Рис. 4 изображает четыре банка с их клиентами, и эти банки входят между собой в сношения через посредство банка X. Банку Р теперь нет надобности посылать в банки Q, R, S своих рассыльных с пачками чеков; он только препровождает их в центральный банк X, который записывает их в кредит Р, затем складывает их вместе с полученными от Q, R, S в новые пачки, из которых каждая заключает в себе чеки на один из этих банков, и потом представляет их всем банкам по принадлежности. Таким-то образом производятся посредством чеков всевозможные платежи без помощи денег, как будто бы в городе был один только банк. То, что какой-либо банк должен уплатить, обыкновенно покрывается суммами,

Рис. 4

которые он в этот же день должен получить, а разница в ту или другую сторону прямо заносится в книги X в соответствующем месте. В действительности ни один английский город не имеет такого «банка банков», через посредство которого разные банки производили бы свои платежи; но работу, которую выполнял бы такой банк, берет на себя известная расчетная палата (Clearing-House). Депозиты различных банков принимает Банк Англии, который ежедневно заносит в свои книги общие результаты, представляемые ему расчетной палатой.

Английские банки переживают в настоящее время переходный период, все более и более приближаясь к шотландской системе. Вместо большого числа небольших, слабых, разрозненных банков образуется, посредством слияния или поглощения одних другими, несколько крупных, из коих каждый имеет многочисленные разветвления. В Шотландии крупные банки

имеют в среднем по 78 отделений; наименьшее число отделений — 19, наибольшее — 125. Некоторые английские банки также имеют большие разветвления, например, London and County Bank имеет 148 филиальных отделений, National Provincial Bank — 137. Равным образом и ирландские банки сильно растут. Национальный банк Ирландии насчитывает 114 отделений. Такое же развитие получили банки в Австралии: некоторые крупные банки, как, например, банк Нового Южного Уэльса или банк Новой Зеландии, имеют свои отделения во всех сколько-нибудь выдающихся пунктах. Понятно, что при той тесной связи, которая существует между главным банком и его отделениями, огромное количество требований покрывается одно другим. Эта организация изображена на рис. 4, где X — главный банк, P, Q, R, S — его отделения и a, b, c и пр. — их клиенты. Если a уплачивает свой долг m посредством чека на P , то чек этот препровождается в R , где обозначенная в нем сумма заносится в кредит m ; потом чек отсылается в P , где он вносится в дебет a . Главный банк, получающий ежедневные ведомости от всех своих отделений, переносит соответственную сумму с P на R . Может показаться, что эта процедура требует большой переписки и сложных счетов; на практике, однако, работа эта сильно упрощена и не требует особенных расходов. Наличные деньги употребляются редко, потому что отделения ведут счета лишь с главным банком, так что к концу недели большие суммы кредита и дебета взаимно погашаются, а разница в ту или другую сторону бывает обыкновенно очень мала. Главный банк

исполняет здесь роль расчетной палаты или «банка банков».

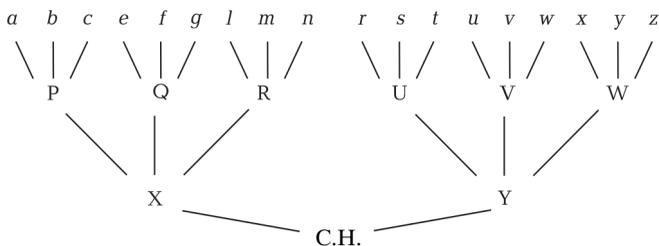
Вопрос о том, как отделения одного банка входят в сношения с отделениями другого, разрешается весьма просто: если отделения эти находятся не в одном и том же городе и не связаны между собой иным образом, то они ведут свои сношения через посредство своих главных банков. Чек на какое-либо отделение London and County Bank, поступивший в отделение National Provincial Bank, передается главной конторой последнего расчетной палате и вносится в дебет главной конторы первого.

Большое значение для английской банковской системы имеет организация агентств. Всякий крупный банк имеет дела со всеми большими городами Соединенного Королевства, и если у него там нет филиальных отделений, то он завязывает сношения с каким-либо другим банком, который берет на себя роль его агента. Последний получает платежи по чекам, вексялям, билетам и пр. своего округа, платит по обязательствам главной конторы, представляет к протесту вексяля и пр., словом, делает всё, что относится к области ведения отделения, с той лишь разницей, что он получает за свои труды комиссионные деньги. Всякое агентство находится в непрерывных сношениях с главным банком, так что между последним и его агентом существуют такие же отношения, как между главным банком и его отделениями.

Между провинциальными и лондонскими банками незаметным образом развились в высшей степени интересные отношения. Провинциальные банки пользу-

ются лондонскими в качестве своих агентов. В Расчетной палате имеют своих представителей 26 лондонских банков, берущих на себя роль агентов, и каждый из них в среднем находится в связи с 12 провинциальными банками. Само собой разумеется, что расчеты двух банков, имеющих одного и того же агента в Лондоне, производятся путем простых записей в книгах агента. И в этом случае применима схема, изображенная на рис. 4: X — лондонский агент, находящийся в сношениях с провинциальными банками P, Q, R, S . Все клиенты всех банков ставятся, таким образом, в тесную связь с одним и тем же лондонским агентом, хотя они живут в разных концах Соединенного Королевства. Каждый лондонский банк можно рассматривать как «банк банков» или расчетную палату в миниатюре.

Остается сделать еще один шаг, чтобы дополнить эту систему соединения всех великобританских банков между собой. Каждый провинциальный банк находится в связи с каким-либо лондонским, а лондонские сводят свои счета через посредство расчетной палаты. Ясно, что всякие платежи, который должен быть сделан обывателем одной местности жителю другой, может пройти через Лондон. На рис. 5 представлены провинциальные банки P, Q, R с лондонским агентом X и U, V, W с агентом Y . Если a , клиент банка P , должен произвести платеж r клиенту банка U , то он посылает ему по почте чек на свой банк P . Получатель r вносит его в банк U , где чек записывается в его кредит, и так как U не находится в прямой связи с P , то он передает чек дальше — банку Y , ко-

Рис. 5

торый через посредство расчетной палаты предъявляет его банку X; этот последний вносит его в дебет банка P и отсылает ему с первой почтой. Большую простоту сведения счетов трудно себе и представить. Легко понять, что денежные суммы, переходящие из одного лондонского банка в другой или, лучше сказать, ликвидированные в расчетной палате, могут представлять собой баланс крупных счетов между провинциальными банками и их агентами и корреспондентами. Пока разница эта невелика, наличные деньги оказываются необходимыми только в исключительных случаях. Если банк P должен уплатить банку Q разницу, то ему остается только поручить своему агенту перенести соответствующую сумму на кредит Q; если же банки имеют в Лондоне разных агентов, например, P должен уплатить U, то дело происходит следующим образом: X получает приказ записать соответственную сумму в кредит Y, агента U. Кредитный знак, олицетворяющий собой платеж, проходит через рас-

четную палату в числе многих других бумаг, изображающих собой платежи в ту или другую сторону, и в цепи общего уравнения платежей он является лишь ничтожным звеном. Как бы ни был велик размер ликвидируемых в расчетной палате платежей, они сводятся в конце концов к тем, которые не были раньше ликвидированы более прямым путем, и зачастую они представляют собой баланс целого ряда сделок, не имеющих никакого отношения к Лондону.

ГЛАВА XV

Лондонская расчетная палата

Мы видели, что посредством системы лондонских агентов в Лондоне сосредоточиваются, как в фокусе, банковские дела всей страны. Ликвидирование счетов 26 главных лондонских банков представляет поэтому весьма сложное и важное дело, так как тут завершаются операции не только всей Англии, но и значительной части мира. В небольшой комнате совершается ликвидация обязательств на 20 миллионов фунтов стерлингов в день — и при этом обходятся без всяких монет и банкнот; тут система коммерческих расчетов доведена до совершенства.

Расчетная палата основана не более 100 лет тому назад. Несколько лондонских банкиров сообща наняли в 1775 году комнату, в которой сходились их бухгалтеры с целью обменять билеты и векселя и учесть свои взаимные обязательства. Общество это имело характер тайного клуба, о котором до публики не доходило никаких сведений, так как собрания происходили в строгой тайне. Новинка вначале была встречена с недоверием, а крупные банкиры и знать ее не хотели. С течением времени, однако, по мере того как преимущества нового учреждения выступали все явственнее, к нему примкнули и другие банкиры; затем избран был особый комитет для заведования его делами и выработан устав. Расчетная палата и по сию пору представляет собой частное предприятие, основанное на свободном соглашении участников; она обо-

шла без всякого покровительства со стороны государства и тем не менее достигла крупного значения, а по мере увеличения ее роли увеличивалась и гласность ее операций.

До 1858 года операции расчетной палаты ограничивались обменом чеков и ассигновок, выданных непосредственно на 26 объединенных лондонских банков. Провинциальный банк, получая чек на какой-либо отдаленный нестоличный банк, обыкновенно пересылал его прямо по почте; а последний для исполнения своего обязательства по этому чеку поручал своему банку в Лондоне уплатить соответствующую сумму лондонскому агенту того банка. Реформа 1858 года значительно упростила эту процедуру. Вместо того, чтобы ежедневно рассылать кучу чеков по разным концам королевства, провинциальный банк теперь препровождает их в одном пакете к своему лондонскому агенту, который представляет их в расчетной палате агентам соответствующих банков. Подобного рода обмены чеков совершаются несколько раз в день, а вечером, к закрытию палаты, подводятся общий итог.

Расчеты производятся в палате три раза в день. В первый раз расчет начинается в 10½ часов; после 11 часов прием ассигновок прекращается, а к 12 часам работы должны быть закончены. После этого начинается провинциальная ликвидация, по которой ассигновки принимаются до 12½ часов, а работы должны закончиться к 2½ часам; шум и суета достигают своего апогея в 4 часа, когда рассылные спешат со своими последними ассигновками. Вся работа производится в обыкновенной комнате с 3 рядами конторок по сто-

ронам и одним рядом посередине. У одного конца стоит небольшое бюро для обоих директоров. Каждый банк посылает в палату столько клерков, сколько это необходимо для быстрого окончания работ: некоторые банки имеют не меньше 6 таких клерков. Чеки и ассигновки, которые один ликвидирующий банк (скажем, Alliance Bank) должен представить другому, вносятся сначала в исходящую книгу, а затем вкладываются в 25 пакетов по числу лондонских банков, между которыми они должны быть распределены. В расчетной палате пакеты раздаются по конторкам соответствующих банков, и их тотчас записывают во входящие книги по столбцам, из которых каждый предназначен для одного банка. После этого чеки отсылаются как можно скорее в соответствующие банки для проверки и окончательного занесения в книги. Те чеки, по которым отказано в платеже, могут быть в тот же день возвращены в расчетную палату, где они вносятся в книги, как требования, предъявленные банком, отказавшимся платить, к банку, предъявившему чеки. К концу дня клерки Alliance Bank могут подсчитать сумму требований, предъявленных к нему со стороны остальных 25 банков, а по исходящим книгам они могут определить, какую сумму ему предстоит получить от них. Разность между обоими итогами показывает, сколько Alliance Bank'у приходится в конечном счете получить или уплатить. Эта цифра должна быть сообщена директорам палаты, которые немедленно вносят ее в особый лист. В итоге столбцы кредита и дебета по этому листу должны представлять равные числа, потому что всякий пенс, получаемый

одним банком, уплачивается другим банком. Конечная сумма, приходящаяся каждому банку, первоначально выплачивалась банкнотами, и в 1839 году, например, требования на сумму 3 миллиона фунтов стерлингов были ликвидированы при помощи банкнот на 200 тысяч фунтов и звонкой монеты на 20 фунтов, т.е. наличные деньги составляли $\frac{1}{15}$ суммы погашенных обязательств. В настоящее время расплата производится посредством ассигновок на Банк Англии, в котором все 26 лондонских банков хранят большую часть своих наличных денег.

Принцип, лежащий в основе расчетной палаты, может быть применен, кроме банков, и к другим сферам торговой и промышленной деятельности, например к железным дорогам, хлопчатобумажной промышленности и пр.

Организация расчетной палаты развилась самопроизвольно; законодательные органы не играли тут никакой роли, а признание ее судебными учреждениями освящено обычаем. Парламент не издал ни одного акта для облегчения ее операций, и если посредничество расчетной палаты при предъявлении чеков и уравнивании платежей имеет действительное значение, то это основано исключительно на взаимном соглашении банков.

Преимущества этой системы громадны. Все более крупные платежи производятся без всякого риска, не теряя времени и труда и не употребляя благородных металлов. Тем временем, как чек, которым произведена уплата, отправляется по почте в далекие края, деньги, которые он собой представляет, лежат в под-

валах банка или — так как они собственно не нужны для операций — отдаются взаймы или вывозятся за границу, где они приносят проценты. В настоящее время от хранения металлических денег или их обращения на денежном рынке Великобритании теряет ежегодно до 5 миллионов фунтов стерлингов, которые она могла бы получить в виде процентов; но она теряла бы еще больше, если бы все платежи производились металлическими деньгами. Риск, с которым сопряжены крупные платежи наличностью, доведен здесь до минимума. Пересылка больших сумм представляет всегда сильное искушение для воров и требует поэтому сильной охраны; благодаря же банкам, платежи производятся почти без всякого риска, посредством кредитных знаков или перечеркивания чеков. Чеки, ассигновки и всякого рода бумаги, обмененные в расчетной палате, перечеркиваются или снабжаются передаточными надписями (индоссируются) в такой форме, что для всякого другого, кроме законного владельца, они не имеют никакой цены, а для воров лишены всякого значения.

До каких поразительных размеров доходит замена звонкой монеты бумагами разного рода, можно отчасти видеть из некоторых цифр, сообщенных в 1865 году Джоном Леббоком и относящихся к деятельности его банка за последние дни 1864 года. При посредстве расчетной палаты была ликвидирована сумма в 23 миллиона фунтов стерлингов, а употребленные для этого векселя, банкноты и звонкая монета распределялись в следующей пропорции:

Лондонская расчетная палата

Чеков и векселей, прошедших через расчетную палату	70,8 %
Чеков и векселей, не ликвидированных в расчетной палате	23,3%
Звонкой монеты	0,6%
Билетов Банка Англии	5,0%
Билетов провинциальных банков	0,3%

Лондонские клиенты уплатили 19 миллионов фунтов стерлингов, которые распределялись следующим образом:

Чеков и векселей	96,8%
Билетов Банка Англии	2,2%
Билетов провинциальных банков	0,4%
Монет	0,6%

Эти данные не следует, однако, принимать за среднюю цифру употребления звонкой монеты в банковском деле. Пропорция, в которой употребляются различные сорта денег и торговых документов, варьируется, смотря по местности, характеру банка и величине его оборотов. Билеты Банка Англии, например, в Манчестере больше в ходу, чем в Лондоне. В «Банке для Манчестера и Сальфорда» платежи, произведенные при помощи звонкой монеты и банкнот, составляли в 1859 году 53 процента всей суммы оборотов, в 1864 — 42 и в 1872 году — 32 процента, т.е. употребление денег с каждым годом уменьшается. В общем, обороты банка представляются в следующем виде (1872 год):

Глава XV

Чеков, векселей и пр.	68%
Банкнот	27%
Монет	5%

Я сделал попытку приблизительно определить относительную сумму чеков и векселей, ликвидированных на разных ступенях развития банковской системы. Но для ясного понимания предмета необходимо знать, в каком отношении размер платежей, погашенных при помощи расчетной палаты, находится ко всей сумме оборотов английских банков. Это не трудно было бы определить, если бы один или несколько банков в крупнейших городах согласились опубликовать сумму ликвидированных, оплаченных или предъявленных ими чеков. По одному сообщению, относящемуся к одному из первых манчестерских банков, срочные векселя, предъявленные банком или оплаченные им от июля до октября 1874 года, представлялись в следующем виде:

Чеки, выплаченные кассой банка, звонкой монетой и билетами, составляли	34,2%
Чеки, выданные на этот банк и записанные в кредит плательщика	25,4%
Чеки, предъявленные через посредство Манчестерской расчетной палаты	22,5%
Чеки и срочные векселя, предъявленные через Лондонскую расчетную палату	10,8%
Чеки на провинциальные банки, предъявленные через Лондонскую расчетную палату	3,5%
Чеки на провинциальные банки, предъявленные непосредственно	3,6%

Приведенные цифры не могут претендовать на полноту и точность, но этого достаточно, чтобы иметь некоторое представление об интересующем нас здесь предмете.

Посредством расчетной палаты сводятся счета по разным торговым операциям без употребления наличных денег, если только при этом имеет место взаимный обмен товаров. Ценность товаров, конечно, выражается в золоте, этом всеобщем показателе ценности, но, как действительное орудие обращения, металлические деньги не употребляются. Банковская система приводит к восстановлению непосредственного обмена. Но во многих случаях товарный обмен не имеет характера взаимности, и потому здесь не может состояться взаимное погашение долгов товарами. В некоторых сделках товары движутся только в *одном* направлении. Манчестерские фабриканты, например, платят ливерпульским купцам за хлопчатую бумагу либо наличными деньгами, либо краткосрочными векселями. Но когда готовые фабрикаты возвращаются в Ливерпуль, то они не покупаются тамошними купцами, а отправляются морем в далекие края, где они сдаются на комиссию на большой срок. Поэтому манчестерский фабрикант должен уплатить ливерпульскому купцу всю стоимость сырья, расходы по погрузке товара и фрахт, ему же нечего получить у ливерпульского купца. Иностранные комиссионеры, берущие товар на комиссию, платят за него векселями на Лондон. Если манчестерские фабриканты держали свои капиталы в Манчестере, а ливерпульские купцы — в Ливерпуле, то образовался бы постоянный поток денег из Лон-

Глава XV

дона в Манчестер и из Манчестера в Ливерпуль, откуда они снова отправлялись бы за границу в уплату за сырье. Эта сложная процедура устраняется тем обстоятельством, что Лондон до некоторой степени представляет собой центральный пункт и расчетную палату для всех внутренних и международных торговых сделок.

Если обязательство выражено в деньгах, то может случиться, что владелец его действительно потребует расплаты деньгами. При известных коммерческих условиях и при особом стечении обстоятельств владельцам чеков понадобятся наличные деньги, и тогда банки, привыкшие считать большие запасы наличных денег бесполезными, внезапно попадают в критическое положение, либо вовсе не будучи в состоянии исполнить свои обязательства, либо исполняя их с большими трудностями и жертвами.

ГЛАВА XVI

Иностраннный вексель

В древние времена международная торговля ограничивалась непосредственной меной. Караван с разными товарами отправлялся через пустыни Аравии или Африки и возвращался с массой полученных в обмен пряностей, слоновой кости и других ценных сырых продуктов. Позднее, купцы стали снаряжать корабли и отправлять их в далекие края, в надежде, что капитан выгодно продаст корабль и привезет другой груз, который затем дома будет продан с хорошим барышом. Тут торговля имеет взаимный характер; то, что отправлялось, служило платой за то, что приходило обратно, так что в этот промежуток времени деньги или совсем не лежали непроизводительно, или лежали короткое время. Но где такая прямая мена не имела места, необходимо было либо посылать металлические деньги в далекие края, либо изобрести какой-нибудь способ для перемещения долгов. Пересылка денег не только сопровождается потерей процентов за все время пути, но и вызывает расходы на охрану, причем все еще не исключена возможность пропажи денег. Ввиду этого, уже 400 лет тому назад сделали попытку вовсе или частью устранить металлические деньги, заменив их бумажными документами.

Употребление иностранных векселей было уже известно, кажется, римлянам; но развитием этой системы мы обязаны древним итальянским, а особенно иудейским купцам. Их история скрывается во мраке

времен; достоверно только то, что в XIV веке векселя были уже в большом ходу. Форма векселя, относящаяся к нему законы и обычаи мало отличались от нынешних.

Вексель — это не что иное, как приказ уплатить деньги, исходящий от векселедателя к его должнику; в нем обозначаются: сумма платежа, срок его и лицо, которому деньги должны быть уплачены. Когда выдается вексель, то в общем предполагается, что лицо, на которое выписывается вексель, состоит в долгу у векселедателя. Если вексель принимается лицом, которому он предъявлен, то эта акцептация равносильна признанию долга. Хотя вексель обычно выдается на имя определенного, поименованного в нем лица, однако он может быть передаваем другим посредством индоссамента, или жиро (передаточная надпись), и в таком виде он является требованием об уплате определенной суммы денег в определенный день и в определенном месте. В этом кроется его способность служить для уплаты долгов в отдаленных пунктах — Англия скупает ежегодно в Америке большие количества хлопчатой бумаги, хлеба, солонины и других продуктов. Америка, в свою очередь, покупает в Англии железо, холст, шелк и другие фабрикатy. Было бы, разумеется, нелепо, если бы по Атлантическому океану постоянно двигались в противоположных направлениях две волны наличных денег, раз посредством нескольких письменных обязательств можно сделать так, чтобы волна товаров, идущих в одном направлении, покрывала волну противоположную. Американский купец, отправляющийся в Англию хлоп-

чатую бумагу, может взять вексель от своего комиссионера, которому он сдает хлопчатую бумагу для продажи, — вексель, не превышающий, конечно, ценности хлопчатой бумаги; в Нью-Йорке он, затем, может продать его другому купцу, который выписал из Англии железо. Последний отсылает вексель по почте своему английскому кредитору-продавцу, который предъявляет его английскому должнику. Если последний выплачивает в срок следуемые от него деньги — и железо, и хлопчатая бумага имели одинаковую ценность; и на этом расчеты кончаются. Тут имеют место два наличных платежа: один при продаже векселя в Нью-Йорке, другой — при погашении выданного на Англию векселя; упрощение же состоит в том, что вместо двух волн наличных денег, идущих через весь Атлантический океан, производятся только два платежа, каждый между двумя лицами в одном и том же городе. Далее, платежи могут быть произведены посредством чеков, или векселя в день срока могут быть предъявлены через посредство расчетной Палаты и обменены на другие чеки и векселя. Таким образом, металлические деньги могут здесь совсем не употребляться, так что при равенстве ввоза и вывоза международная торговля возвращается к меновой системе, но в усовершенствованной форме.

Трудно предположить, чтобы на каждого купца, возящего товар, нашелся другой купец, вывозящий товар на такую же сумму, чтобы, следовательно, одна сделка всегда в точности покрывалась другой. Но зато многие ливерпульские купцы имеют обязательства по отношению к американским, а в Нью-Йорке

есть купцы, которые в долгу у ливерпульцев. Отсюда является постоянный спрос и предложение векселей, так что они сами становятся предметом выгодного торга; целые торговые дома занимаются покупкой векселей у тех, которые имеют требования на иностранных купцов, и продают их лицам, которым предстоит платежи за границей.

Крупные фирмы имеют нередко в других странах свои отделения или же агентов и корреспондентов, имеющих у них текущие счета. Случается часто, что одна и та же фирма сама занимается и ввозом и вывозом, так что возможно непосредственное погашение обязательств и требований. Уплата разницы в ту или другую сторону может быть отсрочена до благоприятного момента. В этом случае кредит по книгам заменяет собой наличные деньги, которые употребляются только тогда, если нарушается равновесие в торговле или по каким-либо причинам одна страна должна другой большую сумму денег.

В основе теории векселей лежит тот общий принцип, что векселя, выданные на иностранных купцов, представляют собой товар, подлежащий действию всех законов спроса и предложения. Всякое обстоятельство, уменьшающее предложение векселей известного рода или увеличивающее спрос на них, повышает их цену, и наоборот. А такое вздорожание векселей обещает добавочный барыш во всех делах, позволяющих выпуск нового количества векселей. Вывоз какого-либо товара в большом количестве действует в смысле восстановления равновесия; если же этого недостаточно, то в конце концов, несмотря на

расходы, должен быть выслан за границу металл в деньгах или слитках, за который можно получить векселя. Расход на перевозку металла составляет тот предел, выше которого не может идти разница между вексельной суммой и повышенной ценой, которую можно за нее получить. Так как золото и серебро везде обладает высокой ценностью и их сравнительно легко перевозить, то оба эти металла служат естественным меновым средством между разными народами. Если бы какая-либо страна вовсе не имела звонкой монеты, то для уплаты своих обязательств за границей она вынуждена была бы, рискуя даже потерями, вывозить товары, наиболее приближающиеся к благородным металлам по своей ценности и перевозимости; в таком случае прибавка к цене векселей могла бы, смотря по обстоятельствам, достигнуть любой высоты. Отсюда вытекает, что с экономической точки зрения золото и серебро отличаются от других товаров не качественно, а количественно.

Казалось бы, что употребление чеков для внутренних сделок и векселей — для международных сводит роль металлических денег к минимуму. Но можно пойти еще дальше. Мы видели, что если все купцы хранят свои деньги в одном и том же банке, то им нет надобности производить свои платежи наличностью; все счета их могут быть сведены посредством простых переносов в книгах банка. Представим себе теперь, что купцы всего мира согласились войти в сношения с банками одного и того же крупного торгового города. Тогда все их взаимные обязательства могли бы погашаться через посредство этих банков. Дейст-

вительно, Лондон, например, все более становится главным финансовым центром мира и всеобщей расчетной палатой для международных торговых операций. Чтобы сделать излишним употребление денег, необходимо только сосредоточить все дела в одном пункте; тогда можно будет распространить погашение обязательств на наиболее широкие круги. Прежде чем развилась система английских провинциальных банков, употребление металлических денег сокращалось посредством выдачи векселей (трассировки) на Лондон. Во всяком провинциальном городе было немало таких людей, которым нужно было отправлять деньги в Лондон и, наоборот, таких, которые должны были получать их из Лондона. И вот нашлись сметливые люди, понявшие, что довольно выгодно будет продавать векселя тем купцам, коим нужно послать деньги в Лондон, а на полученные деньги покупать векселя у тех, которые имеют требования на лондонские банки или лондонских купцов. Так как столица Англии все более и более становилась денежным центром всей страны, то часто находили целесообразным производить платежи другим городам посредством векселей на Лондон. Если кому-либо приходилось отправлять куда-нибудь деньги, то легче было найти вексель на Лондон, чем на тот город, куда ему нужно было платить; он мог также допустить, что кредитор его предпочтет получить вексель на Лондон, чем на такой город, с которым он не имеет никаких дел. Ясно, что если бы все английские купцы держали свои деньги в одном лондонском банке, то всеобщее употребление векселей на Лондон повело бы к цент-

реализации всех торговых операций, и было бы возможно уравнение платежей через посредство расчетной палаты с минимальной тратой денег и труда.

Не менее выгодно было бы сосредоточение в Лондоне всех международных операций. При отсутствии такого центра торговым городам приходится завязывать друг с другом непосредственные сношения. Если купцы одного города получают векселя на банки и фирмы других городов, то оказываются следующие неудобства:

- 1) спрос и предложение векселей на небольшие центры сравнительно ничтожны и изменчивы;
- 2) трудно удостовериться в доброкачественности векселей на незначительные фирмы.

Даже для таких фирм, которые имеют в разных частях света собственные конторы, является целесообразным сосредоточить свои дела в одном месте, подобно тому как дела филиальных отделений стекаются в главную контору, где они и завершаются. В силу этого обыкновенно предпочитают векселя на известные лондонские банки и крупные торговые дома, кредитоспособность которых известна всему миру; при прочих равных условиях, эти векселя принимаются охотнее всего. Тому, кто может уплатить векселем на Лондон, продадут товар дешевле, чем всякому другому, и это преимущество достигается тем, что купец, живущий в провинции или за границей, входит с каким-нибудь лондонским торговым домом в соглашение, по коему последний принимает все платежи, следуемые купцу, и записывает в его кредит. Американский, австрийский или ост-индский купец скорее

предпочтет тогда получать платежи в Лондоне, чем в месте своего жительства. Если кто должен произвести платеж, то он сделает это в форме векселя на свой капитал, лежащий в Лондоне, а такими же векселями на Лондон, которые он в свою очередь получит от других, он может время от времени пополнять свой капитал.

Этому стремлению сосредоточить все денежные дела в Лондоне способствует еще и то, что здесь скапливается наибольшее количество дешевых капиталов. Обыкновенный учетный процент в Нью-Йорке, например, по меньшей мере на 2 процента выше, чем в Лондоне; поэтому купец, имеющий кредит в Лондоне, скорее сделает заем там, чем в Нью-Йорке. По этой причине коммерсанту незачем помещать свои деньги в лондонский банк с целью выдавать на него векселя: ему достаточно обеспечить себя кредитом в Лондоне, т.е. разрешением со стороны какого-либо лондонского банка выдавать на него векселя. Хотя Париж, Берлин, Вена, Гамбург и Амстердам также представляют крупные торговые центры, но в последнее время и оттуда стали переходить значительные суммы денег в Лондон. Кроме того, Лондон занимает в этом отношении наиболее выгодное положение, так как торговля Англии заходит в самые отдаленные края, не говоря уже о ее обширных колониях.

Так как Лондон является центром банковского дела, то для колониальных или иностранных банков выгодно иметь здесь агентов или открывать собственные конторы. В 1875 году до 60 колониальных и заграничных банков имели здесь свои конторы; в том числе были наиболее крупные австралийские, новозеландские и ост-индские банки и несколько мелких, уч-

режденных английскими капиталистами для облегчения торговых сношений с второстепенными государствами Европы, с Южной Америкой, Китаем и Востоком. Кроме этих 60 банков, имеющих в Лондоне собственных представителей, не менее 1000 иностранных и колониальных банков имеют постоянные связи с лондонскими банками, так что любой город мира, если только он вообще в состоянии иметь банк, имеет также возможность завязать сношения с каким-либо лондонским банком. Связь такого множества банков с Лондоном необходимо ведет к тому, что денежные операции, проходящие через столицу Великобритании, с каждым днем принимают все большие размеры.

Став посредником между всеми провинциальными банками, Лондон постепенно берет на себя эту роль и в сношениях самых отдаленных уголков мира между собой. Но чем более разрастается эта финансовая деятельность Лондона, тем необходимее для Англии позаботиться о том, чтобы ее денежные дела покоились на прочном фундаменте. Вместе с этим английские банки, финансисты и купцы должны проникнуться сознанием той ответственности, которую возлагает на них участие в этом колоссальном механизме, и постоянно иметь в виду те торговые кризисы и банкротства, которыми угрожает им усиливающаяся иностранная конкуренция. Нельзя отрицать, что в последние годы обнаружилось на лондонском денежном рынке весьма подозрительные симптомы. Все короче становятся периоды, в которые наступает внезапный недостаток ссудных капиталов и обусловленное этим возвышение учетного процента. Причина этого явления

Глава XVI

лежит в чрезмерном сбережении благородных металлов — сбережении, которое хотя и выполнимо при том совершенстве, коего достигла английская банковская система, но доводится уже до крайних пределов.

Бросим в заключение беглый взгляд на путь, пройденный человечеством со времени возникновения обмена. Начав с непосредственной, натуральной мены, люди перешли затем к употреблению обыкновенного товара в качестве менового средства. С течением времени отношения все усложнялись. Роль орудия обращения стали играть металлы, причем вскоре выступило различие между нормальными монетами и денежными знаками. От металлического денежного знака один шаг к бумажному денежному знаку — бумажным деньгам; наконец, во внутренней торговле металл почти совершенно вытесняется системой чеков и расчетных палат. Колоссальные денежные операции завершаются в одной комнате, наполненной счетчиками. При этом цифры в их книгах все еще изображают собой золото, и всякий кредитор, если пожелает, может требовать в уплату долга звонкую монету. При нормальных обстоятельствах никому и в голову не приходит обременять себя большими кучами металла, так как в подвалах банка он не только обеспеченнее, но и легче может идти в дело. Но в международной торговле золото и серебро все еще служат единственным средством для погашения обязательств, и несоответствие между суммой торговых операций и количеством употребляемого для окончательных расчетов золота нередко ведет к самым гибельным последствиям.

ГЛАВА XVII

Какое количество денег потребно для страны?

Было бы весьма желательно определить, сколько денег необходимо для каждого человека в отдельности; тогда правительство знало бы, какое количество монеты оно должно выпустить. Во всех странах время от времени раздаются жалобы на недостаток орудий обращения и требования увеличить их количество. Все злосчастия: застои в торговле, падение цен, уменьшение государственных доходов, нищета населения, безработица, политическое недовольство, банкротства и денежные кризисы — все это приписывают недостатку денег, а для исцеления этих недугов рекомендуют обыкновенно усиление деятельности монетных дворов или новые выпуски бумажных денег. На все эти жалобы можно только сказать, что никто не в состоянии определить в точности, сколько денег потребно для страны, и вопрос о количестве циркулирующих денег должен стоять на заднем плане у государственных людей. Кажущийся недостаток меновых средств нередко происходит от неудачного употребления металлических денег, неупорядоченного состояния условных денег, противозаконной спекуляции или ненормального положения торговли, и все эти причины могут быть только усилены новыми выпусками бумажных денег. Мы увидим, что вопрос о количестве необходимых для страны денег заключает в себе столько

неизвестных величин, что точное решение его невозможно.

В самом деле, прежде всего необходимо установить, какую работу должны произвести деньги. При прочих равных условиях работа эта, во-первых, прямо пропорциональна количеству народонаселения: двойное число людей, при той же деятельности и том же обращении, нуждается, конечно, в двойном количестве денег. Во-вторых, она зависит от степени развития промышленности и сложности ее организации: чем больше товаров покупается и продается, чем чаще они переходят из рук в руки, тем больше требуется денег для того, чтобы пустить эти товары в движение. В-третьих, она растет вместе с ценой товаров; когда деньги падают в цене и товары становятся дороже, то требуется больше денег для уплаты долгов, номинальный размер которых увеличился. Из всех этих величин известны только некоторые. Мы, правда, приблизительно знаем количество народонаселения и размер внешней торговли; но на какую сумму покупается и продается товаров внутри страны — это почти невозможно определить, а так как в других отношениях сведения наши еще менее достаточны, то с этой точки зрения вопрос наш неразрешим.

Подойдем к интересующему нас предмету с другой стороны. Общая сумма работы, производимой деньгами, определяется произведением из их количества на среднее число оборотов, делаемых монетой или кредитным билетом в течение года. Но в большей части государств известно только приблизительно, сколько денег действительно обращается на их рын-

Какое количество денег потребно для страны?

ках, а о скорости обращения монеты вовсе ничего не известно. Одни монеты, например, мелкие серебряные и медные, переходят из руки в руки много раз в течение дня, а другие могут оставаться в шкатулке по целым неделям, месяцам и годам. Если бы мы знали число товарных сделок и количество употребленных денег, то можно было бы посредством деления узнать среднее число оборотов; но для этого у нас нет данных. Скорость обращения в разных странах, конечно, различна. Трудлюбивые и бережливые народы с малоразвитой банковской системой, как, например, французы, швейцарцы, бельгийцы, голландцы, более склонны к сбиранию денег, чем другие народы, которые менее заботятся о будущем, как англичане, или имеют хорошую банковскую систему, как шотландцы. На скорость обращения денег влияют еще и другие обстоятельства. Железные дороги и пароходы ускоряют денежный оборот; телеграф часто устраняет бесполезную пересылку денег; в том же направлении действует и усовершенствование почтового дела.

Гораздо важнее то обстоятельство, что при хорошей банковской системе только часть товарного обращения совершается при помощи монет или банкнот. Я не придаю большого значения денежной роли векселей, так как они могут употребляться только в ограниченном количестве и представляют собой скорее товары, покупаемые и продаваемые за деньги, чем суррогат денег. Но мы проследили шаг за шагом, как посредством системы чеков и расчетных палат совершается взаимное погашение обязательств и требований, с полным устранением из обихода денег, остаю-

щихся только единицей для измерения ценности. Все денежное обращение имеет теперь форму сложной, усовершенствованной системы прямой мены. В Лондонской расчетной палате таким путем подводятся итоги на 6000 миллионов фунтов стерлингов в год, без всякого употребления монеты, и эта цифра не дает еще правильного представления о действительной сумме оборотов, совершаемых посредством чеков, так как немало операций ликвидируется провинциальными банками, филиальными отделениями, агентами и корреспондентами одного и того же банка или разными банками, имеющими в Лондоне одного агента.

Если наши сведения о торговых операциях Англии страдают неполнотой, то еще меньше знаем мы о том, как производятся платежи в других странах. Расчетная палата в Нью-Йорке производит огромные операции; в Соединенных Штатах также сильно развита банковская система; но без детального исследования невозможно определить, в какой степени сокращается этим способом употребление наличных денег в Соединенных Штатах. Во Франции и других континентальных государствах система расплаты чеками малоразвита, за исключением некоторых крупных городов. В Париже существует нечто вроде расчетной палаты, а Банк Франции погашает, посредством записи в книгах, до 2—3 миллионов в день. Все банки в известной степени способствуют сокращению наличных платежей.

Торговая практика различных народов имеет свои особенности, вследствие чего не везде одинакова пропорция между количеством обращающихся в стране

Какое количество денег потребно для страны?

денег и числом сделок, совершаемых с их помощью. Если бы даже у нас существовала точная денежная статистика, то на основании ее данных мы могли бы судить не о недостатке или избытке денег, а, пожалуй, о степени цивилизации, предусмотрительности народа и развития банковской системы в данной стране.

* * *

Из всего вышеизложенного явствует, что единственный способ регулирования денежного обращения заключается в предоставлении деньгам полной свободы. Уровень денежного обращения должен устанавливаться таким же образом, как уровень воды; деньги должны свободно передвигаться из страны в страну, смотря по колебаниям торговли, которых ни одно правительство не может ни предусмотреть, ни задержать. С другой стороны, порядок употребления бумажных денег и банковских билетов, заменяющих собой всякого рода металлические деньги, необходимо установить в точности, потому что, в противном случае, заинтересованные люди могут думать, что бумаги гарантированы металлическим фондом, хотя на самом деле этого нет. Но самое количество денег не может быть регламентировано, точно так же, как не поддается никакой регламентации количество ржи, железа, хлопчатой бумаги или других товаров, производимых или потребляемых в стране.

Что касается бумажных денег, то частным лицам должно быть безусловно воспрещено выпускать их, и всякое государство должно иметь у себя только одно бумажное орудие обращения, которое должно выпус-

Глава XVII

каться *одним* центральным государственным учреждением, напоминающим по своему устройству скорее монетный двор, чем банк. Условия выпуска должны быть установлены вполне определенно, а выпущенные билеты необходимо покрыть металлическим фондом в полном размере. *Количество* бумажных денег не представляет интереса. Все внимание должно быть направлено не на количество денег, а на их размен по естественным законам спроса и предложения. По моему мнению, выпуск бумажных денег, принимаемых вместо металлических, оказывает произвольное действие на естественные законы, от которых зависят колебания чисто металлической валюты; строгий контроль со стороны закона в одном направлении ведет к большей свободе в другом.

БИБЛИОТЕКА ГВЛ

Серия: «Деньги»

**ДЖЕВОНС У. Ст.
ДЕНЬГИ И МЕХАНИЗМ ОБМЕНА**

Корректор: *Беляева М. В.*

Верстка: *Вятчинова Н. А.*

Художественное

оформление: *Пушкарный А. В.*

Подписано в печать 30.09.2005. Формат 70×100^{1/32}.
Бумага офсетная. Гарнитура «Academia». Усл. печ. л. 7,63.
Уч.-изд. л. 6. Тираж 2000 экз. Заказ № .

ООО «Социум», e-mail: info@sotsium.ru